

В. П. Даниленко

КАРТИНА
МИРА
В МИФАХ
ДРЕВНЕГО
КИТАЯ

В. П. Даниленко

КАРТИНА
МИРА
В МИФАХ
ДРЕВНЕГО
КИТАЯ

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2019

УДК 801.81:398.221(=581)
ББК 82.3(5Кит)
Д 181

Даниленко В. П.

Д 181 Картина мира в мифах древнего Китая / В. П. Даниленко. –
СПб.: Алетейя, 2019. – 298 с.

ISBN 978-5-907115-99-6

Мифическая картина мира того или иного народа по-своему отражает мировидение этого народа. У каждого народа оно своеобразно. Цель этой книги – наметить путь к воссозданию картины мира в древнекитайских мифах.

Книга предназначена для тех, кто ценит народную мудрость.

УДК 801.81:398.221(=581)

ББК 82.3(5Кит)

ISBN 978-5-907115-99-6

9

© В. П. Даниленко, 2019

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2019

ВВЕДЕНИЕ

Трудно найти термин, который мог бы конкурировать по распространённости в науке XX в. с термином *картина мира*. В значительной степени он вытеснил термины *мировидение*, *мировоззрение*, *миросозерцание* и т.п. Это неслучайно. У него имеется преимущество перед ними. Оно состоит в его метафоричности. Он ассоциируется с картиной. Но какой? Грандиозной! На ней изображён весь мир.

Мир, в котором нам выпало счастье жить, состоит из четырёх частей – физической природы (физиосферы), живой природы (биосферы), психики и культуры. Последняя включает в себя шесть сфер духовной культуры – религию, науку, искусство, нравственность, политику и язык.

Каждая сфера духовной культуры способна по-особому изобразить картину мира. Со своих точек зрения это делают наука, искусство, нравственность, политика и язык. В результате появляются научная, художественная, нравственная, политическая и языковая картины мира.

Свою точку зрения на мир имеет и религия. Её представители утверждают, что над всем миром господствуют некие сверхъестественные, чудодейственные, могущественные божественные силы. В разных религиях эти силы выглядят по-разному, однако обычно все религии объединяют в две группы – политеистические (многобожеские) и монотеистические (однобожеские). В основе каждой из них лежат мифические картины мира.

К наиболее колоритным политеистическим мифическим картинам мира принадлежат три из них – греческая, индийская и китайская. Эта книга посвящена последней.

За термином *мифология* закрепилось два основных значения. С одной стороны, он обозначает собрание мифов, а с другой, – науку о мифах.

Следует также иметь в виду, что термины *мифический* и *мифологический* употребляются как синонимы (*мифический герой* и *мифологический герой*, *мифическая картина мира* и *мифологическая картина мира* и т.д.). Я пытаюсь в своей книге убрать эту синонимию: слово *мифический* образовано от слова *миф*, а слово *мифологический* – от слова *мифология*. Последний термин логичнее употреблять по отношению к науке о мифах.

Зачем нужно изучать мифы? Вот как этот вопрос ответил выдающийся китайский мифолог Юань Кэ:

«Мифы созданы на заре истории человеческого общества. По мифам мы можем судить, каковы были представления и мысли у трудовых людей древности: как они представляли мироздание, как воспевали народных героев, каким образом стремились улучшить свою жизнь, как прославляли труд и борьбу и т.д., и т.п. Кроме того, исследуя мифы, мы ещё лучше поймем, как надо любить жизнь и свой народ» (Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М., 1987 (сокращённо – Юань). С. 26).

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

1.1. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕКИТАЙСКИХ МИФОВ

Отечественная китаистика вправе гордиться тем, что первая книга о китайских мифах была написана в России – Сергеем Михайловичем Георгиевским (1851–1893). Он окончил историко-филологический факультет Московского университета (1873) и факультет Восточных языков Петербургского университета (1880). В 1885 г. он защитил магистерскую диссертацию «Первый период китайской истории (до императора Цинь-ши-хуан-ди)», а в 1888 г. – докторскую «Анализ иероглифической письменности китайцев, как отражающий в себе историю жизни древнего китайского народа». В 1892 г. в Петербурге вышла в свет его небольшая книга «Мифические воззрения и мифы китайцев».

Главное внимание в книге С. М. Георгиевского уделено космогоническим мифам. Довольно подробно её автор анализирует в ней мифы о физической природе – о происхождении солнца и других звёзд, луны, молнии, радуги и других явлений физической природы. Мифы о живой природе, психике и культуре остались у него на втором плане. Это естественно, поскольку мифы древнего Китая в его время были реконструированы очень слабо. Заслуживает одобрения, вместе с тем, сам путь, намеченный её автором к выявлению мифических воззрений древних китайцев. Эту книгу можно назвать первой ласточкой в реконструкции китайской мифической картины мира.

В науке о китайских мифах в дальнейшем наметилось две главные задачи – их реконструкция и систематизация. О трудностях, связанных с выполнением первой из этих задач, Юань Кэ написал так:

«Материалы по древней мифологии рассыпаны по каноническим конфуцианским книгам, историческим сочинениям, трактатам философов и сборникам произведений различных писателей. К тому же ещё некоторые сведения необходимо было извлечь из комментариев к древним книгам...» (Юань. С. 380).

«Извлечение» мифов из памятников письменности проводилось мифологами на протяжении многих лет. Среди этих источников в первую очередь следует выделить три группы памятников письменности – канонические («Книга песен» (Шицзин), «Книга преданий» (Шуцзин) и др.), апокрифические («Книга гор и морей» (Шань хай цзин), «Толкование обрядов и обычаев» (Фэнсу тунъи) Ин Шао и др.) и философские («Мэнцзы», «Критические рассуждения» (Лунь Хэк) Ван Чуна и др.). Они датируются IV в. до н.э. – II в. н.э.

Среди множества первоисточников древнекитайских мифов центральное место принадлежит «Книге гор и морей». Об этом свидетельствует один из лучших знатоков этих первоисточников Юань Кэ. Он писал: «“Книга гор и морей” представляет собой произведение, сохранившее для исследователей больше всего мифологического материала» (Юань. С.21).

Книга, о которой идёт речь, создавалась разными людьми, жившими в разное время. Предполагается, что самым древним её разделом является «Книга гор пяти сторон света». Этот раздел Юань Кэ датирует VIII–VII вв. до н.э. Предполагаемая хронология написания других её разделов выглядит следующим образом: «Книга земель, находящихся за морями» – V–III вв. до н.э., «Книга земель внутри морей» – конец III–II в. до н.э., «Книга великих пустынь» – конец III в. до н.э. – начало I в. н.э.

Две последние книги объединяют в «Книгу морей». Юань Кэ о ней пишет: «“Книга морей”, сохранившаяся до наших дней, даёт очень много материалов по древнекитайской мифологии и является настоящей сокровищницей для исследования мифов древнего Китая» (Юань. С. 20).

«Книга гор и морей» была переведена на русский язык Э. М. Яншиной и издана в 1977 г. в Москве под названием «Ка-

талог гор и морей (Шань хай цзин)». В качестве её автора заявлен Юй Великий. В аннотации к этой книге читаем:

«“Шань хай цзин”, то есть “Книга гор и морей” или “Каталог гор и морей” – древнекитайский трактат, описывающий реальную и мифическую географию Китая и соседних земель и обитающие там создания. Это произведение, создание которого традиционно приписывается легендарному Великому Юю, в действительности было написано в течение последних веков до нашей эры и первых веков нашей эры (период Сражающихся царств – династия Хань). “Шань хай цзин” – важнейший источник естественнонаучных знаний, мифологии, религии и этнографии Китая IV–I вв. до н.э.».

Реконструированные мифы необходимо систематизировать. Вот почему одни и те же мифологи стремились к выполнению *обеих* задач, стоящих перед китайской мифологией. Среди её многочисленных представителей в книге «Формирование и развитие древнекитайской мифологии» Э. М. Яншина выделила таких западных учёных, как А. Масперо, Б. Карлгрен, М. Гранэ, Б. Эберхард, Д. Бодде и др.

Тонкий знаток китайских мифов, будущий академик РАН Борис Львович Рифтин (1932–2012) в своём пространном послесловии к книге Юань Кэ в свою очередь выделяет книгу Э. Т. Вернера «Мифы и легенды Китая», которая была издана в Лондоне в 1922 г. и в Нью-Йорке в 1932. В этой книге 16 глав:

1. Китайцы как нация.
2. О китайской мифологии.
3. Космогонические мифы.
4. Боги Китая.
5. Мифы о звёздах.
6. Мифы о громе, молнии, ветре и дожде.
7. Мифы о духах вод.
8. Мифы о духах вод.
9. Мифы об огне.
10. Богиня Милосердия.
11. Восемь бессмертных.

12. Страж небесных врат.
13. Битва богов.
14. Как обезьяна стала богом.
15. Легенды о лисах.
16. Разные легенды.

По оглавлению видно, как далёк был Э. Е. Вернер от картины мира, заключённой в китайских мифах, хотя после публикации книги С. М. Георгиевского прошло тридцать лет. Более того, понимание мифотворчества у него было весьма своеобразным. В параграфе «Мифология и интеллектуальный прогресс» он пишет:

«В основе мифотворчества лежит попытка познать и по мере возможности объяснить происхождение, устройство и жизнь обитателей потустороннего мира» (<https://www.e-reading.by/book.php?book=1005091>). Только и всего!

Э. Т. Вернер задаёт вопрос: «Почему одни народы рассказывают множество удивительных историй о своих богах, а другие практически не упоминают о них, хотя и есть что порассказать?» (там же).

И даёт незамысловатый ответ: «Это можно объяснить различиями в складе ума, психологии людей и в большой степени в их воображении. На низших стадиях развития человека воображение у него бедное, на высших ступенях, напротив, фантазия становится богатой» (там же).

Следует быть благодарным Эдварду Теодору Вернеру (1864–1954) за его нелёгкий труд. Но он не был учёным. Больше тридцати лет (с 1880 г. по 1914) он был в Китае на дипломатической службе. Свою книгу он адресовал в первую очередь своим коллегам.

Суровую оценку книге Э. Т. Вернера дал Б. Л. Рифтин. В этой книге, по его мнению, древнейшие источники китайских мифов, «как ни странно, почти совсем не представлены» (Юань. С. 428).

В 1932 г. Э. Т. Вернер издал в Шанхае книгу «Словарь китайской мифологии». Её «английский автор, – указывал Б. Л. Рифтин, – по-прежнему смешивал древние мифы с позднейшими

авторскими обработками и буддийскими и даосскими сказаниями» (там же. С. 429).

В послесловии к книге Юань Кэ Б. Л. Рифтин указывает на прорыв в исследовании китайских мифов в 20–40 гг. XX в. В особенности это касается китайских мифологов – таких, как Мао Дунь, Шэнь Яньбин, Чэнь Мэньцзя, Вэнь Идо и др. Однако в центре его внимания была книга Юань Кэ «Мифы древнего Китая». Б. Л. Рифтин дал ей высокую оценку:

«Юань Кэ во многом помогали, конечно, работы его предшественников – китайских исследователей мифологии. Но нам неизвестно ни одной книги, где было бы использовано такое количество древних источников, как у Юань Кэ» (Юань. С. 380).

Книга Юань Кэ (2016–2001) остаётся наиболее фундаментальным и надёжным источником для реконструкции мифической картины древнего Китая. В предисловии к книге автор пишет:

«В детстве и в юношеские годы я всегда любил сказки, мифы, легенды – эти образцы устного народного художественного творчества. Когда же впоследствии я натолкнулся на материал по мифологии в древних книгах, то был поражён богатством и красотой образов и одновременно не мог не сожалеть о лапидарности сведений. Поэтому я в конце концов решился, несмотря на несовершенство своих знаний, собрать воедино мифы и дать относительно систематическое и законченное изложение их. Так получилась книга “Мифы древнего Китая”, выпущенная в 1950 г. издательством “Шанъу иньпугуань” (“Коммерческое издательство”). Хотя в этой маленькой книжечке и были недостатки и ошибки, но она каждый год переиздавалась, так как была нужна читателям, и к концу 1955 г. вышло уже шесть изданий. В те годы мне часто хотелось найти время, чтобы дополнить и исправить её, но в силу разных обстоятельств это желание долго не могло осуществиться. И только в прошлом году (в 1957. – В. Д.), побуждаемый читателями, получив поддержку и одобрение издательства, я осуществил своё желание, переработав всю книгу заново. Книга в новом варианте почти в четыре раза больше первого издания» (Юань. С. 5). Первое издание

книги Юань Кэ в русском переводе вышло в Москве в 1965 г., а второе – в 1987.

Увеличение объёма книги, изданной в 1957 г., Юань Кэ объясняет следующим образом: «Когда заново перерабатывалась эта книга, я не только добавил много новых материалов по мифологии, но и включил в неё многочисленные повествования о бессмертных и легенды» (Юань. С. 6).

Автор книги, о которой идёт речь, не ставил перед собой задачи, направленной на реконструкцию картины мира, заключённой в древнекитайских мифах. Большая часть её глав сориентирована не на эту картину мира, а на сюжеты об их главных персонажах – Жёлтом владыке и Чию, Ди-цзине, Ди-Ку и Шуне, стрелке И и его жене, Гуне и Юе и др.

В 1984 г. в Москве вышла в свет книга Электры Михайловны Яншиной «Формирование и развитие древнекитайской мифологии» (сокращённо – Янш.). Эта книга остаётся ценнейшим источником по ранней истории древнекитайских мифов, которая ведёт свой отсчёт с середины II тысячелетия до н.э.

В первой главе книги Э. М. Яншиной скрупулёзно реконструирует этап зарождения древнекитайских мифов, который был связан с фетишизмом, тотемизмом и анимизмом, в её второй главе анализируются древнейшие мифы культа природы и в её третьей главе – наиболее древние мифы о героях.

Красной линией через книгу Э. М. Яншиной проходят две идеи – о наслоении в мифах различных исторических периодов и о вариативности древнекитайских мифов. Первую из этих идей её автор выразила такими словами:

«Миф складывается и бытует в устной традиции сравнительно длительное время и несёт в себе наслоения различных исторических периодов. Одна из функций мифа – обобщение и сохранение опыта и знаний в родовом и раннеклассовом обществе – обуславливает его консервативность, сохранение образов и сюжетов. В то же время мифология на протяжении всей древности остаётся живой идеологией, и она не может не переформляться вместе с изменением условий существования и

взглядов своих носителей. Отсюда её динамичность и способность к постоянному развитию» (Янш. С. 148–149).

Вариативность – характерная черта древнекитайских мифов. Так, среди космогонических мифов выделяются, по крайней мере, несколько их вариантов. То в качестве творцов вселенной выступают Инь и Ян, то – Цзюйлинь, то Нюйва, то Паньгу и др.

Среди мифов о Гуне в свою очередь Э. М. Яншина обнаружила три варианта мифов о его смерти и воскрешении. В первом из них этот герой после смерти превращается в бурого медведя, во втором – в Жёлтого дракона, а в третьем он воскрешается в своём прежнем, человеческом, облике и становится бессмертным.

О втором из этих вариантов у Э. М. Яншиной читаем: «В несохранившемся памятнике “Гуйцзан” (?) говорится: “Гунь умер и не тлел три года, когда же его разрубили (расчленили) уским мечом, он превратился в Жёлтого дракона”» (Янш. С. 155).

В связи с этим встаёт вопрос о том, какую версию о том или ином мифическом герое следует считать «истинной»? Какой отдать предпочтение?

Э. М. Яншина пишет: «Встаёт вопрос о критериях предпочтения этой “истинной” версии, поскольку мифологическая традиция всегда, и в данном случае тоже, противоречива. И тут, как правило, вступает в силу авторитет памятника и почти механически отдаётся предпочтение версии, которую сообщает более авторитетный источник» (Янш. С. 147).

Чтобы выяснить, какой памятник письменности в изложении того или иного мифа следует расценивать как наиболее авторитетный, Э. М. Яншина проанализировала в своём выдающемся труде множество первоисточников. Вот лишь некоторые из них: «Каталог гор и морей», «Цзочжуань», «Хань Фэйцзы», «Хуайнаньцзы», «Речи царств», «Книга преданий», «Вопросы к небу» Цюй Юаня, «Вёсны и осени Люя».

В 2003 г. в Москве вышла в свет книга Вячеслава Владимировича Ежова «Мифы древнего Китая» (сокращённо – Еж.). В её основе лежит книга Юань Кэ. Но в ней имеется намёк на китайскую мифическую картину мира, однако дальше этого намёка

дело у её автора не пошло. Картина мира, лежащая в её основе, выглядит весьма неупорядоченно. Об этом свидетельствует её оглавление.

Мир возникает из хаоса
Нюйва создает и опекает людей
Человечество возрождается после потопа
Удивительные существа, населявшие древний мир
Чудесные растения
Небесные владыки
Древнейшие правители поднебесной империи
Стрелок И – посланник и изгнанник небес
Юй – усмиритель великого потопа
Три религии Древнего Китая
Поиски бессмертия
Рассказы о магах и волшебниках
Божества – покровители людей
Божества – покровители семьи
Природные божества
Небесные воители
Духи, бесы и оборотни
Загробный мир
Сказания о небесных феях
Рассказы о чудесах, знамениях и предсказаниях

Э. Т. Вернер, Юань Кэ, Э. М. Яншина, В. В. Ежов и др. не ставили перед собой задач, связанных с воссозданием картины мира, как она сложилась в древнекитайских мифах. Попытка такого воссоздания представлена в настоящей книге.

1.2. МИФ И СКАЗКА

Мифический мир полон чудес. Реальная действительность в мифах подвергается фееризации – очуждению. Эта действительность в конечном счёте превращается в особый мир – мир чудес.

Не отстают от мифов и сказки. Реальный мир в них подвергается фееризации в такой же высокой степени, как и в мифах. Этот мир в конечном счёте превращается в особую картину мира – сказочную.

Чудо – вот что сближает сказочную картину мира с мифической. Что же такое чудо?

Событие, которое происходит не по естественным, а сверхъестественным причинам. По естественным причинам, например, люди не могут родиться от рыбки, а в русской сказке «Иван – коровий сын» читаем:

«Повара рыбку вычистили, вымыли, сварили, а помои на двор выплеснули. Проходила мимо корова, помои полизала. Девка-чернавка положила рыбку на блюдо – отнести царице – да дорогой оторвала золотое пёрышко и попробовала. А царица рыбку съела. И все три понесли в один день, в один час: корова, девка-чернавка и царица. И разрешились они в одно время тремя сыновьями: у царицы родился Иван-царевич, у девки-чернавки Иван-девкин сын; и корова родила человека, назвали его Иван-коровий сын» (Сказки народов мира в десяти томах. Т. 1. Русские народные сказки. Сост. В. П. Аникин. М., 1987 (сокращённо – РНС). С. 26).

По естественным причинам от разных матерей, одна из которых, к тому же, – корова, не могут родиться дети, как две капли воды, похожие друг на друга, а по сверхъестественным – пожалуйста:

«Ребята уродились в одно лицо, голос в голос, волос в волос» (там же).

По естественным причинам не могут дети расти не по дням, а по часам и стать сверхсилачами в десять лет, а в сказке – пожалуйста:

«Растут они не по дням, а по часам; как тесто на опаре поднимается, так и они растут. Долго ли, коротко ли, стало им годов по десяти. Стали они с ребятами гулять, шутить шутки нехорошие. Какого парня возьмут за руку – рука прочь, возьмут за голову – голова прочь» (там же).

Возьмём теперь китайскую сказку «Всадник на зелёном коне». В ней рассказывается о том, как одна бедная крестьянка родила лягушку. Муж предложил выбросить эту лягушку в реку, но она заговорила по-человечьи. Это её спасло.

Когда лягушка выросла, она попросила мать о невозможном – сосватать за неё одну из дочерей сельского старосты. Мать рассмеялась. Но лягушка сама сумела сосватать себе младшую дочь старосты.

Мы видим здесь три чуда: 1) по естественным причинам от женщины не может родиться лягушка, а в сказке – пожалуйста; 2) по естественным причинам лягушка не может заговорить по-человечьи, а в сказке – пожалуйста; 3) по естественным причинам лягушка не может жениться на девушке, а в сказке – пожалуйста.

В этой же сказке происходят и другие чудеса. Староста вынужден был согласиться выдать замуж за лягушку старшую дочь, поскольку эта лягушка так громко засмеялась, что началось землетрясение:

«Лягушка засмеялась. Голос её был громче тысяч лягушек, вместе взятых. От него затряслась земля, зашатались дома. В воздух поднялись камни и песок, затмив собою солнце. Стало темно. В доме старосты все перепугались и стали прятаться кто куда.

– Прошу тебя, не смейся, – стал просить староста, – не то мы все погибнем. Я согласен выдать за тебя свою старшую дочь» (Золотая свирель. Китайские народные сказки. Владивосточное книжное издательство, 1990 (сокращённо – КНС). С. 28).

Подобная история произошла и со средней дочерью. На этот раз от плача лягушки началось наводнение. Но замуж за лягушку в конце концов вышла младшая дочь старосты. Она подумала:

«Если лягушке послушны земля и воды, значит, это необыкновенная лягушка» (там же. С. 30).

Не может по естественным причинам лягушка устроить землетрясение или наводнение. В сказках подобные события происходят по сверхъестественным причинам. Такие события – чудо.

Чудесных событий в китайских сказках, как и в русских, тьма-тьмушая. Приведу здесь лишь некоторые примеры:

1. Из камня выскакивает золотая собака, которая может изрыгать всепожирающий огонь («Два источника»).

2. Из персика в одно мгновение рождается мальчик, который растёт не по дням, а по часам («Золотая свирель»).

3. Юноша поймал краба, из которого выскакивает прекрасная девушка («Камни диди»).

4. Маленькая девочка увидела цветы *таньхуа* и в мгновение ока превратилась во взрослую девушку («Цветы таньхуа»).

5. Чудесный пион может оборачиваться в прекрасную девушку («Девушка-пион»).

6. Из глаз улитки мощным потоком льётся чистая вода («Два источника»).

7. Высоко в горах течёт чудесная вода. Достаточно один раз её попить, чтобы жить вечно («Злая мачеха»).

8. Юноша-сирота спас лягушку. Она заговорила по-человечьи и указала ему место, где течёт «сильная» вода. Достаточно один раз её попить, чтобы наполниться богатырской силой («Камни диди»).

9. В тыкве чудесным образом появляются вкусные кушанья («Сказка про одного лентяя и тыкву-горлянку»).

10. Каменщик сделал чудесную чашку. Достаточно в неё опустить одно зерно кукурузы, чтобы в ней появлялись всё новые и новые кукурузные зёрна («В пургу поющая лютня»).

11. В пустой ступке появляется отборный рис («Гора тысячи соковищ»).

12. Батрак нашёл кусочек вяленого мяса. Оно, как барометр, предсказывает погоду («Сон батрака»).

13. Чудесный старик подарил юноше волшебную одежду. В этой одежде он оставался невредимым в страшном огне («Как Чжан Шуань спас Ли Хуа»).

14. Бедная женщина вышила на парче прекрасное селение. Порывы ветра сделали это селение реально существующим. Вместе с сыном она стала в нём жить («Парча»).

15. Юноша нарисовал на бумаге буйвола, небесную девушку и крылатого тигра. Когда он подул на них через рог, они ожили («Рог буйвола»).

16. Бедный юноша так искусно играл на флейте, что рыбы высовывали из воды головы, чтобы лучше расслышать его игру («Камни диди»).

17. Мальчик заиграл на чудесной свирели и злой дракон, укравший его сестру, пустился в пляс. Он плясал до тех пор, пока не свалился в омут и не утонул в нём («Золотая свирель»).

18. Слепая императрица прозревает, когда к её глазам при-
тронулись глазом дракона («Глаза дракона»).

19. Бедный юноша смастерил топор из чудесного железа, которое ему подарил старец. Этим топором он расколол гору надвое. Из трещины посыпалось золото («Топор, разрубающий горы»).

20. Несколько волосков волшебного буйвола упали в корзину мальчика. Она стала исполнять любые его желания – по его требованию из неё вылетали тарелки со вкусной пищей, птица, на которой он летал, камень, который разрушил строящийся дворец жестокого богача, и др. («Волшебная корзина»).

По сверхъестественным причинам чудеса происходят не только в сказках, но и в мифах. По сверхъестественным причинам в греческих мифах возник Олимп – место обитания Зевса, Геры, Аполлона, Гермеса, Диониса, Артемиды, Афины и др.

По сверхъестественным причинам греческие боги творят головокружительные чудеса. Вот лишь некоторые примеры:

1. Зевс, бог-громовержец, полюбил прекрасную Семелу, дочь фиванского царя Кадма. Младенец, которого она родила, оказался очень слабым. Зевс зашил его в своё бедро. Окрепший

младенец, будущий бог виноградарства и вина Дионис, родился из бедра верховного бога во второй раз.

2. Афина – богиня мудрости – рождается из головы Зевса взрослой и в полном военном облачении.

3. Гермес – будущий вестник олимпийских богов – был ещё младенцем, когда он украл коров, принадлежащих Аполлону. Две из них он поджарил на костре и зараз их съел. После такого роскошного пиршества Гермес преспокойно вернулся в свою колыбельку.

4. Молодой охотник Актеон позволил себе посмотреть на голую Артемиду. От богини охоты последовало незамедлительное наказание: она превращает несчастного юношу в оленя.

5. Афродита, богиня любви и красоты, до безумия влюбилась в прекрасного Адониса, сына критского царя. На охоте его задрал свирепый кабан. Горе Афродиты было безутешным. Зевс сжалился и приказал Аиду, владыке подземного царства, отпускать Адониса из царства смерти каждые полгода к Афродите на небо.

Примеры чудес из индийских мифов:

1. Индра – верховный бог ведической религии – так испугался царя Нахушу, что уменьшил себя до такого размера, что сумел спрятаться от этого царя внутри цветка.

2. Шива – великий бог-разрушитель – возглавил войну богов с асурами. Вот как выглядела его чудо-коляска: гора Меру стала её сиденьем, гора Мандара – осью, а солнце и луна – колёсами.

3. Асуры построили себе крепость, в которой находился чудо-водоём: он воскрешал мёртвых. Великий Хранитель мира Вишну взмыл в небо, опустил около этого водоёма, превратил себя в быка, выпил из него чудесную воду и возвратился в стан Индры.

4. Мудрецу Дадхьянчу небесные целители отрубили человеческую голову и приставили на её место конскую. Она прижилась и заговорила по-человечьи. Индра отсёк эту голову мечом. Целители вернули мудрецу его прежнюю человеческую голову.

5. В лесу Висиштни, сына Варуны, жила чудесная корова. Она исполняла любые желания людей.

Чудеса, описываемые в сказках, составляют основу сказочной картины мира. Чудеса, описываемые в мифах, составляют основу мифической картины мира. Эти картины мира не порывает с реальным миром полностью и целиком. Реальный мир в той или иной степени присутствует в сказках и мифах, но он подвергается в них перекодировке.

Б. Н. Путилов писал: «Фольклорное творчество вбирает богатый мир этнографической действительности, подвергая его перекодировке» (Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994, С. 117).

Эти слова имеют отношение как к сказкам, так и к мифам. Перекодировка реального мира в них осуществляется главным образом за счёт одного и того же творческого приёма – фееризации. Этот приём их объединяет. Возникает проблема отграничения мифа от сказки.

Наш выдающийся фольклорист Владимир Яковлевич Пропп указал на две главные причины, лежащие в основе разграничения мифа и сказки: во-первых, миф принадлежит религии, а сказка – искусству; во-вторых, мифотворцы верят в реальность описываемых ими чудес, а сказочники – не верят.

В своём главном труде В. Я. Пропп писал: «Под мифом здесь будет пониматься рассказ о божествах или божественных существах, в действительность которых народ верит. Дело здесь в вере не как в психологическом факторе, а историческом. Рассказы о Геракле очень близки к нашей сказке. Но Геракл был божеством, которому воздавался культ. Наш же герой (герой волшебной сказки. – В. Д.), отправляющийся, подобно Гераклу, за золотыми яблоками, есть герой художественного произведения» (Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2014. С. 13–14).

В мифах отражено вполне серьёзное отношение к самой возможности чудесных событий. На вере в реальность чуда держится любая религия. Совсем другое отношение к чуду мы обнаруживаем в сказке.

Чудо в сказке расценивается как событие вымышленное, нереальное и даже, выражаясь по-бахтински, смеховое. В его

реальность ни сказочники, ни их слушатели уже не верят. Оно становится в сказке предметом развлечения.

В восприятии чуда сказка превращается в антипод религии. Религиозная вера в реальность чуда в ней дискредитируется. Как явная насмешка над верой в реальность чуда звучит типичная сказочная концовка: «И я там был, мёд-пиво пил, по усам текло, да в рот не попало».

Иногда в сказках появляются мифические персонажи. Но сказочный контекст подвергает их демифизации. По отношению к языческим персонажам русские сказочники заняли откровенно антирелигиозную позицию. В своих сказках они их подвергают явной демифизации. Водяной, леший, домовый и тому подобные мифические персонажи утрачивают в сказках свою религиозную природу и оказываются в одном ряду с другими сказочными героями – Кощеем Бессмертным, бабой-ягой и др. В их реальное существование ни сказочники, ни их слушатели уже не верят.

В сказке «Королевич и его дядька», например, изображён леший. Но он выглядит вовсе не как мифический персонаж, а как сказочный персонаж. Правда, некоторые отголоски из его мифического прошлого мы в нём можем обнаружить. Они связаны с его былым могуществом. Оно выражено, в частности, в том, что его дочери дарят королевичу скатерть-самобранку, волшебное зеркальце и чудесную дудку. Мы видим перед собою типичные сказочные предметы.

Но могущество лешего в сказке явно не так безгранично, как в мифах о нём. С ним очень легко справляется король. Он ловит его и заковывает в железный столб. Только благодаря королевичу он получает свободу.

Как откровенная насмешка над верой в домового звучит сказочка «Иванушка и домовой»:

«Иванушка ходил в лаптях. Заходит он в свою избу. Матери дома не было. Услыхал – кто-то в избе пыхтит. Испугался он, дверями хлопнул и побежал. У него оборка от лаптя на ноге развязалась. Прищемило её в дверях, он и упал. И закричал:

– Батюшки! Спасите! Домовой меня держит!

Прибежали соседи, подняли Иванушку, а он чуть жив. И тут разобрали, в чём дело: испугался он лаптя на своей ноге, оборки и квашни. То-то смеху было!» (РНС. С. 504).

Демифизации подвергается дух гор и рек в уже упомянутой китайской сказке «Всадник на зелёном коне». Отголоски его мифического могущества заявляют о себе в эпизоде, где жена лягушки, которая превратилась в прекрасного всадника, обращается к духу гор и рек за помощью. Она умоляет его спасти мужа от смерти:

«Девушка держала на руках мужа, а он всё слабел и слабел.

– Муж мой, не умирай!

– Если хочешь, чтобы я жил, сядь скорее на моего зелёного коня, скачи на запад и попроси у духа гор и рек счастье для людей.

Девушка села на коня и понеслась как ветер. Зелёный конь остановился перед храмом, излучавшим яркий свет. Она вошла туда и стала просить духа вернуть к жизни мужа и дать людям счастье.

– Девушка, твоя сердечность тронула меня, – сказал дух. – Желания твои будут исполнены» (КНС. С. 34).

Дух гор и морей ведёт здесь себя как будто как мифический герой. Он обещает женщине не только вернуть к жизни её мужа, но даже и дать людям счастье. Между тем, перекочевав из мифа в сказку, дух гор и морей утратил своё мифическое могущество. Он не в силах выполнить желания жены всадника. В конце сказки её муж умирает, а уж о счастье для всего человечества и говорить не приходится.

Дух гор и морей в приведённой сказке ставится в конечном счёте в один ряд с другими её персонажами. Из мифического героя он превращается в сказочного. Это означает, что сказочники, сочинившие эту сказку, уже не верили в его мифическое величие. Они относились к нему не как мифотворцы, а как сказочники. Он для них – такая же выдумка, как и другие персонажи этой сказки. Они подвергли его образ демифизации. В отличие от своего мифического прототипа, он не способен творить чудеса.

Теряет своё мифическое могущество и горный дух в сказке «Чан Фамэй». Он проигрывает в ней старику, который исполняет в ней роль чудесного помощника девушки Чан Фамэй.

Эта девушка жила в деревне, в которой не было воды. Её жители бедствовали. Им приходилось ходить за водой к источнику, который находился от их села за несколько километров. Но однажды Чан Фамэй нашла на горе Доугаошань, которая находилась недалеко от её деревни, источник чистой и прохладной воды. У этого источника был хозяин – злой дух горы. Заметив девушку, он пригрозил ей расправой, если она скажет об источнике односельчанам.

Девушка после долгих и мучительных раздумий рассказала односельчанам о горном источнике. Они забрались на гору и прорубили в нём такое большое отверстие, что вода хлынула из него мощным потоком к их деревне.

Горный дух рассвирепел. Он придумал страшное наказание для Чан Фамэй:

«Скорчился дух от ярости, закричал:

Я повелел тебе не рассказывать о воде, а ты, негодная, ослушалась. За это я посажу тебя под скалу и пущу сюда воду, пусть падает с высоты на твою голову!

А девочка ему в ответ:

– Ради счастья людей я готова на всё» (КНС. С. 114).

Горному духу не удалось осуществить свой замысел. В борьбу с ним вступил чудесный помощник девушки. Он обхитрил горного духа. Вместо Чан Фамэй он поставил под водопад её каменную скульптуру. Горный дух был так глуп, что не сумел отличить эту скульптуру от живой девушки.

Победа чудесного старика в этой сказке над горным духом свидетельствует о демифизации этого духа. Он в ней – не всемогущее божество, а одураченное сказочное чудовище. Тем самым он ставится в один ряд с другими чудовищами, которые нередко встречаются в сказках.

В реальное существование таких духов сказочники, в отличие от мифотворцев, уже не верят. Горный дух для них – не мифический герой, а один из отрицательных сказочных персо-

нажей. В русских сказках подобных персонажей больше, чем в китайских. Самые злобные среди них – Змей Горыныч и Кощей Бессмертный (о русских сказках см. подробно в моей книге: «Картина мира в сказках русского народа. СПб.: Алетейя, 2017). В китайских народных сказках в роли глупых, жестоких и жадных отрицательных персонажей выступают по преимуществу императоры и мандарины.

По отношению к чуду мифическое сознание коренным образом отличается от сказочного. Если для последнего чудеса, изображаемые в сказках, – игра фантазии, то для первого – по выражению А. Ф. Лосева, «подлинная и максимальная конкретная реальность» (Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С. 397).

В книге «Диалектика мифа» А. Ф. Лосев писал: *«С точки зрения самого мифического сознания ни в коем случае нельзя сказать, что миф есть фикция и игра фантазии. Когда грек не в эпоху скептицизма и упадка религии, а в эпоху расцвета религии и мифа говорил о своих многочисленных Зевсах или Аполлонах; когда некоторые племена имеют обычай надевать на себя ожерелье из зубов крокодила для избежания опасности утонуть при переплытии больших рек; когда религиозный фанатизм доходит до самоистязания и даже до самосожжения; – то весьма невежественно было бы утверждать, что действующие тут мифические возбудители есть не больше, как только выдумка, чистый вымысел для данных мифических субъектов. Нужно быть до последней степени близоруким в науке, даже просто слепым, чтобы не заметить, что миф есть (для мифического сознания, конечно) наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, но – наиболее яркая и самая подлинная действительность»* (там же. С. 396).

1.3. ПУТИ, ВЕДУЩИЕ К МИФИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Наибольших успехов в чудотворчестве достигли боги. Но они – заключительный этап в истории мифического сознания. Его можно назвать теизацией. К нему его вели три пути – фетишизм, тотемизм и анимизм.

1.3.1. ФЕТИШИЗМ

Под фетишизмом в религиоведении понимают приписывание тем или иным предметам чудотворных особенностей. К таким предметам древние китайцы относили, в частности, камни. В одном из средневековых памятников китайской письменности читаем:

«В уезде „Гора Хэн» есть гора... На её северном склоне каменная пещера. Если углубиться в неё на сто шагов в северном направлении, то [увидишь] там два больших камня, находящихся на расстоянии примерно 1 чжана друг от друга. В народе говорят, что один из этих камней – камень света (тепла, ян), а другой – камень тьмы (холода, инь). От них зависит, будет ли дождь или ведро. Если бить кнутом камень света (тепла), то пойдет дождь. Если сечь камень тьмы (холода), то будет ведро... к юго-западу от горы в области Иньлинь есть озеро. На берегу озера есть камень-бык. Люди приносят ему жертву. Если наступает засуха, то убивают быка, его кровь смешивают с землёй и обмазывают обратную сторону камня-быка. Когда жертва принесена, Небо посылает большой дождь» (Яншина Э. М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М., 1984 (сокращённо – Янш). С. 33).

Как видим, камням, о которых здесь идёт речь, приписываются чудотворные свойства. С помощью обрядовых действий над ними, люди вызывали благоприятные для них изменения природы.

Как прекрасно показала Э. М. Яншина, в качестве фетишистских предметов китайцы использовали как продукты природы (горы, реки и т.п.), так и продукты культуры (колокола, бараба-

ны и др.). Все они воспринимались как чудесные предметы. От них ждали чудес, связанных с прекращением засухи, получением хорошего урожая и т.п.

Особое почтение китайцы испытывали к священным горам. Чтобы они творили чудеса, им приносили жертвы – участки земли, животных, свечи, сделанные из трав, и др. Э. М. Яншина в связи с этим пишет:

«Горам, как можно видеть из приведённых сообщений, приносили жертвы по разным поводам. В одних случаях у горы просят дождь, в других – урожай, в третьих – прекращение ветра, в четвёртых – благодарят за победу и т.д. Такая полифункциональность в культе гор представляется архаической чертой, тесно связанной с их фетишистской природой. Впоследствии эта полифункциональность горы-фетиша переносится на богов гор. В этой связи интересно следующее сообщение “Цзочжуань”: “Если начнётся засуха, мор, эпидемия, то возжигают жертву богам гор и рек”» (Янш. С. 36).

1.3.2. *ТОТЕМИЗМ*

Под тотемизмом в религиоведении понимают веру людей в чудесное рождение далёких нечеловеческих предков их родов, племён, народов.

В качестве предков – тотемов – у некоторых народов выступали явления физической природы (звёзды, гром, радуга, дождь и т.п.) и растения (бамбук, пальма, сосна, берёза и др.). Однако чаще всего в качестве тотемов выступали животные.

Исследованию животных тотемов посвящена книга З. П. Соколовой «Культ животных в религиях» (М., 1972). Из этой книги мы можем узнать, в частности, что многие сибирские народы (ханты, селькупы и др.) вели своё происхождение от медведя, волка, зайца, гуся, журавля, щуки, лягушки и т.д.

«Тотемизм, – писала З. П. Соколова, – отличается от других форм почитания животных тем, что он не является формой поклонения животным в прямом смысле слова. Тотем – не божество, главное в тотемизме – вера в родство с ним. На вопрос:

“Кто ты?” – член тотемической группы отвечает: “Я – волк”, “Я – кенгуру” и т.п. Из этого вытекает ещё одна черта тотемизма: тотемическая группа называется по имени тотема-животного (Люди кенгуру), птицы (Люди эму), насекомого (Люди длиннорогого жука)» (указ. соч. С. 20).

Кажется, нет ничего более нелепого, чем тотемизм. Как это можно возводить происхождение людей к животным? А между тем в тотемизме, хотя и в фантастической форме, отражены реальные черты мировой эволюции. Люди в действительности произошли от животных (правда, лишь от одного их вида – австралопитеков), которые вместе с растениями – результат долгой эволюции живой природы, произошедшей из мёртвой.

Тотемические представления в древнем Китае были чрезвычайно распространены. В «Бамбуковых анналах» (прибл. III в. до н.э.) рассказывается о таких чудесных рождениях:

«Мать [Шаохао]... увидела... как радуга опустилась в озеро Цветов. Во сне ей приснилось, что она совокупилась [с нею]. Почувствовала себя в тягости и родила Шаохао» (Янш. С. 40).

По более поздней версии, Хуанъэ, мать Шаохао, родила будущего владыку Запада не от радуги, а от юноши-звезды: «В те времена жил один юноша, выделявшийся среди обычных людей и называвший себя сыном Бай-ди – Белого императора. В действительности то была звезда, которая ярко светит по утрам на востоке неба и называется Циминсин – Венерой» (Юань. С. 65).

О рождении Чжуаньсюя, будущего владыки Севера, в одной из версий говорится: «Мать [Чжуаньсюя] увидела, как свет звезды, словно радуга, пронзил луну... Родила Чжуаньсюя» (Янш. С. 40).

По другой версии, рождение Чжуаньсюя было иным: «Чжуаньсюй был потомком Хуан-ди. В “Книге гор и морей” говорится: Лэй-цзу, жена Хуан-ди, что научила людей разводить шелковичных червей, родила Чанъи. Чанъи, видимо, совершил на небе какое-то преступление и был сослан на землю в Жошуй (в теперешней провинции Сычуань). У него родился сын Ханью, довольно странный с виду: шея длинная, уши маленькие, лицо человека, но со свиным рылом, тело единорога – цилиня, обе

ноги срослись вместе и напоминали копыта свиньи. Он взял себе в жёны Энью, дочь Наоцзы, которая родила Чжуаньсюя. Обликом Чжуаньсюй немного напоминал своего отца» (Юань. С. 69).

В одном из средневековых памятников письменности описывается такая любопытная история: «Одна женщина купалась у берега. Большой бамбук из трёх сочленений заплыл между её ног. Никак не могла его вытащить. Услышала чей-то голос... вытащила, оказался мальчик. Стал храбрым охотником. Прозвание “Бамбуковый” стало фамилией его рода» (там же. С. 39).

Многие китайцы возводили свои роды к драконам, фениксам, цилиням и черепахам. Эти животные почитались как священные.

1.3.3. АНИМИЗМ

Под анимизмом в религиоведении понимают приписывание души (духа) всей природе. Анимическое сознание одушевляет горы, реки, озёра и им подобные неодушевлённые предметы.

Эволюция мифического сознания в анимизме достигла нового успеха: если в качестве фетишей и тотемов в нём выступали материальные предметы, то теперь оно стало способно подвергать мифизации дух, взятый отдельно от тела. Эта способность, вместе с тем, имела существенный недостаток: представлять себе бестелесный дух – дело многотрудное.

Вот почему духи, живущие в предметах, стали приобретать в анимическом сознании материальные черты, превращаясь в божества. У них появляется внешность. Однако первоначально эта внешность была недостаточно отчётливой. Духов-божеств представляли себе в зооморфном виде. Вот что мы можем прочитать о горных духах-божествах в «Книге гор и морей»:

«Всего в Сорочьих горах... десять гор... У всех их духов туловище птиц и голова дракона. Им приносят жертвы живыми животными одной масти, закапывают с нефритовым “жезлом”; Всего в горах Минь шестнадцать гор... У всех их духов конские

туловища и головы драконов. Им приносят в жертву живых петухов и курицу одной масти, зарывают их. Жертвенную еду готовят из клейкого риса» (Янш. С. 51).

1.3.4. ТЕИЗАЦИЯ

Под теизацией следует понимать появление богов. На русский язык этот термин можно перевести как обожествление. Это обожествление сопровождалось, с одной стороны, переселением некоторых земных духов за пределы земли – на небо и в подземный мир, а с другой, приписыванием многим богам человеческой внешности.

Человеческую внешность, в частности, приобретали боги растений. У Э. М. Яншиной об этом читаем: «Свидетельства об антропоморфных растительных божествах встречаются у Ван Чуна: статуя бога персикового дерева, которую вырезали из его ствола, изображала человека [“Жёлтый Предок... установил [статую] большого персикового человека” (с. 221); то же о статуе бога платана (с. 157)]. Ван Чун называет богов осота, куркумы богами-людьми, т. е. в том смысле, что боги мыслились (изображались) в антропоморфном образе (“два бога-человека – жэньшэнь. Одного зовут Бог осота, другого – Бог зарослей куркумы – юйлэй”). В этом сказалось, безусловно, дальнейшее развитие представлений о воплощениях богов растений» (Янш. С. 90).

Отсюда не следует, что в результате очеловечения духов всё небо оказалось заселённым богами, целиком и полностью имеющими человеческий образ. На небе жили также боги, которые антропоморфные черты сочетали с зооморфными. Вот как, например, выглядела Бабка Запада (Си-ванму):

«Бабка Запада похожа на человека, но с хвостом барса, клыками, как у тигра, любит свистеть; на всклокоченных волосах надеты украшения. Она управляет небесными эпидемиями и пятью наказаниями» (Янш. С. 184).

Между тем в мифе о чжоуском правителе Му-ване, который любил путешествовать, Си-ванму превращается в женщину

весьма приятной наружности. В ней не осталось ничего чудовищного. Антропоморфизация здесь осуществилась в истории одного и того же мифического образа.

Как полулюди-полуживотные выглядят многие другие небожители. Чаще всего верхняя часть тела у них как у людей, а нижняя – как у животных. У Нюйва и Фуси вместо ног змеиный хвост, у управляющего небесным дворцом Хуан-ди Луу – туловище тигра с девятью хвостами, у охранника его небесного парка Инчжао – туловище крылатого коня и т.д.

В пантеон богов-патриархов в древнекитайских мифах со временем попали многие родо-племенные боги. Э. М. Яншина писала: «В общекитайский пантеон и “исторический” ряд предков “патриархов” (в значительной мере дублирующих друг друга) вошло большое число старинных родо-племенных богов, лишь позже осознанных как цари, императоры, вельможи “легендарного” периода истории Китая, бывшего якобы в те времена единой империей. Такими были образы “основателя” “династии” Ся – Великого Юя, главного героя мифов о потопе; его отца Гуня, Охотника (Хоуи) – старинного божества охоты; предка чжоусцев, Владычествующего над Просом (Хоуцзи) – духа зерна Проса и даже просто Проса» (Янш. С. 200).

На небе водились многие диковинные животные. По своей внешности они отличались от обычных животных. К ним принадлежал, например, Цинци. Он был сыном владыки Запада Шаохао. Между тем он имел обличье крылатого тигра. Этот тигр бросался с небес на землю и пожирал на ней людей. Но этот свирепый зверь, как ни странно, приносил людям и пользу: он пожирал не только людей, но и вредных для них насекомых и гадов:

«В его обязанности входило вместе с другим зверем по имени *Тэнгэнь* поедать насекомых и гадов, приносивших вред человеку. Так называемые насекомые и гады были очень ядовитыми. Кого тут только не было – ящерицы, пиявки, навозные жуки, золотые шелкопряды и т.д. Говорят, они были нарочно созданы для того, чтобы вредить людям. Цюнци и Тэнгэнь клали различных насекомых и гадов в коробку, чтобы они поедали

друг друга, и тот, кто оставался последним, считался вреднейшим для человека. Цюнци и Тэнгэнь должны были уничтожать этих тварей» (Юань. С. 69).

К теизации вёл не только анимизм, но также фетишизм и тотемизм. Как фетишам, так тотемам и духам приписывали чудодейственные функции. Боги переняли и усилили эти функции.

Процесс теизации привнёс в мифическое творчество новую черту: китайцы стали активно обожествлять некогда живших людей. Обожествление людей, живших на земле, – характерная черта китайских мифов. Вэнь Чан, ставший божественным покровителем литераторов и учёных, был при жизни сановником, занимавшим высокие должности, Вэй Гу – обожествлённый врач, Бянь Хэ – обожествлённый ювелир и т.д. (Еж. С. 466–493).

2. ДРЕВНЕКИТАЙСКАЯ МИФИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА

2.1. МИР

2.1.1. КОСМОГОНИЯ

Если в библейской книге бытия даётся только одна версия творения мира, то в древнекитайских мифах таких версий несколько. По своей распространённости они могут быть поделены на две группы – непопулярные и популярные.

К непопулярным космогоническим мифам у древних китайцев относятся следующие:

1. «В глубокой древности, когда ещё не было ни неба, ни земли, мир представлял собой лишь мрачный, бесформенный хаос. И в этом мраке постепенно родились два больших духа – Инь и Ян, которые с огромным усилием начали упорядочивать мир. Впоследствии Инь и Ян разделились, и установилось восемь главных направлений в пространстве (север, восток, юг и т.д. – *В. Д.*). Дух Ян стал управлять небом, дух Инь – землёю. Так был создан наш мир» (Юань. С. 30–31).

2. «Более интересен для нас миф о небесном духе Цзюйлин. Говорят, что он появился одновременно с первоначальной субстанцией, его же называют истинной матерью девяти начал. Он был настолько всемогущ, что смог создать горы и долины, пустить большие и малые реки, поэтому его можно считать первотворцом» (там же. С. 30).

3. «Вот ещё один миф о матери бесов – Гуй-му. Гуй-му, жившую в горах Сяюйшань у Южного моря, называли ещё Гуйгушань. У неё была голова тигра, ноги дракона-луна, брови, как у четырёхпалого дракона-мана, глаза, как у водяного дракона, облик её был удивительно причудлив. Она смогла породила

небо, землю и чертей и была способна родить сразу десяток чертей, утром рождала, а вечером проглатывала их, как лакомство. Этот персонаж чем-то напоминает создателя всех вещей, но, к сожалению, будучи бесовкой, съевшей своих детей, что весьма неэтично, она так и осталась “матерью бесов”» (там же. С. 30).

4. «Перебирая мифических первосоздателей вселенной, в заключение нельзя не вспомнить о духе Чжулуне – Драконе со свечой с горы Чжуншань, рассказ о котором записан в древней “Книге гор и морей”. Этот дух с лицом человека, телом змеи, с красной кожей был длиной в тысячу ли. У него были удивительные глаза, напоминавшие два оливковых дерева. Когда он закрывал глаза, они превращались в две прямые вертикальные щели. Стоило ему лишь приоткрыть глаза, как в мире наступал день, а когда он закрывал их, на землю спускалась ночь; стоило ему подуть, как появлялась пелена красных облаков, падал хлопьями обильный снег и наступала зима; дохнёт – и тотчас красное солнце начинало палить, плавилась металлы и камни и наступало лето. Он лежал, свернувшись, как змея: не ел, не пил, не спал и не дышал, но вздохнёт – и дует ветер на десять тысяч ли. Светом свечи, которую Чжулун держал во рту, он мог освещать высочайшие сферы неба и глубочайшие пласты земли, где царил вечный мрак... Чжулун и в самом деле похож на первотворца» (там же. С. 31).

По первой версии космогонических мифов выходит, что мир был создан Инь и Ян, по второй – Цзюйлином, по третьей – Гуй-му, по четвёртой – Чжулуном. К этим версиям, описанным Юань Кэ, Э. М. Яншина присоединила пятую: она предположила, что богиню Нюйва следует рассматривать не только как создательницу людей, но и как творца мира. Она писала:

«Наше предположение о том, что традиция о “превращениях” Нюйва (в богов, в “тьму вещей” и т.д.) является отзвуками представлений о ней как о Великой Матери богов и всей природы, а также мифа о сотворении ею мира, подтверждается наличием параллельных мотивов в компилятивной, как мы полагаем, космогонической легенде о Паньгу» (Янш. С. 127).

Несмотря на камешек, который автор этих слов бросает в огород Паньгу, мифы о нём как творце вселенной были в Китае наиболее популярными. В этих мифах, в отличие от предшествующих, в весьма отчётливой форме представлено антропоцентрическое объяснение происхождения мира. Их авторы выводили этот мир из гигантского первочеловека. Он выступает в их мифах в качестве мирового первоначала. Таким чудо-человеком стал Паньгу.

Вышел Паньгу из космического яйца, родившегося из первобытного хаоса. Его рождение было чудесным:

«Согласно преданиям, в то время, когда ещё земля и небо не отделились друг от друга, вселенная представляла сплошной хаос и по форме напоминала огромное куриное яйцо. В нём зародился наш прапредок Паньгу. Он вырос и, тяжело дыша, заснул в этом огромном яйце. Прошло восемнадцать тысяч лет, прежде чем он вдруг проснулся. Приоткрыл глаза, чтобы осмотреться, но, увы! – ничего не увидел: вокруг него был сплошной чёрный и липкий мрак, и сердце его наполнилось тоской» (Юань. С. 34).

Чудесным образом Паньгу и выбрался из яйца, в котором он вырос:

«Не зная, как выбраться из этого яйца, Паньгу схватил неведь откуда взявшийся огромный топор и с силой ударил им мрак перед собой. Раздался оглушительный грохот, какой бывает, когда трескаются горы, – хуа-ла! – огромное яйцо раскололось. Всё легкое и чистое тотчас же поднялось вверх и образовало небо, а тяжелое и грязное опустилось вниз и образовало землю. Так небо и земля, представлявшие вначале сплошной хаос, благодаря удару топором отделились друг от друга» (там же. С. 34).

Выбравшись из яйца, Паньгу, стал создавать мир. Прежде всего он отделил небо от земли, но, «опасаясь, что они вновь соединятся, уперся ногами в землю и подпёр головой небо. Так он стоял, изменяясь вместе с ними. Каждый день небо становилось выше на один чжан, а земля становилась толще на один чжан, и Паньгу вырастал на один чжан» (там же. С. 34).

Прошло ещё восемнадцать тысяч лет. За это время тело Паньгу стало фантастическим:

«Какого же роста стал Паньгу? Говорят, что его рост равнялся девяти тысячам ли. Как высочайший столб стоял великан Паньгу между небом и землёй, не позволяя им вновь превратиться в хаос. Так стоял он, один-единственный, поддерживая небо и упираясь в землю, и не заметил в этой тяжёлой работе, как прошли целые эпохи. Наконец небо и земля, видимо, стали достаточно прочными, и Паньгу мог больше не опасаться, что они соединятся вновь, – ведь ему тоже надо было отдохнуть. В конце концов он, подобно всем людям, упал и умер» (там же).

Смерть Паньгу была чудотворной. Она породила из него основы мироздания:

«Вздых, вырвавшийся из его уст, сделался ветром и облаками, голос – громом, левый глаз – солнцем, правый – луною, туловище с руками и ногами – четырьмя странами света и пятью знаменитыми горами, кровь – реками, жилы – дорогами, плоть – почвою, волосы на голове и усы – звёздами на небосклоне, кожа и волосы на теле – травами, цветами и деревьями, зубы, кости, костный мозг и т.п. – блестящими металлами, крепкими камнями, сверкающим жемчугом и яшмой, и даже пот, выступивший на его теле, казалось бы, совершенно бесполезный, превратился в капельки дождя и росу. Одним словом, Паньгу, умирая, всего себя отдал тому, чтобы этот новый мир был богатым и прекрасным» (там же. С. 34–35).

2.1.2. НЕБО

Небо – обитель богов. По предположению Э. М. Яншиной, их Великой Матерью стала Нюйва. Это предположение основано на древних текстах. Так, в «Книге гор и морей» имеется такое сообщение: «Есть десять человеко [подобных] богов, которые называются Внутренностями Нюйва. [Внутренности?] превратились в богов» (Янш. С. 126).

Вот как прокомментировал это высказывание китайский поэт и филолог Го Пу (276–324):

«Нюйва – древняя богиня и императрица с человеческой головой и змеиным туловищем. В один день [она] претерпевала семьдесят превращений. Её внутренности превратились в этих богов» (там же. С. 127).

Великая богиня Нюйва, по этой версии, была не только пра-матерью людей, но и богов. Со временем она ушла на покой. Но многие люди верили:

«Великая Нюйва вовсе не умерла, а, только кончив трудиться для людей, села в колесницу грома, запрягла двух драконов, послала вперёд белых безрогих драконов прокладывать дорогу, а змеям велела лететь позади. Над колесницей её плыли жёлтые тучи, все духи и демоны неба и земли шумной толпой следовали за ней. На этой колеснице она поднялась прямо на девятое небо, прошла сквозь небесные ворота и, представ перед небесным императором, рассказала о том, что она сделала. После этого она тихо и спокойно жила в небесном дворце, подобно отшельнику, ушедшему от мира, не кичилась своими заслугами и не ослеплялась славой. Все свои заслуги и славу приписала она великой природе, считая, что все свои деяния она совершила, только следуя влечению естества, и что для людей она сделала так мало, что не стоит об этом и говорить. Люди из поколения в поколение вспоминали с благодарностью эту великую мать людей, любвеобильную и добрую Нюйва, слава о заслугах которой “дошла до девятого неба и до Жёлтого источника под землей”, и она навеки осталась жить в сердцах людей» (Юань. С. 58).

На авансцену китайского божественного пантеона выдвинулось пять богов – Хуан-ди, Фуси (Тайхао), Янь-ди, Шаохао и Чжуаньсуй. Положение главного бога занял Хуан-ди. Он стал владыкой Центра, тогда как Фуси – богом Востока, Янь-ди – богом Юга, Шаохао – богом Запада и Чжуаньсуй – богом Севера.

Хуан-ди именовался Жёлтым предком или императором, Фуси – Зелёным, Янь-ди – Красным, Шаохао – Белым и Чжуаньсуй – Чёрным. Дворец Хуан-ди находился на самой вершине священных гор Куньлунь. Что они собой представляли?

«Это был действительно необычайно высокий хребет, не имевший себе равных. Горы громоздились одна над другой и напоминали крепостные стены, которых было девять. Их высота от подножия горы до вершины, как рассказывают, достигала одиннадцати тысяч ста четырнадцати шагов двух чи шести цуней. Внизу у подножия хребта протекала глубокая река Жошуй – Слабая вода. Хребет кольцом опоясывали огненные горы, на них росли деревья, которые никогда не сгорали до конца. День и ночь горели они, налетал ураган, но не мог раздуть огонь сильнее; дождь лил как из ведра, но не мог его погасить. Это мощное пламя испускало сплошной сияющий блеск, освещая стоявший на вершине гор Куньлунь необычайно величественный прекрасный дворец Хуан-ди» (Юань. С. 84).

Чтобы возвыситься над богами четырёх сторон света, Хуан-ди вынужден был вступить с ними в войну. В сочинении Цзян Цзи (III в. н.э.) говорится:

«Вначале Хуан-ди, заботясь о жизни народа, не любил войны, но боги (букв.: императоры), титуловавшиеся цветами стран света, совместно строили против него козни, так что пограничные города жили в постоянной тревоге и жители их не расставались с кольчугами. Вздохнул Хуан-ди: „Когда государь в опасности, народ неспокоен; когда властитель теряет государство и у подданных новый хозяин, причина бед заключается не в чём ином, как в попустительстве разбойникам. Ныне я поставлен править народом, но четыре разбойника противятся, то и дело собирают войска“. Тогда он поднял своё войско, чтобы уничтожить четырёх богов-императоров» (Юань. С. 88).

Этих четырёх богов-императоров Хуан-ди на самом деле не уничтожил, а лишь подчинил себе. Они стали его соправителями. Между тем полного доверия к ним у главного бога не было. Неслучайно мифотворцы сделали его четырёхликим. Это позволяло ему одновременно следить за делами, совершаемыми небесными владыками Востока, Юга, Запада и Севера. Юань Кэ по этому поводу пишет:

«Обликом Хуан-ди был весьма необычен, – по преданию, у него было четыре лица, это было очень удобно для него как для

верховного правителя Центра, так как он мог одновременно наблюдать за всеми четырьмя странами света. Всякое событие, где бы оно ни происходило, не могло укрыться от его глаз, и он был самым справедливым судьей всех своевольных духов, по вине которых возникали ссоры, часто переходившие в кровопролития» (Юань. С. 89).

У каждого бога были свои помощники:

«Верховным владыкой Востока был Тайхао, а его помощником – дух дерева Гоуман, который держал в руках циркуль, он ведал вёснами. Верховным владыкой Юга был Янь-ди, а его помощником – дух огня Чжужун, державший в руках коромысло весов. Этот управлял летом. Верховным владыкой Запада был Шаохао, а помогал ему дух металла Жушоу, державший в руках плотничий угольник и управлявший осенним временем. Владыкой Севера был Чжуаньсюй, его помощником – дух воды Сюаньмин, т.е. тот же Юйцян, дух моря и ветра, в руках он держал гири и управлял зимами. Что же до самого Хуан-ди, то он жил в центре небесного дворца, где его помощником был бог земли Хоу-ту, который держал в руках верёвку и управлял всеми частями света» (там же).

Кроме богов, на небе обитали многочисленные духи. Они имели дикий облик. Вот как выглядел эскорт Хуан-ди, который следовал за его колесницей:

«У некоторых из них были птичьи тела и драконьи головы, у других тело коня с человеческим лицом, у третьих человеческое лицо, но змеиное туловище, у четвертых тело походило на восьминогую свинью со змеиным хвостом... удивительные чудовища, и все разные. Фениксы плясали в небе, а крылатые змеи припадали к земле. Можно представить себе, какое это было величественное зрелище!» (Юань. С. 93).

Устав от императорской жизни, Хуан-ди добровольно передал свой трон Чжуаньсюй. Он оставил многочисленное потомство. Он был предком не только богов, но и целых народов. Его преемником на троне стал правнук Чжуаньсюй, Чжуан и Ли, перерезавшие свободный путь с земли на небо, были внуками

Чжуаньсюя. Своим предком Хуан-ди считали такие народы, как мяо, мао, северные ди, собачьи жуны и др. (Юань. С. 92).

Ни один бог не сделал для людей больше, чем Хуан-ди. Вот как об этом написал Юань Кэ: «Люди создали различные легенды об изобретениях Жёлтого императора, победившего Чию: по одним, Хуан-ди изобрёл повозку и лодку (“История Хань”), по другим, выплавил двенадцать больших бронзовых зеркал (“Трактат Хуан-ди о внутренних органах”), по третьим, научил людей строить дома, в которых можно было укрыться от ветра, дождя и холода (“Новые беседы”), по четвёртым, изобрёл котёл и глиняный горшок для варки пищи (“Разыскания по древней истории”), по пятым – самострел (там же). Ещё говорят, что он придумал игру в ножной мяч (Лю Сян. Отдельные записки) и велел четырёхглазому Цанцзе придумать письма (“Хуайнань-цзы”), приказал Лин-дуню создать музыку (“Весны и Осени Люя”), а Данао – установить шестидесятилетний цикл, Лэй-гуну и Ци-бо поручил написать медицинские книги (“Родословия императоров и ванов”). Из этих легенд, которые мы не будем пересказывать подробно, видно, что Жёлтый император стал почти всемогущим умельцем. Откуда у него могло быть столько свободного времени, чтобы заниматься этими делами?» (там же. С. 113).

Хуан-ди умер. Он, как и многие другие китайские боги, не был бессмертным, хотя на небе росло дерево бессмертия, плоды которого делали тех, кто их вкушал, вечными:

«На горе Куньлунь (где обитали боги. – В. Д.) росло дерево бессмертия. На нём зрел плод, и тот, кто его съедал, жил вечно» (там же. С. 156).

Из плодов дерева бессмертия богиня Си-ванму (Ванму) делала лекарство против смерти:

«Лекарство Си-ванму было сделано из этих плодов. В период Хань Си-ванму часто изображали державшей в руках что-то, напоминавшее ветвь дерева. Одни говорили, что это *цзяхэ* – счастливый знак, а другие – что это *саньчжу* – тройное жемчужное дерево. Вероятнее всего, это было дерево бессмертия. Оно, как и другие деревья, дарующие долголетие, цвело и приноси-

ло плоды только один раз за несколько тысяч лет. Плодов было немного, и поэтому лекарство было исключительно ценным и редким. Если использовали сразу всё лекарство, то новое долгое время невозможно было добыть» (Юань. С. 156).

2.1.3. ЗЕМЛЯ

Земля – обитель людей. В китайских мифах имеется несколько версий их происхождения:

1. Насекомых, рыб, пресмыкающихся, птиц и зверей Инь и Ян сотворили из грубых частиц, а людей – из тонких.

2. Род человеческий пошёл от детей, рождённых от брака Паньгу с его женой.

3. Люди произошли от паразитов, которые завелись на теле Паньгу, когда он умер.

4. Люди – плод коллективного творчества богов. Так, Хуан-ди поделил людей на мужчин и женщин. Шанпянь сделал им глаза, уши, рот и нос, а Санлинь – руки и ноги.

5. Род человеческий пошёл от детей, рождённых от брака Фуси и Нюйва. Верхняя часть тела у них была человеческой, а нижняя – змеиной. Они были братом и сестрой, но стали ещё и мужем и женой. Вот как описан их первородный грех в книге Ли Жуна «Описание неповторимого и странного» (приблизительно IX в.):

«В старину, когда вселенная была только что создана, жила Нюйва со своим братом на горах Куньлунь, людей же в Поднебесной ещё не было. Решили они стать мужем и женой, но устыдились. Тогда брат повёл сестру на вершину Куньлуня и произнёс заклинание: „Если небу угодно, чтобы мы поженились, пусть дым устремится столбом ввысь; если нет, – пусть дым рассеется“. Дым поднялся столбом. Тогда сестра приблизилась к брату, сплетя при этом из травы веер, чтобы прикрыть лицо. Нынешний обычай держать на свадьбе веер произошёл как раз отсюда» (Юань. С. 38–39).

Существует и другая версия о рождении людей от Фуси и Нюйва. Но эта версия обрисовывает их вторичное рождение. Первое по-

коление людей погибло от великого потопа. Чтобы возродить человечество брату и сестре ничего не оставалось, как стать мужем и женой. Вот как выглядит этот миф:

«Прошло некоторое время, и женщина родила комочек мяса. Муж и жена очень удивились, разрезали его на мелкие кусочки, завернули их и вместе со свёртком стали подниматься по небесной лестнице в небесный дворец, чтобы развлечься. Но на полпути неожиданно налетел порыв сильного ветра, разорвал свёрток, и кусочки мяса разлетелись во все стороны. Упав на землю, они превратились в людей. Тот, который упал на листву деревьев, получил фамилию Е (Лист), упавший на дерево – фамилию Му (Дерево); по названию предмета давали фамилию человеку. Так в мире вновь появились люди. Супруги Фуси возродили человеческий род» (Юань. С. 42–43).

6. Первых людей сотворила одна Нюйва.

Эта версия приобрела в Китае наибольшую популярность. В одном из древних памятников письменности читаем:

«Простой народ говорит, что, когда небо и земля только что отделились друг от друга, ещё не было людей. Нюйва взяла жёлтую землю и стала их лепить. Но силы у нее истощились, не хватило времени. Тогда она стала делать людей, вода верёвкой по простой глине. Богатые, знатные и учёные – это люди, вылепленные из жёлтой глины, а бедные, подлые и неучи – сделаны верёвкой [из простой глины]» (Янш. С. 126).

Более подробно миф о сотворении людей Нюйва описан у Юань Кэ: «В те времена, когда земля отделилась от неба, хотя на земле уже были горы, реки, трава и деревья, и даже птицы и звери, насекомые и рыбы, на ней ещё не было людей, и поэтому мир был пустынен и безмолвен. По этой безмолвной земле бродил великий дух – Нюйва. В сердце своём она ощущала необычайное одиночество и понимала, что, для того чтобы оживить землю, необходимо что-то ещё сотворить.

Как-то раз она присела на корточки на берегу пруда, взяла горсть жёлтой глины, смочила её водой и, глядя на своё отражение, вылепила нечто вроде маленькой девочки. Как только она поставила её на землю, вдруг – и сказать-то странно – эта

маленькая фигурка ожила, закричала “уа-уа” и радостно запрыгала. Ей дали имя *Жэнь* – “человек”.

Первый человек был очень маленьким, но ведь, согласно преданию, его создала богиня. Он отличался от летающих птиц и от четвероногих животных, да и держался он как хозяин вселенной. Нюйва была очень довольна своим творением и, продолжая это дело, вылепила из глины множество человечков обоего пола. Голые человечки, окружив Нюйва, танцевали и радостно кричали. Затем они в одиночку и группами разбежались в разные стороны» (Юань. С. 49).

Нюйва создала людей, но она не могла создавать их без конца. Вот почему «Нюйва установила для людей форму брака и, соединив мужчин и женщин, стала самой первой свахой. Поэтому последующие поколения почитали её как богиню сватовства и бракосочетания. Люди приносили жертвы этому божеству, церемонии были необычайно пышными: за городом в поле строили алтарь, воздвигали храм и во время праздника приносили ей в жертву свиней, быков и баранов. Из года в год во втором месяце весны юноши и девушки, собравшись вместе около кумирни, развлекались и веселились. Каждый, найдя себе по сердцу пару, мог без каких-либо обрядов свободно вступить в брак. Под открытым небом при свете звёзд и луны они сооружали шалаши, ковёр из зелёной травы служил им постелью, и никто не мог нарушать их отношений» (Юань. С. 49).

Мир людей стал со временем очень многочисленным. Между этим миром и миром богов первоначально не было резкой границы:

«По мифическим представлениям, в те времена между небом и землёй существовал путь, и люди могли свободно передвигаться по нему. Когда им было тяжело, они могли восходить прямо на небо и излагать свои просьбы богам; боги тоже могли в любое время спускаться в мир людей развлечься. Разграничение между людьми и богами не было очень строгим» (Юань. С. 70).

Свободному перемещению людей на небо положил конец Хуан-ди. Это произошло после его войны с Чию. Главный бог

был возмущён тем, что люди поддерживали Чию. Вот почему он решил их наказать: он разделил богов и людей.

Пришло время, когда Хуан-ди уступил трон властелина вселенной Чжуаньсюю – богу Севера. В отдалении богов от людей преемник ушёл намного дальше своего предшественника. Он приказал Чжуну и Ли перерезать дорогу с земли на небо. Вот как прокомментировал Юань Кэ действия Чжуаньсюя:

«Мятеж заставил его призадуматься, и он понял, что если не установить разграничений между богами и людьми, если они будут продолжать жить вместе, то всегда будет много зла и трудно будет избежать появления второго Чию. И тогда Чжуаньсюй приказал своим внукам – великому духу Чжуну и великому духу Ли – перерезать дорогу между небом и землёй, чтобы люди не могли подниматься на небо» (там же. С. 71).

Чжун и Ли выполнили приказ своего деда. Последствия были не самые радостные:

«После того как было прервано сообщение между небом и землёй, небесные духи всё ещё могли иногда спускаться на землю, но люди уже не могли больше подниматься на небо. Расстояние между людьми и богами сразу стало очень большим. Боги сидели высоко-высоко в облаках и, принимая жертвоприношения людей, были глухи к их страданиям и бедствиям, предоставляя им самим оставаться со своими слезами и стонами» (там же).

2.1.4. ПОДЗЕМНЫЙ МИР

Подземный мир – обитель мёртвых. Этот мир называли Юду (столицей или царством тьмы). Его правителем был могущественный Хоу-ту. «Оно находилось, – читаем у Юань Кэ, – в местности Бэйхай, и жили там чёрные птицы, чёрные змеи, чёрные барсы, чёрные тигры и чёрные лисицы с пушистыми-препушистыми хвостами. Была там и большая чёрная гора, на которой жили чёрные люди. Это и было чёрное царство, которое за это прозвали Юду (ю – по-китайски “тёмный, мрачный”, ду – “столица”).

Городские ворота в Юду сторожил знаменитый трёхглазый великан Ту-бо с головой тигра. Он изгибал своё огромное, как у вола, тело, потрясал блестящими, крепкими и острыми рогами, растопыривал толстые, окровавленные пальцы и гонялся за бедными, жалобно стонущими духами – душами умерших, которые в страхе разбегались и прятались от него. Вид его был поистине страшен! Можно себе представить, какова была мощь самого бога подземного царства» (Юань. С. 101).

Не все люди попадают в подземный мир. Души праведников улетают на небо, а грешники оказываются не только в подземном мире, но могут после смерти остаться и на земле. Они становятся на ней бесами. Не всегда бесы вредят людям. Они могут им и помогать.

В мифе о танском императоре Мин-хуане рассказывается о большом бесе, который этому императору помог: он проглотил злого маленького беса живьём.

«Мин-хуан не удержался и спросил демона:

– Кто ты такой?

Демон ответил ему:

– Моё имя Чжун Куй. При жизни я провалился на экзаменах и покончил с собой. Я дал обет очистить для вашего величества Поднебесную от всякой нечисти» (Юань. С. 162).

В подземном мире злые духи терзают души умерших. Вот почему люди так боятся смерти. Вот почему древние китайцы мечтали о долголетию и бессмертии. Они искали различные средства, с помощью которых можно достичь долголетия и даже бессмертия. Самое желаемое среди таких средств – лекарство против смерти. В одном случае его представляли в виде карликов, в другом – в виде жабы и летучей мыши, в третьем – в виде снадобья, изготовленного из звериного мозга и хризантем:

1. «По преданию, в глухих горах можно встретить карликов ростом семь-восемь вершков. Они сидят в колеснице или ездят верхом. Карлики называются *жоучжи*. Такой случай нельзя упускать. Надо при помощи колдовства молча обойти их сзади

ковыляющей походкой и схватить. Затем необходимо содрать с карлика целиком кожу и проглотить его» (Юань. С. 197).

2. «В другом месте говорится, что надо взять жабу, которая прожила десять тысяч лет, и летучую мышь, которая прожила тысячу лет, высушить их в тени, растолочь в порошок и принимать внутрь. Тогда можно прожить до сорока тысяч лет» (там же).

3. «В книгах рассказывается, что существует *фэншэншоу* – зверь, рождённый ветром, напоминающий барса... У него (после его смерти. – В. Д.) вынимали мозг, смешивали его с цветами хризантемы и принимали определённое количество в точно установленное время. Если принять десять цзиней (цзинь – 0,5 кг. – В. Д.) этого снадобья, то можно было прожить до пяти-сот лет» (там же).

Древние китайцы переселяли долголетних и бессмертных в далёкие страны:

«Жители некоторых стран не просто долго жили, а вообще были бессмертны. Например, в Южной пустоши жил чернокожий народ бессмертных – *бусуминь*. В этой стране была гора Юаньцюшань – Круглый холм. На горе росло дерево бессмертия *ганьму* или *сладкое дерево*. Достаточно было съесть плод этого дерева, чтобы стать бессмертным. Под горой протекал *Чицюань* – Красный источник. Глоток воды из этого источника давал долголетие. Поэтому люди там жили долго и не умирали. В Западной пустоши находилась Страна трёхликих и одноруких. Они были потомками Чжуаньсюя. По преданию, они тоже были бессмертными. Существовала ещё страна Хужэнь, жители которой могли подниматься на небо и спускаться на землю. Это были потомки Янь-ди, с человеческими лицами и рыбьими туловищами. Они или жили бесконечно долго, или были бессмертными» (Юань. С. 196).

В мифе о водяной бездне Гуйсуй бессмертные живут на вершинах пяти священных гор, плавающих по этой водяной бездне:

«Высота и окружность каждой из этих гор равнялась тридцати тысячам ли (приблизительно пятнадцати тысячам километров. – В. Д.), расстояние между ними составляло семьдесят

тысяч ли, на вершинах гор были ровные пространства в девять тысяч ли, на них высились золотые дворцы с лестницами из белого нефрита. В этих дворцах жили бессмертные. И птицы и звери там были белого цвета, повсюду росли нефритовые и жемчужные деревья. После цветения на деревьях появлялись нефритовые и жемчужные плоды, которые были хороши на вкус и тем, кто их ел, приносили бессмертие. Бессмертные, по видимому, одевались в белые одежды, на спине у них росли маленькие крылья. Маленьких бессмертных часто можно было видеть свободно летящими в голубой лазури неба над морем подобно птицам. Они летали от горы к горе, разыскивая своих родственников и друзей. Их жизнь была весёлой и счастливой» (Юань. С. 54).

Мифы о горах, на которых живут бессмертные, были широко известны в Китае. Многие мечтали о том, чтобы найти эти горы и получить от их обитателей эликсир бессмертия. Но никому из смертных не удалось осуществить эту мечту:

«Люди, которые возвращались после тщетных поисков эликсира бессмертия, рассказывали, что они и в самом деле видели издали эти священные горы, далеко-далеко, как плывущие по краю неба облака. Однако стоило им приблизиться, как священные горы, ослепительно сверкая, погружались в пучину, причём с корабельных мачт можно было ясно различить на них и бессмертных, и деревья, и птиц, и животных. Стоило им приблизиться ещё, как налетал неожиданный порыв морского ветра и им не оставалось ничего другого, как повернуть обратно. Так они и не могли подплыть к этим горам» (Юань. С. 56–57).

Только одному человеку удалось раздобыть лекарство против смерти – великому стрелку И. Когда-то он был небожителем. Но после того, как этот небесный стрелок, спустившись на землю, убил девять солнц – сыновей иньского владыки Дидзюна, он оказался по воле владыки на земле и был превращён в обычного смертного человека. Та же участь постигла и его жену Чанъэ.

Стрелок И, несмотря на то, что он был храбрейшим человеком, страшно боялся подземного мира. Вот почему с великим

трудом он добрался до жившей на вершине горы Куньлунь Владычицы Запада Си-ванму, которая из плодов дерева бессмертия делала лекарство против смерти. Богиня сжалилась над великим героем:

«И рассказал ей о своих несчастьях и объяснил цель своего прихода. Богиня почувствовала сострадание к герою, совершившему столько подвигов для народа. Она приказала своей служанке – трёхногой священной птице – принести тыкву-горлянку, наполненную лекарством. Трёхногая птица принесла тыкву, спрятанную в укромном уголке мрачной пещеры. Си-ванму торжественно передала её И со словами:

– Этого достаточно, чтобы вам с женой получить бессмертие. Если всё содержимое выпьет один человек, то он сможет вознестись на небо и стать божеством. Если его выпьют два человека, то они станут бессмертными на земле.

Богиня дала строгий наказ И, чтобы он обращался с лекарством очень бережно, так как у неё его больше не осталось» (Юань. С. 157).

Чтобы вознестись на небо и стать бессмертной, жена И решила испытать лекарство против смерти одна, оставив мужа на земле. Она так и сделала. С нею произошли чудеса:

«Выбрав вечер, когда И не было дома, она взяла тыкву и проглотила всё лекарство. И вдруг стали происходить чудеса. Чанъэ почувствовала, что её тело стало лёгким, ноги отделяются от земли, и она через окно вылетела наружу. Там было синее ночное небо и пепельно-белая равнина. На небе сияла круглая луна, окружённая золотыми звездами. Чанъэ устремилась прямо вверх... Куда же ей лететь? Чанъэ подумала, что если она полетит в небесный дворец, боги осмеют её. Ведь она бросила мужа. А каково ей придётся, если он сумеет добраться до небесного дворца? Она решила, что самое лучшее – укрыться на время в лунном дворце. И устремилась прямо к нему» (там же).

Недолгим было счастье коварной Чанъэ. На небо она перебралась, но не в образе бывлой красавицы, а в образе отвратительной жабы:

«Долетев до лунного дворца и не успев передохнуть, она вдруг почувствовала, что с её телом происходят изменения. Спина уменьшилась в размерах, живот и поясница начали разбухать, рот у неё расширился, глаза увеличились, шея и плечи сблизилась, и на коже появились большие, как монета, бородавки. Чанъэ от испуга хотела закричать, но голос у неё пропал. Она хотела убежать, но могла только медленно прыгать, присев на корточки. Что же произошло? Прекрасная небожительница, ранее превосходившая всех красотой, из-за своей корысти превратилась в отвратительную жабу» (там же. С. 158).

В обличье жабы Чанъэ оказалась на луне. Она была на ней так несчастна и одинока, что бессмертие было ей не в радость. Ей хотелось вернуться на землю, чтобы попросить у мужа прощенья.

«Всё было напрасно, и ей ничего другого не оставалось, как вечно пребывать в лунном дворце, никогда уже не спускаясь на землю» (там же. С. 159).

Стрелок И после исчезновения жены, как ни странно, стал меньше бояться ада, который ждал его в подземном мире:

«После этих событий И как-то изменился. Он думал о том, что в аду не так уж плохо, что на небе царит несправедливость, а на земле обман. Он впал в отчаяние и не боялся смерти, как раньше, а ждал её, как своего лучшего друга. Поиски снадобья бессмертия больше не занимали его. Каждый день он продолжал ходить на прогулки и охотиться, чтобы как-то скоротать остаток своей жизни» (там же. С. 159).

2.2. ФИЗИЧЕСКАЯ ПРИРОДА

2.2.1. ЗЕМЛЯ

Богом земли у древних китайцев был Хоу-ту (Емин). Он был потомком бога воды (разливов и потопа) Гунгуна. Мифологи делают отсюда вывод о рождении земли из водной стихии. Э. М. Яншина в связи с этим пишет:

«В мифологии Гунгуна как божества разливов и потопа этот мотив легко объясняется представлениями о первичности водной стихии, из которой (или которой) рождалось божество земли» (Янш. С. 132).

В период зарождения китайских мифов, как предполагает Э. М. Яншина, богиней земли была Нюйва. Она выступала в этот период в разных ролях – демиурга вселенной, создательницы богов и первых людей, богиней бракосочетания и др. Среди этих ролей была и роль прародительницы земли и богини плодородия. В этом случае она олицетворяла самое землю.

Э. М. Яншина писала: «Именно богиня, олицетворявшая, возможно, саму мать-землю, мыслившаяся лоном всей природы, её естественной прародительницей (матерью), и могла выступать в подобной роли» (Янш. С. 132).

Земля – обитель людей. Её исчезновение означает и их исчезновение. Такое исчезновение им грозило во время великого потопа. В борьбе с ним свою роль сыграла земля. Мифотворцы приписали ей чудотворные свойства.

Потоп, раскинувшийся на всю Поднебесную, наслал на людей сам Хуан-ди в наказание за их грехи. На помощь людям пришёл Гунь – внук Хуан-ди. У него было человеколюбивое сердце. Он пожалел людей. Его мольбы о спасении людей от повсеместного наводнения, обращённые к владыке вселенной, не имели успеха. Он решил сам остановить потоп.

Гунь не знал, как остановить потоп. Неожиданно он встретил сову и черепаху. Между Гунем и ими состоялся такой диалог:

«– Усмирить наводнение – это вещь нетрудная, – сказали в один голос сова и черепаха.

– Но как это сделать? – поспешно спросил Гунь.

– Ты знаешь, что в небесном дворце есть сокровище, которое называется *сижан*?

– Слышал, но не знаю, что это такое.

– Сижан – это кусок земли, который может увеличиваться беспрестанно. Он кажется не больше обычного комка. А если бросить его на землю, этот маленький кусочек сразу же вырастает

тает и образует горы и дамбы. Этой землей можно засыпать воды, и потоп прекратится.

– А где хранится сижан?

– Это самая ценная вещь небесного правителя. Мы можем узнать, где она лежит. А разве ты хочешь её украсть?

– Да, – ответил Гунь, – я готов сделать это!

– А ты не боишься, что дед тебя жестоко накажет?

– А ну его, – ответил Гунь и печально рассмеялся» (Юань. С. 166–167).

Сижан охранялся свирепыми духами, но Гунь сумел его достать. Он взял его с собой и опустился с ним на землю, чтобы, подобно греческому Прометею, помочь людям. Ему это удалось! Он остановил потоп:

«Раздобыв сижан, Гунь тотчас же спустился на землю и начал строить дамбы, чтобы спасти народ от наводнения. Сижан был волшебный, из этого маленького кусочка вырастали горы и дамбы. Наводнение стало спадать, вода высыхала и впитывалась в землю, постепенно следы наводнения совсем исчезли, и перед взором открывался сплошной зелёный луг. Люди, жившие на верхушках деревьев, начали вылезать из своих гнёзд; жившие в горах, стали выходить из пещер. На их иссохших лицах опять появились улыбки, они испытывали глубокую благодарность и любовь к Гуню. Люди уже готовились продолжать свои прерванные занятия на многострадальной земле» (там же. С. 167).

Но недолго радовались люди. Верховный владыка был разгневан на своего внука, подобно тому, как Зевс был разгневан на Прометея за то, что он принёс людям огонь с Олимпа. Хуан-ди приказал богу огня Чжужуну убить Гуня и забрать саморастущую землю на небо. Бог огня так и поступил.

«Он (Хуан-ди. – В. Д.) вскипел злобой, узнав, что в небесном государстве появился такой бунтовщик, тем более что это был его собственный внук. Он тотчас послал на землю бога огня Чжужуна, который на Горе птичьих перьев убил Гуня и забрал сижан... Наводнение снова усилилось, и вода опять залила всю землю. Надежды людей не сбылись: они по-прежнему страдали

от голода и холода, оплакивали своё несчастье и жалели Гуня, пожертвовавшего для них жизнью» (Юань. С. 176).

Юй, сын Гуня, стал использовать сижан, саморастущую землю, для умирения потопа умнее, чем его отец:

«Он действовал умнее, чем его отец. С помощью сижана он сооружал дамбы, чтобы преградить дорогу воде. Он приказывал большой чёрной черепахе следовать за ним с сижаном на спине. Так он завалил самые глубокие потоки и расширил участки суши, на которой могли жить люди» (Юань. С. 171).

После умирения потопа Юй измерил поверхность земли. Открылась любопытная картина:

«После умирения потопа Юй решил измерить поверхность земли. Он приказал сделать это своим подручным – богам Дачжану и Шухаю. Один шёл с востока на запад и насчитал двести миллионов тридцать три тысячи пятьсот ли (ли – 400 м. – В. Д.) и семьдесят пять шагов, другой шёл с запада на восток и насчитал столько же, ни на шаг больше, ни на шаг меньше. Таким образом, земля, на которой мы живём, во времена Юя была квадратной, подобно куску соевого творога. Пучин и озёр размерами более трёхсот жэней насчитывалось двести миллионов тридцать три тысячи пятьсот пятьдесят девять. Чтобы засыпать их, Юй употреблял сижан. В некоторых местах он насыпал лишку, и там образовались знаменитые горы» (Юань. С. 178).

2.2.2. ВОДА

Богом воды у древних китайцев был Гунгун. Он слыл злым духом:

«Гунгун слыл на небе злым духом, у него было лицо человека и тело змеи, голова его была покрыта красными волосами, он был невежественный и злой. У него был сановник, по имени Сянлю, самый главный его помощник, который имел девять голов с человеческими лицами и синее тело змеи, жестокий и жадный» (Юань. С. 50).

Свою злобную сущность Гунгун во всей красе показал в ситуации с Юем – великим усмирителем потопа. Хуан-ди решил

помогать Юю в его грандиозном деле. Но Гунгун взбунтовался против самого верховного правителя. Он не выполнил приказ Хуан-ди остановить потоп. Напротив, он стал насылать на землю новые потоки воды. Вот как выглядел великий потоп:

«Бурлят и пенятся разлившиеся воды, и разрушают всё вокруг, окружают горы, заливают холмы и поднимаются до небес, и тяжело стонут внизу люди» (Янш. С. 150).

Юю пришлось вступить в битву с Гунгуном. В этой битве победил Юй. Гунгун обратился в бегство.

У Гунгуна был слуга – Сянлю (Сянъяо). Это было страшное чудовище. Вот как оно описано в «Книге гор и морей»:

«[У него] девять голов, змеиное туловище, свёрнутое в клубок. Кормится [он] в девяти землях. Где он плевал и испражнялся, образовались родники и озёра. [Смрад от него] был нестерпим. Никакие животные не могли [там] жить. Юй, запрудив воды потопа, убил Санъяо. Его кровь издавала такое зловоние, что в тех местах не могли расти злаки. Земля так увлажнилась [кровью], что жить было невыносимо» (Янш. С. 160).

Не таким злобным, как Гунгун, был Юйцян – бог моря. Он был также и богом ветра. Злым он был в роли бога ветра. «Когда же Юйцян являлся в образе бога моря, он был сравнительно добрым и подобно “сухопутным рыбам” имел тело рыбы, руки, ноги и восседал на двух драконах» (Юань. С. 54).

Далее автор этих слов объясняет, почему же у него было тело рыбы. «Дело в том, что первоначально он был рыбой в большом Северном море и звали её Гунь, что значит “рыба кит”. Кит был огромен, нельзя даже сказать, во сколько тысяч ли. Он мог вдруг закачаться и превратиться в птицу пэн, огромного злого феникса. Он был так велик, что одна спина его простиралась неизвестно на сколько тысяч ли. Разгневавшись, он улетал, и два его чёрных крыла затмевали небо наподобие туч, простиравшихся до горизонта» (там же).

Среди богов водной стихии у китайцев самым заметным, пожалуй, был бог реки Хэ-бо:

«По преданию, Хэ-бо утонул, переправляясь через реку, и стал богом реки. В другом предании говорится, что, проглотив

волшебное лекарство, он попал в воду и сделался бессмертным. Хэ-бо был очень красив: высокого роста с белым лицом, у него был хвост, как у рыбы *линъюй* из Северного моря. Он любил ездить на водной колеснице, запряжённой драконами, с навесом из листьев лотоса и развлекаться с девами Девяти рек» (Юань. С.149). Цюй Юань ярко описал вольную жизнь Хэ-бо в оде «Повелителю рек»:

Дух! Палаты твои
Чешуёй серебристой покрыты,
Твой дворец – из жемчужин,
Ворота – из раковин красных.
О зачем, повелитель,
Живёшь ты в воде постоянно,
Оседлав черепаху,
Летающих рыб догоняешь,
Играешь с наядами в реках
И плывёшь по быстрым потокам»

(Юань. С. 149)

В подчинении у Хэ-бо были свои воины и чиновники:

«У Хэ-бо – правителя водного царства – было в распоряжении много воинов и чиновников. Об обычных солдатах-креветках и крабах-полководцах не стоит даже и говорить. Можно упомянуть лишь о его главных слугах, таких, как дракон *чжу-полун*. (Это он, как говорилось выше, забавлял музыкой небесного правителя.) Люди называли его “посланцем Хэ-бо”. Были у Хэ-бо черепаха, называемая “приближённой Хэ-бо”, и каракатица – “служба Хэ-бо”. Они часто выходили на поверхность, собирали различные “политические” новости и любовные сплетни и докладывали Хэ-бо» (там же. С. 153).

Как и Гунгун, Хэ-бо был злым богом. Он топил людей. Вот почему небесный стрелок И вступил с ним в борьбу. Хэ-бо выжил, но потерял левый глаз:

«Хэ-бо узнавал от своих посланников много такого, что ранило его душу и вызывало гнев. Не сдерживая злобы, он ре-

шил пойти и проверить всё сам. Он боялся отважного героя И, убившего девять солнц, и не осмеливался появиться открыто, а превратился в белого дракона и стал плавать по реке. Но он выдал себя тем, что поднял громадные волны, затопившие оба берега и погубившие невинных людей. Стрелок И скоро понял, что перед ним Хэ-бо. Он рассердился на него за поступок, недостойный правителя водного царства, открыто пустил стрелу и угодил Хэ-бо прямо в левый глаз» (Юань. С. 153).

Люди страшились злодеяний Хэ-бо. Вот почему они приносили ему жертвы. В качестве этих жертв выступали красивые девушки. Их топили в реке, чтобы они стали невестами Хэ-бо. Подобные жертвы приносили духам всех больших рек. Вот как, например, обстояло дело с духом реки Янцзы:

«Дух реки Янцзы каждый год выбирал себе в жёны двух молодых девушек. Он был сладострастен и жаден, как и Хэ-бо. Если ему что-нибудь приходилось не по вкусу, он поднимал громадные до неба волны, вызывая наводнение. Людям жилось очень тяжело. Каждый год, согласно обычаю, приходилось давать деньги устроителям свадьбы и выбирать девушек для сладострастного речного божества» (Юань. С. 188).

Обряд потопления невест был чрезвычайно распространён в древнем Китае. Вот как его описал Сым Цянь (145–87 гг. до н.э.) в «Исторических записках»:

«Жрицы ходят по домам, высматривают красивых девушек и говорят: „Она должна стать женой Повелителя Реки“. Тогда [её] сватают, моют ей голову и тело, наряжают её в новые одежды из расшитого тяжёлого и лёгкого шёлка. Она отдыхает и постится. Для поста ей устраивают на берегу реки помещение: разбивают шатёр из жёлтого и пурпурного шёлка. Девушка живёт там, и [последние] десять дней её кормят мясом буйвола, рисом и поят вином. Торжественно румянят и белят, усаживают на брачное ложе, покрытое циновками, и спускают на воду. Она проплывает десятки ли, затем тонет» (Янш. С. 100).

Мифотворцы наделяли воду чудотворными свойствами. В стране Чжунбэй находился Хулин – гора-сосуд с чудесной водой:

«Она была похожа на громадный кувшин для засолки или мочения овощей. Из этой огромной горы вытекал поток, разделявшийся на равнине на множество ручьёв. Поток назывался Шэньфэнь – Божественная влага. Вода в нём была ароматной, сладкой и обладала ещё одним драгоценным качеством – ею можно было насытиться. Несколько глотков воды из потока утоляли голод и жажду. Выпьешь побольше – опьянеешь и будешь спать десять дней беспробудно» (Юань. С. 177–178).

Древние китайцы задумывались над вопросом о том, почему моря не переполняются от воды, которую в них несут многочисленные реки. Ответ на этот вопрос даёт миф о водяной пропасти Гуйсуй – бездне, куда стекалась «лишняя» вода. Благодаря этой бездне, уровень воды в реках и морях остаётся более или менее одинаковым.

В Гуйсуй плавало пять священных гор – Дайюй, Юаньцзяо, Фанху, Инчжоу, Пэнлай. Поскольку Гуйсуй не имела дна, эти горы, несмотря на свою непомерную тяжесть, были, как айсберги, плавающими. На их вершинах жили бессмертные. Отсутствие опор могло привести к столкновению священных гор и гибели бессмертных.

Небесный владыка приказал Юйцяну найти способ закрепить священные горы. Бог моря нашёл такой способ: «Юйцян незамедлительно послал в пропасть Гуйсуй пятнадцать черепах, чтобы они поддерживали пять священных гор. Одна черепаха держала на голове гору, а две других поддерживали её» (Юань. С. 55).

2.2.3. ВЕТЕР

В китайских мифах нет бога воздуха, но есть бог ветра. Им был Юйцян. Но он был не только богом ветра, но и богом моря. Он чередовал свои божественные функции: он выступал то в роли бога моря, то в роли бога ветра. Когда он был богом моря, он был сравнительно добрым. Ситуация менялась, когда он оказывался богом ветра. У Юань Кэ читаем:

«Когда он являлся в образе духа ветра, это было страшное божество с ликом человека и телом птицы, из ушей у него свисали две синие змеи, а ещё двух он топтал ногами. Стоило ему взмахнуть огромными крыльями, как поднимался страшный ураган. Ветер нёс болезни и мор; у тех, кого он настигал, появлялись язвы, и они умирали» (Юань. С. 54).

Юйцян – бог-оборотень: «Каждый год зимой, когда течения в морях меняют своё направление, он из Северного моря отправлялся в Южное, из рыбы превращался в птицу, из бога моря – в бога ветра. И когда поднимался ревущий и стонущий, леденящий и пронизывающий до костей северный ветер, это значило, что дунул превратившийся в огромную птицу Юйцян, бог моря. Когда он превращался в птицу и вылетал из Северного моря, то одним взмахом крыльев вздымал огромные, доходившие до неба морские волны высотой в три тысячи ли» (Юань. С. 54).

Ветер могло насылат божество Тайфэн. С помощью ветра оно наказывало порочных людей. К таким людям относился Кун Цзя – правитель из династии Ся:

«Больше всего Кун Цзя любил охоту. Однажды он с большой свитой всадников и колесниц, с соколами и собаками отправился охотиться к горе Дуньянфу. На горе жило доброе божество Тайфэн. Оно очень не любило глупого правителя за его беспорядочную жизнь и вызвало сильный ветер, поднимавший песок и камни. Небо и земля потемнели, Кун Цзя и его свита сбились с дороги и потеряли друг друга» (там же. С. 210).

На этот раз всё обошлось. Но с воспитанником Кун Цзя вышла другая история:

«Однажды этот юноша забавлялся во дворце в оружейном зале. Неожиданно поднялся сильный ветер, который стал рвать тяжёлый полог. Балки здания перестали служить опорой и с грохотом обрушились на подставку для оружия. Перепуганный юноша хотел убежать, но падающий топор ударил его по лодыжке и отрубил ногу» (там же. С. 211).

2.2.4. СОЛНЦЕ

Древнекитайские мифы создавались по преимуществу двумя племенами – чжоусцами и иньцами. Между ними в некоторых случаях мы обнаруживаем противоречия. Так, у первых богом солнца был Янь-ди, а у вторых – Сихэ.

Сихэ была женой иньского верховного владыки Ди-дзюня. Она родила от него десять сыновей-солнц. Они жили на огромном дереве *фусан* в Янгу – Долине света. Каждый день они освещали Поднебесную по очереди. Но однажды произошло страшное бедствие:

«Однажды, как говорит предание, во времена правления Яо на небе появились сразу десять солнц. На земле началась страшная засуха. И опечалился тогда великий правитель. Как ужасно было это зрелище! Весь небосвод был заполнен солнцами, на земле нельзя было отыскать даже клочка тени. Зной сжигал посевы и так накалял землю, что плавились камни и металлы. В жилах людей чуть не закипала кровь, было невозможно дышать, иссякли съестные припасы. Люди страдали от жестокого голода» (Юань. С. 139).

Что произошло? Почему на небе оказалось не одно солнце, а сразу десять? Братья-солнца отказались освещать землю поодиночке:

«Радостно резвясь, сыновья-солнца разлетелись по всему безграничному небосводу. Мать, сидя в колеснице, в волнении кричала на них, однако озорные и непослушные сыновья не обращали внимания на крики матери. Собравшись вместе, пользуясь неограниченной свободой и предаваясь необузданному веселью, они установили для себя новый порядок. Каждый день они поднимались вместе, больше не желая разлучаться» (там же. С. 140).

Яо, император Поднебесной, призвал на помощь Небесного владыку. Тот отправил на землю небесного стрелка И. Не было ни на небе, ни на земле стрелка, который бы превосходил И в меткости. Сама природа способствовала его стрелковому ма-

стерству: левая рука у него была длиннее правой. Вот как этот чудо-стрелок разделался с первым солнцем:

«Стрелок вышел на середину площади, снял из-за спины красный лук, вынул из колчана белую стрелу, натянул тетиву до отказа, прицелился в огненный шар на небе и спустил стрелу. Вначале ничего не было заметно, но прошло мгновение – и огненный шар в вышине беззвучно лопнул и полетел вниз, рассыпая вокруг себя золотые перья. Что-то сверкающее с треском упало на землю. Люди подбежали и увидели огромную трёхногую золотую ворону, пронзённую стрелой. Это и было солнце» (Юань. С. 143).

Таким же манером И пристрелил ещё восемь солнц-ворон. Он так разохотился, что пристрелил бы и последнее солнце. Слава богу, Яо догадался в последний момент вынуть из его колчана оставшиеся стрелы. Если бы не Яо, пришлось бы его подданным и ему самому жить без солнца. Но всё обошлось: на небе осталось одно солнце. Всё стало на свои места. Смертельная жара спала. У жителей Поднебесной началась новая жизнь.

Миф о десяти братьях-солнцах связан с архаическим отождествлением солнца с днём. У Э. М. Яншиной по этому поводу читаем:

«Предки древних китайцев, как и других народов, далеко не сразу поняли, что каждодневно восходит одно и то же солнце. Представлялось, что солнц столько, сколько наступает дней, т.е. что каждый день восходит новое солнце. Отголоски этих представлений можно усмотреть в таком языковом явлении, как тождество в китайском языке слов “день” (жи) и “солнце” (жи). Оно говорит и о том, что первоначально солнце просто отождествлялось с днём» (Янш. С. 106).

В восприятии людей солнце летит по небу, как птица. Вот почему в мифах его часто связывают с птицей. Она становится его олицетворением. У китайцев это были вороны.

В связи с мифом о том, как охотник И на месте убитых им солнц обнаружил ворон, Э. М. Яншина пишет: «Нет оснований сомневаться, что некогда сами солнца представлялись воронами. Это подтверждается традицией об Охотнике, согласно ко-

торой сбитые героем солнца оказались потухшими воронами: “Как Охотник сбил солнца? Как с воронов облетели перья?”.

О том же говорит сообщение: “Яо приказал Охотнику стрелять в солнца. На девяти из них были вороны. Все они умерли и упали вниз”.

О тождестве солнца и воронов свидетельствует и такое языковое явление, как метафорическое название солнца “Золотым (вар. Огненным) Вороном”» (Янш. С. 113).

У солнца, по представлениям древних китайцев, есть враг – Небесный Волк. Чтобы появляться на небе каждый день, солнце ежедневно должно побеждать этого волка. В этом мифе Небесный волк, по-видимому, олицетворяет ночь. Победа солнца над Небесным Волком в таком случае – это победа дня над ночью.

К солнцу имеет отношение миф о жене Ди-ку – одном из иньских богов. Этот бог взял себе в жёны прелестную девушку из рода Цзоуту:

«По преданию, после того как Хуан-ди убил Чию, он (Ди-ку. – В. Д.) переселил добрых людей в местность Цзоуту, а злых – на север, в холодные и пустынные места. Эта жена Ди-ку была лучшей из лучших. Когда она шла, то не касалась земли, а плыла в воздухе, управляя ветром и взнуздав облака, подобно людям из страны Хуа-суй. Она была удивительной женщиной, получеловеком и полубогом и постоянно парила между реками *Ишуй* и *Лошуй*. Ди-ку полюбилась эта порхающая девушка, и он взял её в жёны. Ей часто снилось, что она глотает солнце. Вслед за таким сном она рожала сына. Всего она видела восемь таких снов и родила восемь сыновей. Все называли их обычно восемью божествами» (там же. С. 123).

В «Книге гор и морей» упоминаются люди, которые конкурируют с богами: они управляют движением солнца и луны. Их зовут Вань и Каменный Лучник:

«Вань живёт на краю Восточного предела, останавливает солнце и луну, следит за тем, чтобы они не восходили и не заходили вместе; управляет протяжённостью их пути.

Есть человек по имени Каменный Лучник. Дующий с [запада] ветер называется Вэй. [Каменный Лучник] живёт на северо-

западном краю [света], чтобы управлять протяженностью пути солнца и луны» (Янш. С. 109).

2.2.5. ОГОНЬ

Богом огня у древних китайцев был Чжужун. По преданию, он был правнуком бога солнца Янь-ди. Такое родство неслучайно: древние китайцы воспринимали огонь как частицу солнечного огня.

Очевидно, от воды древние китайцы натерпелись больше, чем от огня. Этим объясняется миф о войне бога огня Чжужуна с богом воды Гунгуном. Первый олицетворяет свет, а второй – мрак. Как и полагается, свет побеждает мрак:

«Гунгун и его помощники сели на большой плот и, поднимая огромные волны, поплыли по реке, чтобы напасть на Чжужуна. Все водяные существа большой реки, видимо, служили ему боевыми конями. Наконец дух огня, не сдержав своего гнева, направил на них всепожирающее пламя и изрядно опалил полководца и его воинов. В конце концов добро победило зло – дух огня, выразитель светлого начала, победил, а зловредный и воинственный дух воды, носитель мрака, потерпел поражение» (Юань. С. 51).

В греческих мифах, как известно, огонь людям принёс великий Прометей. В китайских мифах это сделал не менее великий Фуси.

Фуси дал людям природный огонь, а добывать огонь с помощью трения их научил мудрец Суйжень. Он оказался в стране Суймин. Эта была необычная страна. Над её жителями не было ни солнца, ни луны. Между тем они не страдали от темноты. В её многочисленных лесах водились птицы, которые выбивали своими клювами огонь из деревьев. Он освещал всё вокруг.

Суйжень, научился у птиц, выбивающих огонь, добывать его с помощью трения: «Мудрый человек захотел разузнать, откуда возникали эти – огоньки. А появлялись они оттого, что большие птицы, напоминавшие птиц-рыболовов, с длинными когтями на лапах, чёрной спинкой и белым брюшком били сво-

ими короткими и твёрдыми клювами по стволам деревьев (по-видимому, они склёвывали насекомых). Ударят они клювом по дереву – вспыхнет яркий огонёк. И мудрецу внезапно пришла в голову мысль, что так можно добывать огонь. Он отломил несколько веточек с дерева суйму; взял маленькую ветку и начал ею как бы сверлить большую, и действительно вспыхнул огонёк, но пламени от него не было. Он стал брать ветки других деревьев, вновь пытаясь получить огонь. Мудрец потратил больше сил, чем в первый раз, чтобы в конце концов от вращения ветки появился сначала дымок, а затем и огонь – ветка загорелась, и он добыл настоящий огонь» (Юань, с. 47).

2.3. ЖИВАЯ ПРИРОДА

Богом жизни вообще и растительности в частности у древних китайцев был Гоуман. Он был к тому же помощником Фуси: «Гоуман держал в руках циркуль и вместе с владыкой Востока Фуси управлял вёснами. У него было квадратное лицо человека и тело птицы. Он носил белое одеяние и восседал на двух драконах. Рассказывают, что он был сыном владыки Запада Шаохао из рода Цзиньтянь, а вот стал помощником владыки Востока. Его имя было Чун, а люди называли его Гоуман, и это значило, что весенние травы и деревья причудливы и извилисты, а слово Гоуман стало символом весны и жизни» (Юань. С. 45).

2.3.1. РАСТЕНИЯ

Древние китайцы приписывали растениям животворное и оплодотворяющее влияние на всю природу. Вот почему они их обожествляли:

«Поскольку жизнь растений, естественно, ассоциировалась с жизнью всей природы, богам деревьев начинают приписываться более общие свойства – животворное и оплодотворяющее влияние на всю природу и людей. В этом качестве культ

растительных богов входит важной составной частью в общий культ плодородия, занимавший центральное место в мифологии родового общества» (Янш. С. 90).

Мифическая картина мира древнего Китая наполнена множеством чудесных растений. Ими, в частности, был окружён небесный дворец Хуан-ди в горах Куньлунь:

«На самом высоком месте рос рисовый колос высотой четыре чжана (приблизительно 12 м. – В. Д.), а в объёме пять мер; на запад от него росли – жемчужное дерево, яшмовое дерево, жили там феникс и птица *луань*, головы которых обвивали змеи, а ногами они попирали других змей, с их грудей свешивались красные змеи. На восток от колоса росли дерево *шата* и дерево *лангань*. На дереве *лангань* вырастала прекрасная яшма, похожая на жемчуг, необычайной ценности, которая служила пищей этим птицам. Жёлтый император специально послал трёхглавого и шестиглавого бога Личжу, чтобы он поселился на дереве *фучан* рядом с деревом *лангань* и охранял его... К югу от громадного рисового колоса росло тёмно-красное дерево, здесь жили орёл и ядовитая змея, шестиглавый дракон и невиданное чудо *шижоу* – “зрячая плоть”. На север от него росли бирюзовое дерево, яшмовое, жемчужное, чёрного нефрита. На них зрели жемчуг и красивая яшма, а на дереве узорного нефрита рос разноцветный пятнистый нефрит. Там же росло дерево бессмертия. Вкусивший его плоды становился бессмертным» (Юань. С. 83).

Самым удивительным в китайских мифах считается дерево *цзяньму*. У него не было ветвей. Только на его верхушке было несколько изогнутых веток. Его длина была невероятной. По нему можно было добраться до самого неба и оказаться у небесного дворца. Оно служило в качестве лестницы, по которой Фуси, благодаря своему змеиному хвосту, впервые с земли поднялся на небо.

«Дерево *цзяньму*, – пишет Юань Кэ, – росло на юго-западе Дугуана, где, считалось, находился центр неба и земли. Это было удивительное место: что только там ни росло – рис, просо, бобы, пшеница; зёрна их были белые, гладкие, будто напол-

ненные жиром. А сеять их можно было в любое время – будь то зима или лето. Там пела волшебная птица луань, кружились в танце фениксы, собирались самые разные птицы и звери, потому что деревья и травы зеленели в Дугуане зимой и летом. И дерево линшоу, похожее на бамбук, чей крепкий ствол мог служить посохом старцу, распускало там прекрасные благоухающие цветы. Одним словом, это был райский сад на земле» (Юань. С. 45).

Цюнсан – новое чудо-дерево. Именно возле этого дерева встречались родители будущего владыки Севера Чжуаньсюя. «Это было огромное тутовое дерево высотой в десять тысяч чжанов (больше 2 км. – В. Д.). Листья его были красные, как у клёна, ягоды – будто блестящие коричневые кристаллы, крупные и сочные. Это дерево приносило плоды всего лишь один раз в десять тысяч лет, и кто съедал его плод, мог жить значительно дольше той жизни, которая предназначалась ему природой... На вершине этого дерева висели в ряд десять красных, как цветы лотоса, солнц. Эти солнца по очереди ходили по небу. Своим ослепительным блеском они освещали землю, очаровывая людей» (Юань. С. 64; 66).

Чудесное дерево росло на Серебряной горе. Вслед за Юань Кэ В.В.Ежов пишет: «В одной из самых необычных стран на Серебряной горе росло дерево-женщина. Как только небо начинало светлеть, на ветвях дерева появлялись маленькие голые дети. После восхода солнца эти дети спускались на землю, начинали бегать и резвиться. После того как солнце заходило за гору, дети скрывались под землей и больше не появлялись, а на следующий день на ветвях дерева рождались новые дети» (Еж. С. 65).

Подобное дерево росло в стране Дашиван:

«На прибрежных скалах в этой стране росли деревья с зелеными ветвями и красными листьями. На таком дереве рождалось много маленьких детей ростом шесть-семь вершков, они висели, приросшие к веткам, вниз головой наподобие луковицы. Увидев людей, они начинали смеяться и болтать руками и

ногами. Стоило только их снять с дерева, как они сразу же умирали» (Юань. С. 194).

Чудесное дерево росло на горе Персиковой столицы Тао-душань. «Здесь росло огромное персиковое дерево. Ветви его кроны отбрасывали тень на целых три тысячи ли. На верхушке этого дерева сидел золотой петух. Когда первый солнечный луч попадал на него и он слышал крик яшмового петуха, жившего на дереве *фусан*, он также начинал петть вместе с ним» (Юань. С. 90).

В мифе о Янь-ди рассказывается о печальной судьбе одной из его дочерей. Она умерла юной, не успев выйти замуж. «Душа этой полной горячих чувств девушки улетела в горы Гуяо и превратилась в драгоценное растение с необычайно густой и пышной листвой, а когда на нём опадали жёлтые цветы, то появлялись плоды, похожие на плоды повилики, и тот, кто съедал их, был любим» (Юань. С. 62).

В мифах об императоре Яо сообщается, что на его кухне росло удивительное растение: «Его листья были похожи на веер. При каждом движении возникал свежий ветер, который прогонял мух и комаров и в жару сохранял от порчи припасы. Для экономного Яо такое растение было очень кстати» (там же).

Диковинных растений в мифах древнего Китая огромное множество. Вот новые примеры:

«К растениям люди относились с любовью, потому что они приносили много пользы. Например, в горах Шашишань росли деревья *дисю*, у которых было по пять ветвей, раскинувшихся в разные стороны наподобие дорог; их листья были похожи на листья тополя, цвели они жёлтыми цветами и приносили чёрные плоды. По преданию, стоило съесть сваренный из их листьев и плодов суп, как человек становился спокойным и его трудно было рассердить. А в горах Чжунцзюйшань росли деревья, похожие на дикие груши, с круглыми листьями и красноватыми плодами, напоминавшими огромные тыквы. Тот, кто съедал этот плод, приобретал необыкновенную силу – мог вырывать деревья и сокрушать горы. На горах Шаосиншань росла

трава *ганцао* с красными стеблями и белыми цветами, листья у неё были, как у подсолнечника, а плоды напоминали виноград. Глупые, отведав этой травы, становились умными. На горах Дакуйшань росла трава *ландуцао*, она вся была покрыта длинным пушком, цвела зелёными цветами, а плоды были белые. Люди, съевшие похлебку из этой травы, долго жили, а ещё эта трава снимала боли в животе» (Юань. С. 77).

2.3.2. ЖИВОТНЫЕ

Древнекитайские мифы переполнены диковинными животными. Особое почтение древние китайцы питали к дракону, фениксу, цилиню и черепахе. Они считались священными. Однако в китайских мифах часто упоминаются и другие животные – тигр, лиса, конь и др.

Дракон

В качестве реального прототипа мифического дракона исследователи называют то змею, то ящерицу, то крокодила. Мифический дракон приобрёл фантастические черты. Люди, критически настроенные к мифам, уже в древности воспринимали драконов как выдумку. Так, Ван Чун, живший в I в., высмеивал людей, верящих в существование драконов и думающих, что они прячутся в деревьях:

«Говорят, что драконы скрываются в дереве, прячутся там, словно в доме. Поэтому говорят – дракон поднимается в небо из дерева» (Янш. С. 89).

Между тем образ дракона стал животным символом Китая. Изображения мифического дракона разнообразны. Вот одно из его описаний: «Глаза дракона похожи на кроличьи, а уши – на коровьи; над его пастью растут длинные усы; туловище походит на тело змеи, покрытое чешуей; четыре тигровые лапы имеют орлиные когти» (Ежов В. В. Мифы древнего Китая. М., 2004 (сокращённо – Еж.). С. 73).

Культ дракона был связан в первую очередь с водой. Вот почему у него чаще всего просили дождя. Отсюда его сходство со змеей, ящерицей и крокодилом. Однако он имел черты, напоминающие и других животных. Так, в одном из скульптурных изображений V–III вв. до н.э. мифический дракон одновременно напоминает лошадь, тигра и птицу. Крылья позволяли дракону летать по воздуху. Он мог быстро не только летать, но бегать и плавать. В Средние века его культ приобрёл сословный характер. Своё происхождение к нему стали возводить не кто-нибудь, а китайские императоры.

По представлениям древних китайцев, в каждом водоёме – реке, озере и т.д. – водились драконы. Их функции были двойственными: с одной стороны, они воспринимались как хранители этих водоёмов, а с другой, они могли быть виновниками их разливов, что приводило к наводнениям. Люди приносили драконам многочисленные жертвы, чтобы их умилостивить.

Драконы делились на добрых и злых. Очень ярко это видно на примере драконов, которые были братом и сестрой. Брат был злым, а сестра – доброй:

«В древние времена в реке Миньцзян жил отвратительный дракон. Каждый год, когда созревали хлеба, он вызывал, наводнение, заставлял людей бежать, а сам поедал посевы и скот. У дракона была младшая сестра, добрая и отзывчивая. Она не могла больше смотреть на страдания людей и поплыла вниз по течению в Цзядин. Своей волшебной силой она раздвинула сомкнувшиеся горы, чтобы потоки воды могли пройти сквозь отверстие. Злой дракон узнал про поступок сестры, загнал её на Гору пяти тигров и запер в железной клетке. А сам по-прежнему продолжал бурлить воды и чинить вред людям» (там же. С. 187).

У всех местных драконов был свой царь. Его звали Лунван. Люди обращались к нему как к богу, который может остановить наводнение, засуху, голод, болезни и т.д. Если подобные стихийные бедствия прекращались, люди считали, что Лунван их услышал и помог им. Культ царя драконов был так велик, что ему строили храмы. В них они просили его о счастье. Он считался его символом.

В честь великой победы над Чию Хуан-ди установил на земле величественный треножник. Возвращался он на небо на летающем драконе:

«Жёлтый император установил драгоценный треножник у подножия горы Цзиншань и устроил по этому случаю большой пир. В назначенный час собрались все небесные божества и люди восьми сторон света, народу было видимо-невидимо, шум, гомон. В самом разгаре пира вдруг появился волшебный дракон, покрытый блестящим золотым панцирем, высунулся до половины из облаков и спустил свой ус прямо на драгоценный треножник. Хуан-ди понял, что это посланец из небесного дворца зовёт его вернуться на небо» (Юань. С. 115).

По поверьям древних китайцев, люди могли превращаться в драконов. Такая история рассказывается в мифе о драконах, спустившихся с неба на землю:

«Рассказывают, что много-много лет тому назад, когда судьба династии Ся уже была предрешена, неожиданно с неба спустились два дракона – самец и самка. В большом зале во дворце императора у всех на виду они переплели свои хвосты и сказали, что они некогда были князем и княгиней из государства Бао» (там же. С. 252–253).

Феникс

Культ феникса (по-китайски фэнхуана) по своему масштабу занимал у древних китайцев второе место после культа дракона. Как и дракон, он олицетворял императорскую власть. Предполагают, что прототипом фэнхуана был павлин, однако его мифический облик очень сильно отличается от павлина.

Феникс был очень редкой птицей. Конфуцию приписывают такое восклицание: «А фениксы не появляются!». Его никогда не видел даже сам Хуан-ди:

«Даже сам Хуан-ди никогда не видел фениксов и очень хотел взглянуть на них. Он спросил сановника Тяньлао, как выглядят фениксы. Тяньлао, вероятно, тоже их никогда не видел и сказал Хуан-ди, что “спереди феникс напоминает лебедя, со спины он

похож на единорога цилиня. У него шея змеи, хвост рыбы, окраска дракона, туловище черепахи, подбородок ласточки, петушиный клюв". Из описания феникса видно, что он превратился в необычное и волшебное существо, совмещающее признаки птиц, зверей, гадов и рыб» (Юань. С. 119).

Цилинь

В «Википедии» читаем: «Цилинь – своего рода химера: как правило, у него несколько рогов, зелёно-голубая чешуйчатая кожа, тело коня, ноги оленя, голова дракона и медвежий или бычий хвост. Он живёт не менее 2000 лет, но увидеть его дано только избранным (так, видели его незадолго до смерти Конфуция). Подобно европейскому единорогу, цилинь символизирует долговечность и благополучие. Благодаря этому его изображения часто наносились на предметы императорского обихода. Император Канси повелел носить нагрудные нашивки с изображением цилиня обладателям высшего военного ранга Поднебесной (раньше они ассоциировались со львами). На спине цилиня иногда можно увидеть младенцев мужского пола. Подобно аисту в европейской традиции, это цилинь, по представлениям китайцев, приносит счастливым родителям долгожданного наследника».

Вот что мы можем прочесть об этом загадочном животном у В. В. Ежова: «Единорог-цилинь, как полагали китайцы, являлся людям лишь раз в несколько столетий. Он символизировал мир и процветание и обычно возвещал о рождении великого мудреца (существует легенда, что он появился незадолго до рождения Конфуция), поэтому почитание цилиня было связано с надеждами на рождение мудрых и добродетельных людей. Традиция предписывала изображать его непременно с младенцем “на руках”» (Еж. С. 77).

Черепаха

Среди четырёх животных, особо почитаемых в Китае, только черепаха по внешности похожа на своего земного прототипа.

Её считали символом долголетия, силы и выносливости. Однако та мифическая черепаха, которую Нюйва сделала подпоркой для небосвода, имела космический размер.

Тигр

Тигр, наряду с драконом, фениксом и черепахой, в древнейшее время входил, в число священных животных в Китае. Со временем его вытеснил цилинь – загадочное животное, образ которого, как предполагают, был введён в мифы под влиянием Конфуция.

Как и другие народы, китайцы воспринимали тигра как царя зверей. В их представлениях он был их главным защитником от злых духов. Кроме того, они расценивали его как покровителя здоровья.

Конь

Как ни странно, конь – великий помощник людей – не попал у китайцев в число священных животных. Отсюда не следует, что он не пользовался у них заслуженным почтением. Об этом, в частности, свидетельствует миф о конях Юя – великого усмирителя потопа:

«У Юя был волшебный конь по имени Фэйту. Он мог за один день проскакать тридцать тысяч ли (ли – приблизительно 400 м. – В. Д.). Конь был покорён его добродетелью и сам явился во дворец и стал служить ему. По преданию, у Юя было ещё одно животное – Цзюэти. Раньше оно принадлежало Хоу-ту. Цзюэти, наверное, тоже предназначалось для верховой, езды. Позднее Фэйту и Цзюэти стали нарицательными именами для хороших скакунов. Небесный правитель в знак симпатии подарил Юю этих двух дивных коней, приходивших без зова. Юй скакал на лошадях, стремясь поскорее усмирить наводнение, и число его бессмертных деяний беспрестанно росло» (Юань. С. 179).

Необыкновенного скакуна принесли в дар Чжоу, правителю из династии Инь, друзья Вэнь-вана, чтобы этот правитель освободил невинного человека:

«Друзья Вэнь-вана нашли ещё цюаньжунского скакуна. Это был необыкновенный конь пятицветной масти; его глаза сверкали, как золото, а грива переливалась, как яркий петушиный хвост. Вот отсюда-то и пошло название “петушиная колесница”. Говорили, что тот, кто сможет объездить его и останется цел, проживёт тысячу лет» (там же. С. 232).

Поистине мифическими были кони у императора Му-вана:

«Некоторые из них на скаку не касались ногами земли, другие мчались быстрее, чем птица, и за одну ночь могли проскакать десять тысяч ли (т.е. пять тысяч км. – В. Д.). У некоторых на спине росли крылья и они могли летать. Приписывали им и иные сверхъестественные качества. Му-ван приказал поместить скакунов на острове Восточного моря в окрестностях Лунчуань – Протока дракона. Там росла “драконова трава”. Даже обыкновенная лошадь, поев этой травы, могла за один день проскакать тысячу ли. Можно вообразить, сколько мог в таком случае проскакать волшебный скакун. Про эту волшебную траву в древности говорили: “Один пучок драконовой травы превращает лошадь в волшебного скакуна”» (там же. С. 244).

Чудесные кони были у жителей Страны одноногих:

«Они обычно ездили на белых в яблоках конях *цзилян*, что значит *счастливые и добрые*. Кони были с красной гривой, шея напоминала петушиный хвост и глаза блестели, как золото. Те, кто ездил на них, могли жить тысячу лет» (там же. С. 196).

Краб

Некоторые мифические животные имели гигантский размер. Об одном из них повествует такой миф:

«Некогда жил один купец. Однажды отправился он на лодке в море по своим торговым делам. Неизвестно, сколько прошло дней, когда в безбрежном море он вдруг увидел маленький островок, поросший изумрудно-зелёными деревьями. Купец удивился и велел морякам пристать к острову. Разом все выпрыгнули на берег и привязали судно. Затем они нарубили веток и разожгли костёр, чтобы сварить еду. Но не успела вода

закипеть, как они почувствовали вдруг, что островок задвигался и деревья стали погружаться в воду. Перепуганные люди в смятении бросились к судну, перерубили канат и, спасая свою жизнь, поплыли прочь от тонущего островка. Присмотрелись, – а это огромный краб, которому огонь костра опалил панцирь» (Юань. С. 52).

Лиса

В мифах о Юе, великом усмирителе потопа, упоминается чудо-лиса. У неё была белая шерсть и девять пушистых хвостов. Встреча с такой лисой, как и с драконом, фениксом и цилинем, сулила удачу. Принесла она удачу и Юю. Благодаря встрече с нею, он женился на изящной и красивой девушке по имени Ньюцзяо.

Но чаще всего лиса воспринималась древними китайцами как злое животное. Она выступает в китайских мифах, как и в русских сказках, как хитрое и опасное животное. Вот почему встречу с нею в реальной жизни они расценивали как предвестие надвигающейся беды.

Другие животные

Встреча со многими другими животными также воспринималась в Китае как дурная примета. Ничего доброго не сулила встреча с чудовищами, которые жили недалеко от Страны одноглазых:

«Один из зверей назывался *таоцюань* – саранча-собака. Он напоминал собаку, тело его было зелёного цвета. Это чудовище питалось людьми и начинало пожирать их с головы. Другой зверь назывался *цунци*. Он был похож на тигра с крыльями, и всё тело его было покрыто иглами, как у ежа. Он также пожирал людей, начиная с головы, иногда он их пожирал с ног, так как люди прикрывались от него волосами. Там водились чёрные пчёлы и красные мотыльки, размерами превосходящие слона» (там же. С. 202).

Список мифических животных, приносящих несчастья, был довольно длинным:

«Предание рассказывает о змее с шестью ногами и четырьмя крыльями, которую называли *фэйи*. Как только её видели в небе, на земле тотчас начиналась страшная засуха. Или о существе, по виду напоминавшем быка, но полосатого, как тигр, по прозвищу Лин-лин. Его появление сопровождалось сильнейшим наводнением. Рассказывают ещё о звере *фэй*, тоже похожем на быка, с белой головой, с одним глазом и хвостом, как у змея. Перейдёт он реку – река пересохнет, а по траве пройдёт – трава завянет. Стоило ему только появиться, как по всей Поднебесной начинался мор. Прилетала иногда и птица, похожая на журавля, сама зелёная, с красными полосами, белым клювом и одной ногой, звали её *бифан*. Там, где её видели, обычно вспыхивало удивительное пламя. Появлялась и другая птица, похожая на змею, с четырьмя крыльями, шестью глазами и тремя ногами, звали её *суаньюй*; куда ни прилетала, обязательно начиналось смятение. Ещё говорили о звере, напоминавшем лису, с белым хвостом и длинными ушами, и звали его *шилан*; его появление сулило войну» (Юань. С. 76).

Но были и добрые мифические животные. Они были полезны для людей:

«Кроме этих зверей и птиц, были ещё и такие, что не только не вредили, а, напротив, приносили пользу, причём большинство из них исцеляло болезни. Например, была одноглазая четырёхкрылая птица *сяо* с собачьим хвостом; согласно преданию, тот, кто съедал её, мог вылечиться от болей в животе. Говорят, что если съесть рыбу *цзао*, напоминавшую карпа, но с двумя куриными лапами, то у больного рассасывалась опухоль. Человек становился храбрым, если носил пояс из кожи *фэй-то* – существа, напоминавшего барана, с девятью хвостами и четырьмя глазами на спине. Мясо птицы *данху*, напоминавшей фазана, у которой вместо крыльев были усы по обе стороны её головы, исцеляло глаза. А *сюаньгуй* – вертящаяся черепаха – помогала от мозолей на ногах; стоило попробовать летающих рыб, – и человек переставал бояться грома; отведавшие мясо

большой, похожей на человека обезьяны могли быстро бегать. Мясо птицы *циту* предохраняло от нечисти. Зверей, обладавших чудодейственной силой, было много, но найти их было не легкой» (там же. С. 76–77).

На горе Циньяошань (на территории современной провинции Ханань) «водилась птица с зелёным туловищем, светло-красными глазами и красным хвостом, напоминавшая дику утку; женщина, отведавшая её мяса, могла рассчитывать на рождение ребенка» (там же. С. 85).

2.3.3. ПОЛУЛЮДИ-ПОЛУЖИВОТНЫЕ

Со школьной скамьи мы помним о греческих кентаврах. Но мы, как правило, не имеем понятия о китайских полулюдях-полуживотных. Сразу следует отметить, что человеческого в них было больше, чем животного, поскольку они имели человеческий ум и могли говорить по-человечески.

Чрезвычайно умны, например, были *полулюди-полусобаки*, которых называли *синсин*. Голова у них была человеческая, а туловище – собачье. Иногда они осмеливались окликать людей, проходивших мимо, по именам и фамилиям. Но обычно они прятались от людей, поскольку те их вылавливали.

«В окрестностях страны Сяоян водились очень любопытные животные *синсин*, с пёсым туловищем и человеческим лицом. Глаза и нос у них росли торчком. Эти звери были очень умные и могли разговаривать по-человечьи. При виде людей они скрывались. Синсин могли окликать людей по именам и фамилиям. Чтобы поймать животное, люди в глухих горах ставили несколько кувшинов с вином, около них – несколько чашек и черпаков и деревянные сандалии, а сами прятались и следили за тем, что произойдёт. Животные, увидев расставленные вещи, догадывались, что люди поставили какие-то ловушки, и начинали всячески бранить людей, перебирая всех родственников до восьмого колена. Они ругались так долго, что у них пересыхало горло и им хотелось чего-нибудь выпить. Тем временем винный аромат достигал их ноздрей. Синсин вначале

боялись попасть в ловушку, затем решали чуть-чуть попробовать, чтобы убедиться, не таится ли в вине что-нибудь опасное. Самые смелые из них подходили поближе к кувшинам, вытягивали руку и обмакивали палец. Потом в ход шли черпаки, а затем и чашки. Синсин из чашек и черпаков с гамом и криком пили вино, сколько влезало. Они опустошали до дна все кувшины. А напившись, обнаруживали на земле деревянные сандалии. Все наперебой кидались надевать их, разыгрывая из себя людей, но, не пройдя и трёх-пяти шагов, они спотыкались и падали на землю. Спрятавшиеся вблизи люди выбегали и крепко связывали их верёвками» (Юань. С. 199).

В стране Динлин жили *полулюди-полулошади*. Они напоминают греческих кентавров. На бегу они хлестали себя плетью, чтобы бежать быстрее.

На высоких горах, по поверьям китайцев, живут *полулюди-полуобезьяны*. Ростом они под два метра. Особенно их боялись красивые женщины, поскольку мужчины-обезьяны их похищали и делали их своими жёнами.

В Стране Крылатых жили *полулюди-полуптицы*. От обычных людей они отличались птичьими клювами и крыльями. Они были яйцекладущими. Их дети вылуплялись из яиц:

«Там обитали люди с вытянутыми головами, красными глазами и птичьим клювом. Волосы у них были белые, а за спиной росли крылья, и они могли летать, правда, совсем недалеко. Они, как птицы, вылуплялись из яиц» (Юань. С. 203).

В стране Саньмяо жил народ *мяо*. У её жителей под мышками росли крылья:

«По легенде, мяо были потомками Ди-хуна, Шаохао и Цзиньюн-ши. Эти племена некогда восстали из-за того, что Яо передал престол Шуню. Яо убил их вождей, а остальных переселил к Южному морю. Так образовалась страна Саньмяо. Жители её не отличались от обычных людей. Лишь под мышками у них росли небольшие крылья, но летать они всё-таки не могли» (Юань. С. 204).

В стране Сюаньюань жили *полулюди-полузмеи*. Они обладали фантастическим долголетием:

«Самый короткий срок жизни был не менее восьмисот лет. Жители, по-видимому, были потомками Хуан-ди, с человеческими лицами и змеиными туловищами и хвостами, закрученными вокруг головы.» (Юань. С. 195).

Много мифов древние китайцы сочинили о *полулюдях-полурыбах*. Вот некоторые выдержки из них:

1. «Ещё упоминают о стране Хужень, где все жители походили на человека-рыбу... Лицо у них было человеческое, а туловище рыбье. У них были только руки и не было ног, а нижняя часть туловища напоминала рыбий хвост. Они могли передвигаться на облаках, управлять дождём, свободно подниматься на небо и спускаться на землю. Говорят, это были прямые потомки Янь-ди» (Юань. С. 61).

2. «Ещё интереснее легенда о человеке-рыбе. В наиболее ранней записи легенды говорится, что человека-рыбу ещё называли *линъюй*, что значит *рыба-холм*. У неё было лицо человека, а тело рыбы, человеческие руки и ноги. Она могла выходить из воды и передвигаться по суше» (там же. С. 53).

3. «В южных морях живёт человек-рыба, называемая *цзяожэнь* – нимфа. И хотя она живёт в море, но, как и в прежние времена, часто садится за ткацкий станок и ткёт. Глубокой и тихой ночью, когда море спокойно и нет волн, стоя на берегу при свете луны и звёзд можно услышать исходящий из глубины моря шум ткацких станков. Это ткут нимфы. У *цзяожэнь*, как и у людей, была душа, и они могли плакать, каждая слезинка их превращалась в жемчужину» (там же).

4. «По другому преданию, люди-рыбы очень похожи на людей – у них такие же брови, глаза, рот, нос, руки, ноги. Все они – и мужчины и женщины – необычайно красивы, с тонкой белой кожей, напоминающей нефрит, их волосы, наподобие конских хвостов, были длиной до пяти-шести чи (приблизительно 15–18 см. – В. Д.). Стоило им выпить немного вина, и всё их тело розовело, как цветы персика, и они становились ещё прекрасней. Если у прибрежных жителей умирала жена или муж, люди-рыбы ловили их и оставляли у себя как своих мужей и жён» (там же).

В полурыбу-получеловека превратился великий бог Севера Чжуаньсюй:

«Подобно другим небесным владыкам, Чжуаньсюй, как гласит предание, тоже умер, и после смерти с ним произошло удивительное превращение. Когда с севера подул сильный ветер, подземная вода под действием ветра выступила на поверхность и залила землю. В это время змея превратилась в рыбу, и мёртвый Чжуаньсюй, воспользовавшись этим превращением, прилепился к телу рыбы и ожил. У ожившего Чжуаньсюя одна половина тела была, как у человека, а другая – как у рыбы. Это странное существо называлось *юйфу* (рыба-женщина). Смысл этого превращения, видимо, состоял в том, что рыба, став его женой, снова вернула его к жизни» (Юань. С. 75).

Китайские мифотворцы создали много других полулюдей-полуживотных. Их творческая фантазия была неиссякаемой. Недалеко от Страны одноглазых, например, жили такие чудовища:

«Там жили ещё дикари, которых называли *цзяо*. Тело их было полосатое, как у тигра. У них были крепкие ноги. Встречались там и странные оборотни *тафэй* с человеческим лицом и звериным туловищем зелёного цвета. Были и призраки *мо* с человеческим телом и чёрной головой с вертикальными глазами. Ещё жили там странные люди *жун* с человеческой головой с тремя рогами. Встречались там и странные духи *цзюйбичжиши* с кривой шеей, голова у них с длинными спутанными волосами свисала на грудь. Руки у них были отрублены и их тело напоминало гладко выструганный ствол» (там же. С. 202).

2.3.4. ЛЮДИ

Древние китайцы населили мифический мир людьми, которые имеют внешность не только обычную для человека, но и фантастическую. Таких людей можно смело назвать мифическими, поскольку их существование в реальном мире невозможно. Их внешность была настолько необыкновенной, что мифотворцы заселяли ими страны, очень далёкие от их родных мест.

Особенно много о таких странах сообщается в «Книге гор и морей», которую ошибочно приписывают мифическому Юю. Он посетил их во время своей тринадцатилетней деятельности, направленной на усмирение потопа.

В одних странах жили люди необыкновенного роста, в других они имели необыкновенный цвет тела, в третьих – необыкновенные головы, в четвёртых – необыкновенную грудь, в пятых – необыкновенный живот, в шестых – необыкновенные руки, в седьмых – необыкновенные ноги. И т.д.

Рост

Великаны

Стран, где жили великаны, было, по представлениям древних китайцев, довольно много:

«В древних книгах есть много рассказов о великанах. В мифе о “Нюйва, починившей небосвод”, говорится о великанах страны Лунбо, которые поймали на крючок шесть голодных черепах, державших на головах горы. Эти великаны, вероятно, были прародителями всех великанов. Впоследствии небесный правитель рассердился на них и решил укоротить их. Но, согласно записям, он не смог этого сделать, и они остались ростом в тридцать чжанов (чжан – примерно 2,5 м. – В. Д.). Великаны из восточной страны Тяожэнь были вровень с ними. Надо ещё упомянуть о Фанфэн-ши, которого казнил великий Юй на горе Гуйцзи: одна кость его еле умещалась на колеснице. Он был небесным божеством и предком позднейших поколений великанов» (Юань. С. 193).

Конфуций упоминал о великане Чанди. Какого он был роста?

«Когда он ложился, занимал площадь девять му (му – примерно 225 квадратных метров. – В. Д.). Потребовалась большая повозка, чтобы везти его отрубленную голову, и всё-таки его брови свисали над передним брусом телеги» (Юань. С. 193).

Выделю другие страны, где жили великаны.

Страна Куафу. Рост некоторых великанов в ней достигал тридцати метров. Один из них – Синтянь – так возгордился, что дерзнул вступить в борьбу с самим Хуан-ди. Небесный владыка отрубил Синтяню голову.

Страна великанов. Великаны из этой страны пребывали во чреве матери не девять месяцев, а тридцать шесть лет. При этом они рождались сразу могучими богатырями. Вот некоторые сведения о великанах этой страны:

«На горе Богушань был храм великанов, где они собирались на совет. Один из великанов любил сидеть там на корточках, раскинув огромные, длинные руки. Другой любил кататься в море по громадным волнам на маленькой лодке, выдолбленной из ствола дерева. Но, наверное, она была намного больше, чем боевые корабли, на которых в древности сражались наши предки» (там же. С. 192).

Карлики

Страна пигмеев. В этой стране жили карлики очень маленького роста. Но при этом они были очень трудолюбивыми:

«Они, как и мы, носили одежду и шапки и жили в пещерах. Карлики были очень сообразительными и изобретали разные хитроумные вещи. По преданию, они преподнесли императору Яо несколько стрел *моюй*, изготовленных ими самими, что говорит об их мастерстве. Возделывая поля, карлики очень боялись, что их схватят свирепые белые журавли. Но, к счастью, люди из соседней страны Дацинь, здоровенные детины десяти чжанов ростом, помогали карликам прогонять журавлей, и карлики могли продолжать трудиться» (Юань. С. 193).

Страна лебедей. Средний рост жителей этой страны не достигал двадцати сантиметров. Они боялись лебедей, которые их проглатывали, но они оставались живыми даже и в птичьем чреве.

Карлики из Страны лебедей были очень вежливы: при встрече с человеком они отвешивали ему низкий поклон. Но

самое большое их достижение – долголетие. Они жили до трёхсот лет. Своё долголетие они передавали и лебедям, которые их проглатывали.

Цвет

В Стране белых людей жили люди с белым цветом не только кожи, но и волос.

В других странах жили люди с чёрными зубами, красными или чёрными ногами.

Волосы

У жителей Страны волосатых «лицо и тело поросло волосами, твёрдыми, как наконечники стрел. Они были маленького роста, жили в пещерах и круглый год не носили одежды» (Юань. С. 200).

Кости

В Стране мягкотелых «у жителей не было костей. У них было по одной руке и ноге. Руки и ноги у них были мягкими, как кусок мяса, и гнулись в разные стороны. Это были потомки длинноухих» (Юань. С. 202).

Голова

Ничего более фантастичного не мог придумать человек, как летающую голову. Древнекитайские мифотворцы додумались до изображения людей, головы которых могли отрываться от тела и летать по воздуху, используя уши как крылья.

Мифические люди, созданные безудержной фантазией древнекитайских мифотворцев, могли иметь головы с тремя или четырьмя лицами, лишь с одним глазом, лишь с одним зубом-сверлом, с языком, который рос от передних зубов к горлу, с непомерно длинными ушами и т.д. Людям из Страны длинноухих приходилось во время ходьбы придерживать уши руками, поскольку они достигали их плеч.

Грудь

Люди с дырявой грудью – новое чудо, созданное китайскими мифотворцами:

«У них в груди было большое круглое сквозное отверстие. Это было некрасиво, но, по преданию, люди извлекали из этой особенности выгоду. При передвижении им не нужен был паланкин. Они брали бамбуковый шест, продевали его через грудь, и два человека несли его. Это было удобно и спокойно, хотя и очень необычно» (Юань. С. 205).

Дыхание

«К югу, недалеко от страны Хуаньтоу, лежала Страна огнедышащих. У жителей этой страны была чёрная кожа, они походили на обезьян и могли изрыгать огонь» (Юань. С. 204)

Живот

В животе обитателей Страны безутробных не было кишок. Они, между тем, пищу употребляли, как и все нормальные люди. Но она сразу проскакивала у них наружу. Остаётся без ответа один фундаментальный вопрос: как такие люди не умирали от голода?

Руки

У жителей Страны длинноруких были руки такой невообразимой длины, что они могли ими в море ловить рыбу:

«Длиннорукие обычно ловили на берегу моря рыбу. С руками длиной три чжана (чжан – примерно 2,5 м. – В. Д.) было, конечно, очень удобно заниматься рыболовством. Поэтому можно было часто видеть, как они обеими руками вытаскивали из моря бьющуюся рыбу» (Юань. С. 200).

Меньше повезло людям из Страны одноруких. У них к тому же был один глаз и одна ноздря. Лошади в их стране были им под стать – одноглазыми и двуногими.

Ноги

С ногами у мифических людей дело обстояло поразнообразнее, чем с руками. Об этом говорят названия стран, где жили такие люди: *Страна ходящих на цыпочках, Страна людей с переплетёнными ногами, Страна длинноногих, Страна одноногих.*

По поводу ходящих на цыпочках у Юань Кэ читаем:

«Люди там были высокого роста и с большими ногами. При ходьбе они становились на пальцы и не касались пятками земли. Говорят ещё, что ноги у них были повёрнуты наоборот, так что если они шли на юг, то их следы показывали на север. Поэтому их ещё называли “люди с пятками навыворот”» (Юань. С. 200–201).

В свою очередь по поводу людей с переплетёнными ногами читаем:

«Если двигаться от Страны твёрдогрудых на восток, то, пройдя несколько стран, попадаешь в Страну людей с переплетёнными ногами. Жители этой страны были ростом не более четырёх чи (чи – приблизительно 25 см. – В. Д.), ноги у них были кривые и переплетённые. Если они ложились, то встать без посторонней помощи уже не могли. Так, некрасиво ковыляя и хромая, они ходили по дороге. Но они считали это в порядке вещей и нормальная походка людей, прибывших из других стран, казалась им некрасивой» (там же. С. 198).

Панорама стран, где люди, полулюди-полуживотные, животные и растения имели диковинную внешность, поражает своей широтой. Такой широты нет ни у греков, ни у индийцев, хотя в некоторых случаях между ними и китайцами мы и обнаруживаем перекличку. Это относится, в частности, к амазонкам. У китайцев были свои амазонки. Правда, они существенно отличались от греческих. Китайские амазонки жили в Стране женщин:

«Ещё дальше на юг лежала Страна женщин, и среди них не было ни одного мужчины. Достигшие совершеннолетия девушки отправлялись купаться на Жёлтый пруд – Хуанчи, после чего они зачинали потомство. Если рождался мальчик, то года через

три его умерщвляли; оставляли только одних девочек» (Юань. С. 207).

Не могли от женщин отстать и мужчины. У них была своя страна – Страна мужчин:

«Жён у них не было, но каждый из них мог породить из своего тела двух детей. Эти дети при рождении представляли собой тени, а когда они переставали быть бесплотной тенью, то мужчины, породившие их, умирали. Говорили также, что эти дети рождались у них из подмышек» (там же. С. 207–208).

2.4. ПСИХИКА

2.4.1. ЧУВСТВА

Чувства в мифах могут выражаться чудесным образом. Яо-цзы, одна из дочерей бога солнца Янь-ди, умерла в юности. Бог-отец превратил её в дождевую тучу, чтобы она могла плакать дождём:

«Бог, скорбя о ранней смерти Яо-цзи, назначил её богиней облаков и дождя в горах Ушань. По утрам она превращалась в красивое утреннее облако, которое свободно и беззаботно блуждало между горными хребтами и ущельями. Когда наступали сумерки, она становилась порывистым вечерним дождём, изливая свою печаль горам и рекам» (Юань. С. 61).

Одно дело – выражать чувства, а другое – их сдерживать. Во вполне реалистическом духе в мифе о войне Хуан-ди с Чию описан эпизод, в котором войску Жёлтого императора грозила, казалось бы, неминуемая гибель. Его предводитель потерял самообладание и впал в отчаяние.

По-другому на сложившуюся ситуацию отреагировал его сановник Фэн-хоу. Он не потерял самообладания и, прикрыв глаза, сосредоточенно думал о выходе из сложившегося положения. Хуан-ди, взглянув на него, решил, что сановник задремал:

«Когда Хуан-ди спросил у него, почему он спокойно дремлет в самое напряжённое время битвы, Фэн-хоу вдруг открыл глаза и чётко произнёс:

– Разве я сплю? – Я придумываю выход!» (Юань. С. 97).

Сановник нашёл этот выход и тем самым спас войско своего императора от гибели.

Во вполне реалистическом духе описано эмоциональное состояние стрелка И после того, как его обманула жена со снадобьем бессмертия:

«Он очень изменился, так как перенесённые испытания наложили на него отпечаток. Чуть что-нибудь было не так, он сразу вскипал гневом. Слуги видели, что характер их хозяина изменился, и понимали, почему это произошло. Скорбь И была в сущности болезнью, для врачевания которой на земле не было лекарства. Скорбь приводила к гневу, а от гнева страдали ни в чём не повинные люди» (там же. С. 159).

В мифах древнего Китая упоминаются две страны, жители которых жили в противоположных эмоциональных состояниях – в смятении или в безмятежности. К первой относилась Страна трудолюбивых:

«Они всегда находились в состоянии смятения, что бы они ни делали: ходили, стояли, сидели, лежали, – всё время они были беспокойны. У них был озабоченный вид, даже если никаких дел у них не было» (Юань. С. 206).

В стране Гушэго, напротив, господствовала безмятежность:

«Душа их была чистой, как вода в глубоком роднике, а сами они были такими красивыми, как молоденькие девушки. Ничто не могло повредить им. Они жили в своё удовольствие на прекрасном острове, вечно молодые и бессмертные, бездельничали, любуясь морскими рыбами и крабами» (там же).

2.4.2. УМ

Самым умным в окружении Хуань-ди оказался, как ни странно, небесный зверь по имени Байцзе:

«Байцзе был необычайно умён и умел говорить по-человечьи. Ему были ведомы все духи небесные и бесы земные. Он знал наперечёт всех оборотней (в которых превратились неприкаянные, бродячие души), живущих среди гор, лесов, озёр

и рек. Он мог, не перепутав, назвать, какие оборотни, духи и чудовища живут на какой горе, какие оборотни и драконы водятся в воде, какие шутки творит нечистая сила на дорогах и что за бесы и духи-волки водятся на могилах. Жёлтому императору стало грустно и обидно, что он, правитель вселенной, не изучил всего так подробно, как Байцзэ. И тогда он повелел нарисовать карту, изобразить на ней всех духов, которых назвал Байцзэ, а сбоку сделать подписи и объяснения. Всего получилось одиннадцать тысяч пятьсот двадцать названий. С тех пор Жёлтому императору стало очень удобно управлять всеми оборотнями и бесами» (Юань. С. 92).

Хуан-ди повезло не только с Байцзе, но и с сановником Фэн-хоу. Если бы не этот умный сановник, войско Хуан-ди в его битве с Чию было бы уничтожено.

Чию наслал на войско Хуан-ди густой туман. Оно было в смятении. Ему грозила неминуемая гибель от войска Чию. В отличие от Хуан-ди, который поддался чувству отчаяния, Фэн-хоу нашёл выход из опасной ситуации:

«Почему ковш Большой Медведицы всегда показывает на север независимо от времени и всяких изменений? Вот если бы изобрести такую штуку, чтобы куда бы ты ни повернулся, на восток или на запад, она всегда указывала бы одно направление. А раз будет известно одно направление, то можно будет определить и остальные три, – разве это не будет решением? Думал он, думал – и вдруг придумал замечательный выход. Он напряг все свои необыкновенные силы и способности и смастерил “колесницу, указывающую на юг”. Впереди на колеснице стоял маленький железный человечек с рукой, протянутой как раз на юг. Благодаря этому Жёлтый император и смог вывести свои войска из сплошного тумана» (Юань. С. 97).

Большая часть людей обладает средними умственными способностями. О таких людях можно сказать по-гоголевски: не то, чтобы очень умный, но не то, чтобы и очень глупый. Между такими людьми живут мудрецы (их мало) и глупцы (их много).

Мудрым человеком был правитель провинции Е Симэнь Бао. Он не побоялся вступить в борьбу с речным богом Хэ-бо.

Этому богу люди приносили в жертву красивых девушек, которых «выдавали за него замуж», т.е. топили их в реке. Симэнь Бао прервал этот дикий обычай. Хэ-бо был в гневе, но этот гнев оказался бессильным:

«Хэ-бо поднял страшные волны, чтобы показать всем свой гнев. Но Симэнь Бао оказался сильнее его. Не успел Хэ-бо шевельнуть рукой, как Симэнь Бао уже послал народ со всего уезда, чтобы выкопать двенадцать канав. Речная вода пошла на крестьянские поля и вместо вреда принесла пользу, и гнев Хэ-бо пропал даром. Люди умнее богов» (Юань. С. 151).

Боги в любой религии призваны быть мудрыми, хотя далеко не все из них и далеко не всегда поступают мудро. В надежде, что они поступят мудро и справедливо, верующие молятся им и приносят жертвы. Милосердные боги откликаются на их молитвы и помогают им.

Так думают верующие, но они забывают, что не люди созданы по образу и подобию богов, а совсем наоборот: боги созданы по образу и подобию людей. Отсюда следует, что на небе всё, как на земле: мудрецов мало, а глупцов хоть пруд пруди.

О том, что мудрых людей на земле очень мало, рассказывается в мифе о том, как чжоуский князь Вэнь-ван искал мудреца.

«Вэнь-ван всё время думал о том, что необходимо найти мудреца. Он даже во сне несколько раз видел, как какой-то человек манит его рукой и улыбается ему. Однажды Вэнь-вану явился во сне небесный правитель, одетый в чёрный халат. Правитель стоял у переправы через реку Линхуцзинь. А за его спиной Вэнь-ван увидел старика с седыми усами и бровями. Небесный правитель обратился к Вэнь-вану:

– Чан, дарю тебе хорошего учителя и помощника, его зовут Ван.

Вэнь-ван поспешно поклонился старику, старик поклонился в ответ. И в этот момент он проснулся» (Юань. С. 233).

Сон оказался вещим. Точно такого же старика Вэнь-ван увидел некоторое время спустя уже не во сне, а наяву. Он увидел его в дремучем лесу на берегу реки, где этот старик ловил рыбу.

«Близорукий Вэнь-ван прищурился, стараясь разглядеть старика, и кто бы мог подумать, что это и был тот старик, которого он видел во сне. Вэнь-ван поспешно выпрыгнул из колесницы, почтительно приблизился к старцу и заговорил с ним. Старик ничуть не смутился и не удивился, отвечал ему непринуждённо, как будто ничего не произошло. Вэнь-ван разговаривал со стариком недолго, даже тень от тутового дерева не сдвинулась с места, но он уже окончательно убедился, что это и есть тот мудрец, превосходивший всех своими талантами и глубокой учёностью, которого он так долго искал. Вэнь-ван сердечно обратился к нему:

– Учитель, мой покойный отец часто мне говорил: “Будет время, и к нам придёт святой мудрец, и тогда народ Чжоу добьётся процветания”» (там же).

Старика звали Цзянь-тайгун. Он оправдал ожидания Вэнь-вана. Он и на самом деле оказался мудрым человеком. Вэнь-ван убедился в этом, когда назначил его чиновником в провинцию Гуаньтань.

«Вскоре после прибытия во дворец Вэнь-ван приказал Цзянь-тайгуну отправиться в Гуаньтань в качестве мелкого чиновника. Прошёл год, и он навёл в Гуаньтане такие порядки и водворил такое спокойствие, что даже ветер в этой местности стал покорным и никогда не свистел в ветвях» (там же. С. 235).

Вэнь-ван вскоре назначил Цзянь-тайгуна главным советником в своём правительстве. После смерти Вэнь-вана мудрец стал наставником его сына У-вана. Он не раз помогал молодому князю выходить из трудных ситуаций. Приведу два примера.

Первый пример. Собираясь в поход против иньского императора Чжоу Синя, У-ван попросил гадателей предсказать будущее по панцирям черепах и высохшей траве. Они предупредили: будущее принесёт зло. Все вокруг засомневались в целесообразности похода. Все, кроме Цзянь-тайгуна. Он возмущённо закричал:

«Мёртвые кости, высохшая трава! Разве могут сказать они, что предвещает добро, а что – зло? В поход! В поход! Что может помешать успеху нашего правого дела?!» (там же. С. 236).

Второй пример. К войску У-вана подъехало пять колесниц с неизвестными людьми. Князь не хотел их принимать. Цзян-тайгун его предостерег от возможной ошибки. По их внешнему виду он догадался, что это не обычные люди. Чтобы проверить, кто они такие, он предпринял хитрый дипломатический ход: послал к ним слугу, который предложил им рисового отвара. Гости оживились и представились этому слуге. Оказалось, что они – не люди, а духи. Слуга доложил об этом Цзян-тайгуну, который сообщил своему правителю:

«Вот теперь вы можете их принять! Те, которые сидят в колесницах, – это духи четырёх морей и хозяин реки Хуанхэ. А всадники – это духи дождя и ветра. Духа Южного моря зовут Чжужун, духа Восточного моря – Гоуман, духа Северного моря – Юаньмин, а духа Западного моря – Жушоу, духа реки Хуанхэ зовут Фэньи, имя повелителя дождей Юн, духа ветров зовут И. Пусть теперь телохранители называют их имена и приглашают по очереди» (там же. С. 238).

У-ван был теперь подготовлен ко встрече с важными гостями:

«У-ван расположился в походном шатре и начал приём. Телохранители по очереди приглашали гостей войти. Сначала называли имя Чжужуна, потом Гоумана, затем остальных. Духи, услышав, что их называют по именам, удивились, переглянулись и пришли в восхищение:

– Как мудр этот князь! Он ещё не видел наших лиц, а уже знает наши имена» (там же).

Дипломатическое искусство Цзян-тайгуна позволило сделать из духов помощников У-вана. Они ему предсказали:

«Небу угодно возвысить Чжоу и уничтожить Инь. Мы прибыли, чтобы дать вам в помощь духа реки Хуанхэ и повелителя дождей. Назначьте их на какие-нибудь должности, и они помогут вам во время войны» (там же).

У мудрости имеется противоположность – глупость. «Глупость не могли победить даже боги!» (Ф. Шиллер). Даже всемогущие боги не способны помочь глупцам. Не могут им помочь и умные люди, которые оказываются рядом. Вот почему глупые

люди в мифах высмеиваются. К таким людям относился Чоу – правитель княжества Го.

«Однажды ночью ему приснился странный сон. Как будто на ступеньках у западной стороны храма предков с воинственным видом стоял святой с лицом человека, когтями тигра, белой шерстью на теле, в руках он держал большой топор. Увидев его, правитель Чоу задрожал от страха и обратился в бегство. Тогда он услышал голос святого: “Стой! Небесный император приказал мне открыть твою столицу для войска государства Цзинь!”. Правитель Чоу от испуга не мог сказать ни слова и лишь беспрерывно отвешивал поклоны. Проснувшись, он немедленно позвал астролога по имени Инь и попросил его растолковать, предвещает этот сон беду или удачу» (Юань. С. 67).

Астролог призвал князя к осторожности и добавил:

«Благополучие государя целиком зависит от того, как он управляет страной» (там же).

Эти слова не вразумили Чоу. Он разгневался на астролога и посадил его в тюрьму, «а сам приказал собрать всех сановников и чиновников для того, чтобы те поздравили его с удивительным сном. Незадачливый правитель думал таким образом дурное предзнаменование обратить в счастливое» (там же).

Умный сановник Чжоу Чжи-цяо не выдержал и заявил своему родственнику:

«Посмотрите, как глуп наш правитель. Увидел какой-то странный сон, не разобравшись как следует, почему он ему приснился, перепугался и заставил людей поздравить его с этим сном, то есть, другими словами, поздравить с тем, что к нам вторгнутся войска крупного государства. Как будто, создав видимость мира, можно спастись от беды. До чего же он неразумен!» (там же).

Через шесть лет цзиньский князь Сянь-гун уничтожил княжество Го вместе с его глупым правителем.

Мифотворцы иногда относились к глупости с добродушным юмором. В одном из мифов читаем:

«В Северных горах жил девяностолетний старик, которого люди называли Юй-гун – Глупый дед. Прямо напротив его дома

стояли две большие горы – Тайханшань и Ванъушань, и ему было очень неудобно каждый раз обходить их. Он собрал всех своих домашних – стар и млад, и стал держать совет.

– До чего надоели эти горы, совсем закрыли нам дорогу. А что если мы перенесём их в другое место?

– Конечно, конечно! – закричали сыновья и внуки Юй-гуна» (Юань. С. 112).

Семейство Глупого деда дружно принялось за бессмысленный труд. Один мудрец посмеялся над ним, но это его не остановило. Произошло чудо! Упорство Глупого деда понравилось Небесному владыке. Он отправил к деду двух великанов, которые отодвинули горы друг от друга.

В мифе о глупом великане из племени куафу рассказывается о том, как этот великан решил схватить солнце. Оказавшись на горе Яньцы, где садится солнце, великан решил, что его звёздный час настал, однако солнце ему не далось:

«Огненно-красный шар был перед ним. Куафу уже попал в его лучи, радостно расправил богатырские плечи, думая схватить солнце. Но он целый день бежал и сильно устал, да и солнце жгло его так, что на сердце стало жарко и во рту пересохло. Лёг он тогда на землю и стал пить воду из Хуанхэ и реки Вэйшуй, – в один миг пересохли обе реки, а жажда всё не проходила. Побежал он дальше на север, чтобы выпить воду Великого озера Дацзе. Озеро, называвшееся ещё Ханьхай – Широкое море, находилось к северу от Яньмэньшань – Гор гусиных ворот – и имело в окружности тысячу ли. Туда слетались птицы высиживать птенцов и менять оперение и там били родники, из которых великан, преследовавший солнце, мог утолить жажду. Но он умер на полпути, так и не добравшись до Великого озера. Словно гора, упал он на землю, и грохот падения разнёсся по равнине и потряс горы и реки. Перед смертью он бросил палку, которую держал в руке, и она превратилась вдруг в густую зелёную рощу свежих персиков, которыми смогли бы утолять жажду те, кто вслед за ним пустился бы догонять солнце» (Юань. С. 101).

2.5. КУЛЬТУРА

2.5.1. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

2.5.1.1. ПИЩА

Боги питались не только органической пищей, но и неорганической. Так, Хуан-ди питался нефритовой пастой:

«Неподалёку от Куньлуня на горе Мишань были залежи мягкого белого нефрита, из которой била фонтанчиком мягкая, как воск, белая и блестящая паста; ею-то и питался ежедневно Хуан ди.

Остатками пасты поливали *даньму* – киноварное дерево, и раз в пять лет на нём распускались разноцветные благоухающие цветы, а потом созревали ароматные плоды – все разные на вкус. Хуан-ди перенёс прекрасные нефриты с горы Мишань и посадил их на солнечном склоне горы Чжуншань, и там тоже выросло множество твёрдых и прозрачно чистых, влажно блестящих и крупных, сверкающих всеми цветами прекрасных нефритов. И тогда боги и бесы, земные и небесные, стали лакомиться ими» (Юань. С. 80).

Всех небожителей превзошёл Чию – грозный враг Хуан-ди: «Его обычной пищей были песок, камни и куски железа» (Юань. С. 95).

Дикие люди могли питаться гадами:

«Недалеко от Чжи находилась страна Юйминь. Её обитатели питались просом и диковинными гадами. Их называли по-разному: *юй*, или *дуань-ху*, или *шэгунчун*. Они были очень ядовитыми и водились в горных потоках на юге. Гады *юй* были похожи на черепах длиной два-три чи (чи – примерно 25 см. – В. Д.) и причиняли много вреда тем, кто на них охотился. Рассказывали, что их рот был как самострел, они плевали в людей ядом, от которого сгибались ноги, начинались жар, судороги, болела голова, а на коже появлялись нарывы. При лёгком отравлении человек долго болел, при тяжёлом непременно умирал. В “Книге песен” гады *юй* сравниваются с оборотнями. Из этого срав-

нения видно, как много вреда они причиняли. Но жители Юйминь не только не боялись ядовитых гадов, а даже охотились за ними и ели их. Поэтому они и назывались *юйминь – народ юй*. Они действительно были необычными: охотились не только за юй, но и за разными змеями. Убитых змей они ели, содрав с них кожу» (там же. С. 204–205).

Долгое время жители Поднебесной питались сырой пищей, но благодаря Фуси и Суйженю они научились готовить себе варёную и жареную пищу. Недаром Фуси называли Паоси, что значит *мясо, жареное на огне*. Более того, Фуси научил людей делать сети из веревок, с помощью которых они стали ловить рыбу, а Гоуман, его помощник, научил людей ловить птиц с помощью силков.

В мифах мы встречаемся с пищей, приготовленной не только из реально существующих животных, но и фантастических:

«*Шижоу* часто упоминается в “Книге гор и морей». Всегда, когда речь заходит о знаменитых горах и водах или о могилах известных правителей древности, рассказывается и об этом чуде. Что же это такое? Оказывается, это было живое существо, совершенно лишённое костей и конечностей, представлявшее собой только комок мяса, несколько напоминавший печень быка, но с парой маленьких глаз. Это странное существо люди считали самой прекрасной пищей, так как, согласно преданию, его мясо нельзя было съесть до конца; съешь кусок, а на этом месте вырастает новый и *шижоу* приобретает прежнюю форму. Для великих предков, покоившихся в земле, оно служило вечно неистощающейся пищей, будет она – не придётся думать, чем наполнить желудок. Об этом всегда мечтали путешественники, ведь тогда не надо было бы тащить с собой столько провианта. О подобных существах мы встречаем записи и в других книгах. Так, рассказывают, что в области Юсе была корова *шаогэню* (*шао* по-китайски значит *немного*, *гэ* – *резать*, *ню* – *корова*). Если от неё отрезать несколько цзиней мяса (*цзинь* – приблизительно 250 г. – *В. Д.*), то пройдет день – и мясо снова нарастёт. Всё её тело было чёрного цвета, рога тонкие и длинные – около четырёх с лишним *чи* (*чи* – примерно 25 см. – *В. Д.*). По край-

ней мере, через каждые десять дней нужно было отрезать у неё мясо, иначе она могла умереть. По преданию, в стране юэчжи (юэчжи жили на территории современной Средней Азии) разводили также овец с особенно толстым и жирным хвостом, который весил около десяти цзиней, люди отрезали этот хвост, чтобы готовить из него пищу. И самое интересное, что через некоторое время у них вновь вырастал такой же хвост» (Юань. С. 83–84).

Подобные мифы – плод несбыточных мечтаний древних китайцев. Но у них были мифы, в которых идёт речь о вполне реальных продуктах питания – мясе, рыбе, злаках и т.п.

Развитию животноводства в древнем Китае, по мифическим представлениям его жителей, существенным образом поспособствовал правитель иньцев Хай:

«Он часто гонял гурты волов и овец, чтобы продать их народу юн, обитавшему на севере. Так как Хай был правителем иньцев, то его называли Ван-хай, т.е. князь Хай. Ван-хай был опытным скотоводом. Он любил сам ходить за коровами и овцами, поэтому скот у него всегда был крепким, стада тучными и быстро увеличивались. Люди учились у него разводить скот. Вскоре после начала его правления бесчисленные стада коров и овец заполнили горы и долины. Ван Хай увидел, что стада возросли и жизнь народа стала лучше» (Юань. С. 218).

Особое место в китайских мифах занимает бог солнца Янь-ди (Шэнь-нун). Он был не только богом солнца, но и богом земледелия. Во всяком случае, он научил людей сеять злаки:

«Бог солнца Янь-ди был милосердным, и если уж говорить о его “гуманных деяниях”, то он, пожалуй, сделал больше, чем Хуан-ди. Когда он появился на земле, людей было уже много, а пищи, доставляемой природой, не хватало. Милосердный Янь-ди научил людей сеять хлеба, собственным трудом добывать средства к жизни. В те времена люди трудились сообща, помогая друг другу, не было ни рабов, ни хозяев, урожай делили поровну, и люди относились друг к другу, как братья и сёстры. Чтобы хлеба росли, Янь-ди заставил солнце давать достаточно света и тепла, и с этих пор люди уже не беспокоились об

одежде и пище. Все с благодарностью вспоминали его заслуги и почтительно называли Шэнь-нуном – богом земледелия. По преданию, у него была голова быка и туловище человека. Это, вероятно, означало его особые заслуги в земледелии: подобно быкам, он в течение тысячелетий помогал людям пахать землю» (Юань. С. 59–60).

Вот каким образом Янь-ди научил людей сеять хлеба:

«Говорят также, когда он захотел научить людей сеять хлеба, с неба упало множество зёрен. Он собрал их и посеял на вспаханном поле. Из них выросли хлеба, которые люди употребляли в пищу. Об этом есть ещё более красивое предание: в те времена в небе пролетела красная птица, держа в клюве девять колосьев. Зёрна упали на землю, а Янь-ди собрал их, посеял и вырастил высокие и сильные хлеба. Они не только спасли людей от голода, но и были вечнорастущими» (там же. С. 60).

Хлебопашеству учил своих крестьян правитель страны Шу Ван-ди. Он продолжал это делать даже после того, как превратился после смерти в кукушку:

«В деревнях распространены две легенды о Ван-ди, превратившемся в птицу. Крестьяне деревни Кукушка (Дуцзюаньцунь) уезда Писянь говорят: “Кукушка – это воплощение Князя-кукушки, который составил календарь”. Они считают, что Князь-кукушка и есть Ван-ди, или Ду Юй. Они рассказывают, что Ван-ди заботился о народе и научил людей заниматься хлебопашеством. После смерти он продолжал беспокоиться о народе, и поэтому его душа превратилась в кукушку. Каждый раз, когда наступает праздник поминовения, или сезон хлебных дождей, или “начало лета”, или “малое изобилие” и т.д., кукушка летает среди полей и кукует. Люди, слыша её кукование, говорят: “Это наш Ван-ди-кукушка, и начинают подгонять друг друга: “Уже время, торопись сеять” или “Пора, скорей высаживай рассаду”. Эту птицу называют ещё *дуюй*, *ванди*, или “птица, которая торопит пахать”, или же “птица, которая торопит работать”» (там же. С. 185).

В далёких странах, многие из которых во время борьбы с наводнением посетил великий Юй, в области питания были

свои пристрастия. К обычной пище они добавляли особую. Так, в Стране Хуаньтоу питались чёрным просом. Это просо привёз в неё её основатель – Гунь – первый усмиритель великого потопа:

«Жители этой страны, кроме рыбы, питались ещё и зерном, в том числе чёрным просом. Когда Гунь после казни превратился в бурого медведя, он отправился на запад искать воскрешения и по дороге уговаривал людей сеять чёрное просо» (там же. С. 204).

Намного приятнее и экономнее был рацион у жителей страны людей, живущих на плодородных землях:

«В этих местах были тучные и плодородные поля, повсюду пели птицы *луань* и танцевали фениксы. Среди птиц и зверей царили мир и согласие. Там было множество яиц фениксов, которыми питались местные жители. Питьем им служила сладкая роса, падавшая с неба. Такая пища была необычайно вкусна и полезна для здоровья, и люди не старились. Эти люди, обладавшие долголетием и жившие на плодородных землях, воистину были любимцами небес!» (Юань. С. 205–206).

Но самым лёгким был рацион у жителей страны Гушэго»

«Населяли её бессмертные. Они не питались злаками, а только вдыхали свежий воздух и пили росу» (там же. С. 206):

В стране Благородных люди питались цветами *муцзинь*. Эти цветы обладали чудотворными свойствами. Благодаря этим цветам жители этой страны не болели и славились своим долголетием.

Сказочным долголетием и бессмертием славились жители страны Уци. Жители этой страны не делились на мужчин и женщин. У них не было детей:

«После смерти их зарывали в землю, но сердце у них не переставало биться. Через сто двадцать лет они оживали и выходили наружу, чтобы снова наслаждаться радостями жизни. За жизнью у них следовала смерть, за смертью – жизнь, а сама смерть была долгим сном, поэтому они и были бессмертными. Их страна процветала, хотя потомства у них не было» (Юань. С. 196).

Секрет бессмертия жителей страны Уци состоял в особом питании:

«Иногда они питались одним воздухом, иногда – мелкой рыбёшкой, которую ловили в реках. Иногда они употребляли в пищу землю и глину» (там же. С. 196).

2.5.1.2. ОДЕЖДА

В диких странах люди обходились без тканей для одежды. К таким странам относилась Сушэньго:

«Жители её обитали в пещерах, у них не было одежды, и они носили кабаньи шкуры. Зимой они обмазывали тело салом диких зверей толщиной несколько фыней, чтобы защититься от холода и ветра. В этой стране росло дерево *сюнчан*. По преданию, когда в Китае всходил на престол мудрый правитель, на этом дереве вырастала мягкая крепкая кора, которую можно было сдирать и изготавливать из неё одежды. Такая одежда была прочней а согревала лучше, чем кабанья шкура. Если не было такого правителя, то им приходилось по-прежнему носить одежды из шкур» (Юань. С. 207).

Боги помогали людям в изготовлении тканей для одежды. Самой ценной тканью в Китае был шёлк. Богиней шелководства в окружении Хуан-ди стала Цань-шэнь. Она могла превращаться в шелкового червя с лошадиной головой:

«При желании могла она выплюнуть изо рта бесконечно длинную, тонкую и блестящую шёлковую нить» (Юань. С. 106).

Когда Хуан-ди победил Чию, Цань-Шэнь подарила императору шёлковые нити. Они ему так понравились, что он попросил небесных ткачих сшить ему из них парадную одежду. Ещё больше они понравились его жене Лэй-цзу. Она стала разводить шелкопрядов:

«Лэй-цзу – самая уважаемая императрица (и в мире людей, и среди богов) – стала сама разводить шелкопрядов, чтобы они, подобно своей богине, приносили красивые шёлковые нити, из которых можно соткать много-много материи, лёгкой и мягкой, как плывущие облака или струящаяся вода. Только

Лэй-цзу начала разводить шелкопрядов, как люди повсюду стали подражать ей, и расплодилось шелкопрядов великое множество. Их становилось всё больше и больше, и скоро на богатой земле наших предков даже не осталось места, где бы люди не знали шелководства. Собираение тутовых листьев, кормление шелкопрядов, тканье шелков – этот красивый труд стал постоянным занятием женщин древнего Китая» (там же. С. 107–108).

Не обошлось в китайских мифах и без чудесных тканей для одежды. Так, в горах Куньлунь, где располагался дворец Хуанди, жила гигантская мышь. Она жила, как ни странно, в пламени, которое окружало горы Куньлунь:

«У этой мыши, жившей среди огня, тело было красное, а когда она выходила из пламени, то становилась белой, как снег. Как только она отделялась от огня, она немедленно обливала себя водой и умирала, и тогда её шерсть стригли, пряли нить и ткали материю, а потом шили из неё одежду. Её никогда не надо было стирать, а если она пачкалась, то нужно было бросить её в огонь, и она становилась чистой, как новая, и люди её называли *хохуаньбу* – *ткань, которую стирают в огне*» (Юань. С. 84).

Боги, как и люди, шили одежду из шёлка и шерсти. Их одежда была не похожа на европейскую. В особенности экзотической была одежда у великана Чиго:

«Чиго был великаном. Он жил на юго-востоке, ростом был в семь чжанов. На голове носил большую маску *цзифу* – петушиный гребень.... Чиго носил красную одежду с белым поясом, его лоб обвивала красная змея. Она держала в пасти свой хвост. Эта странная тварь питалась бесами и пила только росу» (Юань. С. 162).

Экзотической была одежда у бесов – маленького и большого, которые приснились танскому императору Мин-хуану:

«Маленький бес был в тёмно-красном платье и коротких штанах. Одна нога у него была в сандали, другая босая. Он стащил коричневый мешочек-амулет с ароматными травами, принадлежавший красавице Ян Гуйфэй, и яшмовую флейту Мин-хуана, обошёл дворцовую террасу и побежал. Большой демон был в синем халате, в шапке, на ногах у него была пара ко-

ротких сапог. Засучив рукава, он погнался за маленьким бесом, схватил его, выковырял ему оба глаза и проглотил его живьём» (там же).

Весьма внушительной была внешность у Ци – сына императора Юя:

«Внешность его была необычной: с ушей его свисали две зелёные змеи, он ездил на двух драконах и три слоя облаков поддерживали его. В левой руке он держал зонт из перьев, в правой у него был нефритовый браслет. Пояс его украшал нефритовый полудиск» (там же. С. 209).

Древние китайцы верили в чудотворную силу одежды. Такую одежду дали Шуню – будущему императору Поднебесной – его жёны. В первый раз они дали ему одежду с изображением птиц, а во второй – с изображением драконов. Сняв первую, Шунь превратился в большую птицу и вылетел из горящего амбара. Сняв вторую, он превратился в дракона, который выплыл из-под земли по подземным источникам.

Жёны Шуня напоминают сказочных волшебниц. Сказковеды называют таких героев чудесными помощниками. Вот как о них говорится в мифе о Шуне:

«Эти две девушки из богатого рода где-то научились волшебству. Они умели предсказывать будущее, обладали чудесными талисманами и решили использовать свою волшебную силу, чтобы спасти любимого человека» (Юань. С. 132).

В мифе о Мэн Ту – судье при дворе императора Ци – одежда тоже выступает в чудотворной роли: чудесным образом она может подтвердить вину подсудимого:

«При отправлении правосудия он (Мэн Ту. – В. Д.) не обращал внимания на то, как от яростного спора краснели лица и набухали шеи. Стоило ему произнести заклятие и внимательно посмотреть на судившихся, как на одежде виновного проступали кровавые пятна. Он приказывал схватить преступника и устанавливал его виновность. Его приговоры по сравнению с решениями глупых чиновников, не ставивших ни во что человеческую жизнь, отличались высокой справедливостью» (там же. С. 204).

2.5.1.3. ЖИЛИЩЕ

Богом строительства у китайцев был Лу Бань. Он учил людей строить удобные жилища. Он был также небесным архитектором. Самолично он руководил строительством великолепного дворца богини Си-ванму. Он принимал участие, очевидно, в строительстве дворцов и для других небожителей.

Самым роскошным был дворец у Хуан-ди: «Рассказывают, что на горах Куньлунь стоял величественный и прекрасный дворец Хуан-ди и он приходил туда развлечься. Во дворце всеми делами ведал небесный дух по имени Луу, очень свирепый с виду: у него было лицо человека, туловище и когтистые лапы тигра и девять хвостов. Одновременно он ещё управлял на небе пределами, опоясанными девятью стенами, и был хранителем сокровищ в парке духов. А за дворцовой утварью и одеждой присматривали красные фениксы. Хуан-ди в свободное от служебных забот время частенько с удовольствием спускался в эти места» (Юань. С. 82).

Дворец Хуан-ди находился среди скал и был окружён пятью стенами с двенадцатью башнями. Он располагался в очень живописном месте:

«Если он (Хуан-ди. – В. Д.) находился в приподнятом настроении, то мог отсюда отправиться на северо-восток, к горе у реки Акаций – *Хуацзячжишань*, расположенной за четыреста ли от дворца (ли – примерно 0,5 км – В. Д.). Здесь были знаменитые висячие сады – *сюаньпу* (*пинпу* или *юаньпу*). Это был самый большой парк Хуан-ди на земле. Он был расположен очень высоко, как будто висел в облаках, и отсюда получил своё название... Ведал этим парком небесный дух по имени Инчжао – конь с человеческим лицом и крыльями на полосатой, как у тигра, спине. Этот дух часто летал по небу, кружа над четырьмя морями, и громко рычал. Если оттуда смотреть на юг, то ночью видны снежные шапки Куньлуньских гор, блестящие и сверкающие, и очертания прекрасного величественного дворца небесного владыки на фоне ослепительного блеска; на западе – большое

озеро Цзи, окружённое со всех сторон густыми зелёными деревьями, серебристый блеск его воды сливался с небом... На севере возвышались величавые скалистые горы Чжупишань, в которых жили Хуайгуй и Лилунь, над их вершинами беспрерывно кружили могучие ястребы и коршуны» (Юань. С. 82).

Вход во дворец Хуан-ди надёжно охранялся восьмиголовым чудовищем: «Во дворце на Куньлуне были огромные ворота, обращённые на восток; они назывались *Кайминмэнь* – *Ворота рассвета*, потому что они встречали лучи восходящего солнца. Перед ними находился зверь-дух по имени *Кайминшоу*, с таким же крупным туловищем, как у тигра, с восемью головами, каждая из которых имела человеческое лицо. Он стоял с грозным видом на скале перед воротами, охраняя этот дворец – “обитель всех духов”» (Юань. С. 85).

Ночной сон Хуан-ди охраняли шестнадцать духов с Южной равнины: «У всех у них были маленькие лица, красные плечи, руки перекручены одна с другой. Они несли ночную охрану Жёлтого императора. Они, наверное, ходили дозором и следили, не совершает ли ночью кто-либо из дьяволов и бесов дурных дел, и оберегали сладкий сон старого Жёлтого императора в одном из его дворцов. Днём они уходили на покой, а ночью появлялись вновь. Люди называли их *еюшэнь* – “духи, бродящие ночью”. И если ночью на равнине кто-нибудь натыкался на их цепь, то все знали, что это духи несут свою службу, и никто не удивлялся этому» (там же. С. 91).

Были стражники и у людей. Особенно популярными в народе были два брата – Шэньту и Юйлэй. Они оберегали жилища людей от бесов:

«Если среди бесов появлялся особенно жестокий и коварный, безрассудно обижавший добрых людей, то эти два брата с ним не церемонились и, связав его камышовой верёвкой, отправляли связанного на съедение огромному тигру, жившему на горе. Таким образом, жестокий бес, немного побродив по земле, не осмеливался совершать что-либо безрассудное. Поэтому, когда человеку исполнялось тридцать лет, его близкие вырезали из персикового дерева фигурки этих двух святых,

символизировавшие духов Шэньту и Юйлэя, которые держали в руках травяную верёвку. Изображения ставились по обе стороны ворот, а на самих воротах рисовали огромного тигра, который должен был охранять дом от бесовского наваждения. Иногда для упрощения на воротах рисовали этих двух братьев или же, ещё проще, писали только их имена, и говорят, что это оказывало то же действие. Так они превратились в традиционных народных духов – стражей дверей» (там же. С. 90–91).

Были свои стражники и у жилищ богатых людей. Они предпочитали символических полководцев:

«Были ещё духи ворот, которые изображались в виде полководцев, державших в руках оружие: один именовался Цинь-цзюнь – цинский полководец, а другой Ху-шуай – главнокомандующий Ху. По преданию, танский император Тай-цзун во время болезни увидел чёрта и очень перепугался, поэтому он позвал двух полководцев Цинь Шубао и Ху Цзиндэ и заставил их охранять вход в свою спальню. Впоследствии эти два полководца стали духами дверей в аристократических домах. Они не имеют ничего общего с народными духами Шэньту и Юйлэем» (там же. С. 91).

2.5.1.4. ТЕХНИКА

Многим техническим достижениям люди обязаны богам. Так, Фуси научил людей делать сети для ловли рыбы. Его помощник Гоуман научил людей делать силки для ловли птиц. Хуан-ди изобрёл для людей повозку и лодку, бронзовые зеркала, котёл и глянцанный горшок для варки пищи и др.

В свою очередь бог земледелия Шэнь-нун (Янь-ди) изобрёл соху. Передав её людям, он научил их пахать ею землю. Вот почему его изображали в образе пахаря.

Больше всего технических изобретений китайские мифы приписывают Лу Баню – богу строительства. По преданиям, он изобрёл пилу, рубанок и др. строительные инструменты. Для рыбаков Лу Бань изобрёл лодку и вёсла, а для деревенских

жителей – деревянное колесо для подъёма воды на поля. Для своей матери он смастерил самодвижущуюся механическую деревянную повозку. Но, пожалуй, самые удивительные его изобретения – самодвижущийся деревянный человек и летающая деревянная птица не то в образе коршуна, не то в образе сороки. Он получил известность также как изобретатель осадных лестниц для взятия городских стен.

В китайских мифах был и другой Бань – сын великого владыки Севера Шаохао. Он считается изобретателем лука и стрел. Но ещё более изобретательным военным мастером был Чию – грозный противник Хуан-ди:

«Он был искусен в изготовлении различного оружия: остроконечных копий, прочных и острых трезубцев, гигантских топоров, крепких щитов, лёгких луков и стрел. Все это он делал своими руками» (Юань. С. 95).

В Стране одноногих жили люди, способные создавать хитроумные технические приспособления:

«Жители этой страны умели делать различные хитроумные приспособления для ловли зверей и птиц. Они умели мастерить летающие колесницы. Во время иньского князя Тана такая колесница долетела до местности Юйчжоу и была уничтожена тогдашним правителем. Только спустя десять лет, когда подул восточный ветер, вновь была изготовлена такая же колесница. На ней прилетевшие жители Страны одноногих могли вернуться к себе» (там же. С. 195–196).

2.5.2. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

2.5.2.1. РЕЛИГИЯ

На территории Китая с давних пор были распространены разные религии. Ведущими среди них стали конфуцианство, даосизм и буддизм.

ИНЬСКАЯ РЕЛИГИЯ

Различные религии были и у разных племенных объединений в древнейшей истории Китая – иньцев (XVII–XI вв. до н.э.) и чжоусцев (XI–III вв. до н.э.).

Иньцев, жителей династии Инь, вплоть до XX в. считали мифическим народом. О его существовании судили по древнекитайским мифам. Ситуация изменилась в XX в. Из мифического народа иньцы превратились в народ исторический. Этому они обязаны археологам. Благодаря их многочисленным раскопкам, выяснилось, что династия Инь была государством с имперской формой правления. О достижениях иньцев свидетельствует переход от мотыги к сохе в области земледелия, а также строительство богатых дворцов, усыпальниц, храмов и т.п. сооружений.

Великое достижение иньцев – создание иероглифической письменности. Археологи обнаружили множество гадательных надписей на лопаточных костях домашних животных и панцирях черепах. Эти надписи гадатели адресовывали божественным силам. Они их спрашивали о возможных стихийных бедствиях, судьбе урожая и т.п. Гадательные кости нагревались на огне и по трещинам на них гадатели устанавливали ответы высших сил на свои вопросы.

Чжоусцы покорили иньцев. М. Е. Кравцова пишет: «По версии оригинальных источников, иньская династия погибла по причине деградации её правящего режима, свергнутого в результате вождями иной, чем иньцы, народности, обозначаемой в традиции как чжоусцы. Возможная этническая принадлежность и культурный облик этой народности тоже широко дискутируются в науке. По одной из имеющихся в специальной литературе точек зрения, чжоусцы являлись кочевниками, вторгнувшимися в бассейн р. Хуанхэ откуда-то извне и находившимися на значительно более низком уровне культурного развития, чем иньцы» (*Кравцова М. Е. История культуры Китая. СПб., 1999. С. 52*).

Между тем «чжоусцы унаследовали все цивилизационные достижения иньцев и построили собственное государство по

модели поверженной ими династии. Поэтому обе эти династии могут рассматриваться в качестве представителей единой культурной традиции» (там же).

Чжоусцы продвинули свою культуру на новый уровень. Они освоили железную металлургию, благодаря которой стали изготавливать железные орудия труда. Они перешли к поливному земледелию и использованию тяглового скота. Для освещения городских улиц они использовали природный газ. Известно, что к III в. в Китае было более 700 городов, а его население составляло 20 млн. человек.

В древнейшие времена мифы чжоусцев существовали более или менее независимо от мифов иньцев. Об этом свидетельствуют прежде всего различия между их главными богами – Хуан-ди и Ди-дзюнем.

Если Хуан-ди был четырёхликим, то у Ди-дзюня была другая внешность:

«Можно полагать, что почитаемое иньцами божество Ди-дзюнь имело птичью голову с рогами, обезьянье туловище и лишь одну ногу. Божественный предок иньцев – странное существо, двигавшееся по земле прихрамывая, с согнутой, как лук, спиной и с палкой в руке» (Юань. С. 118).

Если у Хуан-ди была одна жена – Лэй-дзу, то у Ди-дзюня – три: Эхуан, Сихэ и Чанси. Первая основала Страну трёхтелых. У её жителей была одна голова, но три туловища. Эти три туловища надо было кормить через один рот. Вторая жена Ди-дзюня была богиней солнца, а третья – богиней луны.

Отличались первоначально чжоуские и иньские мифы и в авторстве изобретений. Если чжоусцы приписывали главные изобретения Хуан-ди, Фуси, Гоуману и др., то иньцы – потомкам Ди-дзюня:

«Среди потомков Ди-дзюня было много способных и мудрых людей, они многое изобрели: Фаньюй выдолбил лодку, Цзигуан смастерил из дерева повозку (по чжоуским поверьям, лодку и повозку изобрёл Хуан-ди. – В. Д.), Яньлун – цитру и гусли, восемь его сыновей, имён которых мы не знаем, создали песни и танцы» (Юань. С. 121).

Вот как обрисовывает ситуацию с Хуан-ди и Ди-цзюнем Юань Кэ:

«Он (Ди-дзюнь. – В. Д.) был верховным правителем, почитаемым обитавшим на востоке иньским племенем. Он обладал таким же могуществом, как и Хуан-ди – верховное божество, почитаемое чжоусцами. Впоследствии чжоусцы победили иньцев, и поэтому Жёлтый император считался более могущественным и мифов о нём сохранилось больше. С течением времени Хуан-ди стали считать историческим лицом, из небесного правителя он превратился в земного и о нём сложили ещё больше преданий. Хуан-ди стал общим предком богов и людей и затмил славу Ди-цзюня. Ди-цзюнь был верховным владыкой побеждённого народа, величие его неизбежно померкло, и поэтому большая часть мифов о нём погибла, остались лишь немногочисленные, не связанные между собой отрывки» (там же. С. 118).

Чжоуские мифы со временем соединились с иньскими. Вот почему мы вправе говорить о более или менее единой картине мира, заключённой в мифах древнего Китая.

КОНФУЦИАНСТВО

Влияние Конфуция (552/551–479 до н.э.) на сознание китайского народа было огромным. Он стал для него самым почитаемым нравственным и политическим учителем. Более того, начиная с I в. н.э. при ханьском императоре Мин-ди, Конфуций был обожествлён. Благодаря усилиям своих религиозных почитателей, он стал основателем конфуцианской религии. Но в этой религии нет того божественного многоцветья, которое свойственно традиционному древнекитайскому политеизму.

Стремление к монотеизму со стороны конфуцианских богословов привело к обесцвечиванию божественного начала в мире. В качестве этого начала у них выступает некое абстрактное Небо. Оно может отождествляться с немой природой. Оно может также становиться всезнающим и таинственным стражем, оберегающим индивидуальную человеческую судьбу, или высшим судьёй и божественным носителем непререкае-

мых нравственных и политических принципов. Проблема состоит только в том, чтобы эти принципы разгадать.

Конфуций в своих беседах с учениками редко высказывался о Небе, но иногда он о нём упоминал. Вот три характерных его высказывания о Небе:

1. Небо подобно немой природе:

«Философ сказал: “Я хочу перестать говорить”. На это Цзыгун сказал: “Если Вы не будете говорить, то что же будут передавать Ваши ученики?” Философ отвечал: “Говорит ли что-нибудь Небо? А между тем, времена года сменяются и твари рождаются. Говорит ли что-нибудь Небо?”» (*Конфуций. Суждения и беседы*. СПб., 2015. С. 179).

2. Небо – страж, оберегающий предначертанную им судьбу каждого человека.

«Конфуций, которому угрожали жители местечка Куань, сказал ученикам: “Со смертью Вэнь-вана разве просвещение не находится здесь, во мне? Если бы Небо хотело погубить это просвещение, то я не имел бы участия в нём. Следовательно, оно не хочет погубить его; в таком случае что же могут сделать мне куанцы?”» (там же. С. 79).

3. Небо в одном ряду с великими и мудрыми людьми:

«Конфуций сказал: “Для благородного мужа существуют три предмета, пред которыми он благоговеет: определение Неба, великие люди (по положению, возрасту и добродетели) и слова мудреца. Подлый человек не знает велений Неба и не боится их, неучтиво обращается с великими людьми и презрительно относится к словам мудреца”» (там же. С. 166).

Э. М. Яншина писала: «В конфуцианской религии, как и в других религиях классового общества, реализуется тенденция к монотеизму; и ей, как и им, становится враждебным первобытный политеизм; она, как и другие подобные ей религии, борется против обожествления всех сил природы, против “равноправия” многочисленных богов сил природы. Единое, абстрактное божество, носитель социально-этических принципов, верховный творец, высший судья, блюститель общественных устоев – вот её идеал. Таким божеством становится в Китае Небо. Уже в

идеологии развитого рабовладельческого общества оно теряет связь с культом природы и превращается целиком в носителя мирового духовного начала социально-этических принципов. Такая трактовка Неба дана уже в богословском трактате Дун Чжуншу “Раскрытие смысла Вёсен и Осеней” (Чуньцю фаньлу), заложившем основы богословия конфуцианской государственной религии» (Янш. С. 203).

В своих исторических преданиях конфуцианцы обесцвечивали мифические образы. Возьмём, например, образы Гуня и Юя – великих усмирителей потопа. В мифах они выглядят как величественные герои, а в исторических преданиях они превращены в их бледные тени.

Особому принижению и искажению подвергся образ Гуня. Если в мифах он, хотя и временно, остановил потоп, то у конфуцианцев он выглядит иначе:

«Девять лет Гунь пытался усмирить стихию, но ничего не добился. Почему Гуню не удалось усмирить потоп? В древних книгах есть об этом такие записи. Характер у Гуня был дурной, поступки его были безрассудны и он не знал, с чего начать. Для защиты от наводнения он насыпал земляные дамбы. Но они не остановили наводнение, вода разливалась всё больше и поднималась всё выше. Гунь потерпел неудачу. В конце концов Яо (некоторые считают, что Шунь) казнил Гуня на Горе птичьих перьев – Юйшань» (Юань. С. 165).

Меньшему принижению в исторических преданиях подвергся образ Юя. Очень сухо о нём сообщается:

«Шунь, правивший после Яо, приказал усмирить наводнение сыну Гуня – Юю. Помня неудачу отца, Юй не возводил дамб, а прорывал каналы. Этот способ оказался удачным – вода спала, и народ избавился от страданий. После этого Шунь уступил престол Юю, и Юй положил начало династии Ся» (там же).

Авторы исторических преданий, следуя за Конфуцием, не решались идти за ним до конца. Вслед за Конфуцием они переселили мифических персонажей на землю, но всё-таки сохранили многие их мифические черты, хотя и в приниженно-заземлённом виде. Конфуций, между тем, сделал переселение

небожителей на землю более решительно, чем авторы исторических преданий. Очистив Небо от его обитателей, он превратил его в единственное божество. По пути Конфуция пошёл великий мыслитель древнего Китая Мо Ди (480–400).

Вслед за Конфуцием Мо Ди отверг существование на Небе его божественных обитателей – Фуси, Янь-ди, Хуан-ди и т.п. Но, как и Конфуций, он не оставил Небо совершенно пустым. Более того, он его наполнил более богатым содержанием, чем Конфуций. Мо Ди превратил его в демиурга всех земных благ. Об этом свидетельствуют следующие его высказывания:

1. «Ныне небо покрывает всю Поднебесную и любит её. Порождает и возвращает всё сущее и приносит ему пользу. Оно порождает и возвращает всё сущее, подобно тому как волос вырастает из корня. Нет ничего не созданного небом. А люди принимают всё это и обогащаются. Значит, можно говорить, что благодать неба велика. Однако небо не требует вознаграждения... Небо делает ярким солнце, луну, звёзды, кометы» (Антология мировой философии в четырёх томах. Том 1. Часть 1. М., 1969. С. 201).

2. «Действия неба обширны и бескорыстны. Небо свершает много [полезных дел], но не выставляет напоказ свою добродетель» (там же. С. 201).

3. «Небо любит справедливость и ненавидит несправедливость» (там же. С. 202).

4. «Небо не хочет, чтобы большие царства нападали на малые, чтобы сильные семьи разоряли слабые малые семьи, чтобы сильный грабил слабого, хитрый обманывал наивного, знатный кичился перед незнатным. Всё это противно [воле] неба. Небо желает, чтобы люди помогали друг другу, чтобы сильный помогал слабому, чтобы люди учили друг друга, чтобы знающий учил незнающего, чтобы люди делили имущество друг с другом. Небо желает также, чтобы знатные были усердны в поддержании порядка в Поднебесной, а простолюдины были усердны в ремеслах и земледелии. Если знатные усердны в управлении, то в стране царит порядок; если простолюдины

усердны в ремёслах и земледелии, то в стране достаточно предметов и пищи» (там же. С. 202).

Перед нами вполне монотеистический взгляд на религию. Только вместо Яхве или Аллаха мы видим здесь Небо. Монотеизм, во многом идущий в древнем Китае от Конфуция и Мо Ди, вместе с тем, не мог перечеркнуть традиционный политеизм.

ДАОСИЗМ

Даосская редигия эклектична. Даосские богословы пытались совместить идеи, приписываемые Лао-цзы, с традиционным политеизмом. Вот почему тенденция к монотеизму в даосизме имеет слабо выраженный характер. Если Конфуций и его ученики полностью освободили Небо от богов и других небожителей, то на даосском Небе традиционные боги уживаются с людьми. Как тем, так и другим приписывается бессмертие.

М. Е. Кравцова писала: «В целом божественный пантеон, как в рамках храмовых центров, так и за их пределами, включает в себя множество самых разных по происхождению персонажей. Это: архаические божества типа Жёлтого императора и Царицы Запада Си-ванму, древние легендарные бессмертные, правители и высокопоставленные государственные деятели, покровительствовавшие даосизму или занимавшиеся даосской алхимией, основатели школ и монастырей, именитые даосские теоретики и практики, полулегендарные отшельники и реальные исторические лица и, наконец, локальные божества» (Кравцова М. Е. История культуры Китая. СПб., 1999. С. 249–250).

Эклектизм религиозного даосизма во многом объясняется малограмотностью его представителей. Недаром Юань Кэ писал: «Малограмотные даосы создали множество всяких небылиц» (Юань. С. 154).

Эти небылицы даосы вставляли в традиционную политеистическую религию. Они должны рассматриваться как инородное тело в этой религии. Их нельзя включать в древнекитайскую мифическую картину мира. Этих небылиц оказалось чрезвычайно много. Рассмотрим некоторые из них.

Небылицы о бессмертных

Бессмертие – высшая цель истинного даоса. К её достижению его единоверцы шли не только духовными путями, постигая таинственные глубины учения о Дао, но и с помощью эликсира бессмертия. Этот эликсир даосские алхимики изобретали на протяжении многих столетий, используя киноварь (сульфид ртути), золото, мышьяк, нефрит и другие вещества. В результате сформировалось две формы даосской алхимии.

М. Е. Кравцова писала: «Даосское религиозное направление, имевшее конечной целью, повторим, превращение человека в бессмертного – *сяня*, подразделяется на так называемую “внешнюю” (кит. *вай дань*, дословно “внешняя киноварь”) и “внутреннюю алхимию” (кит. *нэй дань*, досл. “внутренняя киноварь”). “Внешняя алхимия” предполагает изготовление эликсиров бессмертия в лабораторных условиях и в ходе моделирования искусственно сжатых во времени природных процессов. “Внутренняя алхимия” – создание эликсира в самом теле даосского адепта через регуляцию его пневменных энергий, т.е. изменение его биолого-физиологических параметров» (там же. С. 241).

Даосы не могли обойтись без попыток внедрить в древнекитайские мифы самых излюбленных своих героев – бессмертных. Они дополнили сказания о бессмертных, имеющиеся в канонических мифах древнего Китая, небылицами о восьми бессмертных. Выделю среди них лишь некоторых.

Чжунли Цюань. Этот даос был самым старым среди бессмертных единоверцев. В молодости он достиг головокружительных успехов на военной службе, но однажды его постигла неудача в войне с тибетцами.

«Потерпев неудачу в сражении с тибетцами, Чжунли в отчаянии ушёл в горы. Там он встретился с даосским отшельником. Монах отвёл его к владыке Востока Дун-вангуну, покровителю всех бессмертных мужского пола, который посоветовал Чжунли отказаться от карьеры и отдать все свои силы и способности постижению дао» (Еж. С. 173).

Чжан Го. Этот бессмертный был оборотнем. Он, между прочим, появился в незапамятные времена – во времена творения

мира из хаоса в облике белой летучей мыши. У В. В. Ежова о нём читаем:

«Чжану Го приписывалась также способность предугадывать будущее и сообщать о событиях далёкого прошлого. Рассказывали, что иногда он “умирал”, его хоронили и оплакивали безутешные ученики, а затем “воскресал” вновь (его гроб оказывался пустым). Чжан Го изображается обычно в виде старца-даоса, сидящего на осле лицом к хвосту, с бамбуковой трещоткой в руках» (там же. С. 174).

Люй Дунбинь. К даосизму его приобщил Чжунли Цюань. Даосизм подарил ему бессмертие: «Постигнув тайны даосизма, Люй обрел бессмертие» (там же. С. 174–175).

Даосы насочиняли о нём много небылиц. Вот одна из них:

«Очень популярна была версия легенды, согласно которой молодой учёный Люй Дунбинь на постоялом дворе встречается с даосом, который велит хозяйке сварить кашу из проса и в ожидании заказанной еды заводит с Люем разговор о тщете мирских желаний. Люй не соглашается, но вдруг засыпает и видит во сне свою будущую жизнь, полную взлётов и разочарований, страшных испытаний и несчастий. Когда ему грозит смерть, он просыпается и видит себя на том же дворе, хозяйка варит кашу, а даос ждёт еду. Прозревший Люй становится даосским отшельником» (там же. С. 174–175).

Ли Тегуан. Этому бессмертному повезло больше, чем другим: он путешествовал по небу с самим Лао-цзы – основателем даосизма.

Хань Сянь. Этот даос стал бессмертным в тот момент, когда он упал со священного персикового дерева. Свои усилия он направлял на борьбу с конфуцианством.

Лань Цайхэ. «К группе восьми бессмертных принадлежит также Лань Цайхэ – своеобразный даосский юродивый. Он носил рваное синее платье, широкий пояс с шестью бляхами чёрного дерева, на одной ноге сапог, другая – босая. Он ходил по рынкам, распевал песни, которые сочинял сам, импровизируя во время представления, и просил милостыню. Лань Цайхэ го-

ворил странные вещи, совершал странные поступки. Летом утеплял халат ватой, зимой валялся на снегу» (там же. С. 178).

Небылицы о Хуан-ди и Юе

Даосские авторы пытались приобщить к учению Лао-цзы не кого-нибудь, а самого Хуан-ди. Так, они сочинили историю о том, что после победы над Чию он отправился в путешествие по земле не для того, чтобы установить на ней треножник в честь его победы над Чию, а для того, чтобы постичь на ней великое учение о Дао (Пути). Эту небылицу опроверг Юань Кэ:

«Жёлтый император повсюду путешествовал, а людей послал в горы Шоушань добывать медь, таскать её к подножию горы Цзиншань и отлить треножник в память о победе над Чию, а вовсе не для того, чтобы варить в нём эликсир бессмертия, как предполагают некоторые. Ведь Жёлтый император был верховным владыкой и ему не к чему было, подражая даосам позднейших времён, искать лекарство бессмертия и добиваться вечной жизни. После битвы при Чжолу и казни Чию Жёлтый император некоторое время ещё оставался в мире людей и только потом вернулся на небо. Вот поэтому-то некоторые и считают, что Хуан-ди сперва постигал великий путь Дао, а потом уже стал бессмертным» (Юань. С. 114).

Свою лепту в модернизацию древнекитайской мифической картины мира внёс Ду Гуантин (850–933). В мифе о Юе, великом усмирителе потопа, этот даос вставил сказку о госпоже Яо-цзи в своей книге «Записки о бессмертных из Юнчэна». Эта госпожа была оборотнем:

«Она то плавно улетаала и рассыпалась тучами, то легко останавливалась и изливалась вечерним дождём; обращалась то в скользящего дракона, то в парящего аиста, словом, принимала тысячи видов и форм» (Юань. С. 63).

О том, что Яо-цзы не мифический, а сказочный персонаж, свидетельствует такой эпизод из книги даосского автора: «Когда он вновь пошёл к ней, он вдруг увидел облачные терема и яшмовые террасы, целый лес нефритовых дворцов и узорных ворот. Прислуживали чудесные существа, которым он не знал

даже имени; львы сторожили засовы ворот, небесные кони влекли колесницу, а ядовитые драконы и изрыгающие молнии чудища охраняли её. Госпожа спокойно восседала на яшмовой террасе. Юй отдал земной поклон и попросил её раскрыть истинное учение (естественно, даосское. – В. П.). Она распорядилась, чтобы служанка Лин-жун-хуа подала ящичек из алой яшмы и достала оттуда чудесные письма. Юй с поклоном взял их и удалился. После этого с помощью Гэя-чэня и Юй-юя он отвёл воды, расчистил реки и завершил свой подвиг» (там же).

Мы видим здесь типичные атрибуты волшебной сказки: чудесные дворцы, чудесные существа, чудесные письма и т.п. Их можно спутать с мифическими. Но тогда напрашивается вопрос: зачем мифическому усмирителю великого потопа понадобилась эта Яо-цзы, если она не богиня, а оборотень? Как она оказалась на божественном небе? Туда её поместил даосский автор, чтобы рядом с Хуан-ди оказалась проповедница даосского учения. Более того, по даосской версии мифа о Юе выходит, что он усмирил потоп благодаря его приобщению к даосизму.

Небылицы о магах-волшебниках

Багун. Этот даос был способен творить такие чудеса, которым могли позавидовать даже боги. Вот о каких из них он рассказывал князю:

«Я могу, не сходя с места, передвигаться вместе с ветром и дождём, встав с места, подняться в облака и в туман; чертить на земле и таким образом прорывать русла рек; насыпать землю и так возводить горы и пики. Я могу обрушить высокую гору, заткнуть глубокий источник, скрутить тигра и барса, вызвать дракона и повелевать духами. Я могу разделять тело и изменять внешность. Существовать или исчезать, белый день превращать в ночь. Я могу оседлать облако и ступать по пустоте, пересекать моря, всходить по волнам. Я могу ступать в огонь и не гореть, в воде не промокать. Ни нож, ни стрела меня не берут. В зимние холода мне не холодно, в летнюю жару – не жарко» (там же С. 191).

Цзе Янь. Этот даос не был таким сказочным чудотворцем, как Багун, но и ему было, чем гордиться:

«Человек по имени Цзе Янь, овладевший даосской премудростью, умел с помощью перевоплощений скрывать свой истинный облик. Путешествуя, он как-то задержался в столице государства У, где беседовал с тамошним правителем. Князь хотел оставить мудреца у себя и даже оборудовал для него во дворце особый храм. Много раз посылал он к Яню гонцов, желая получить наставления. Даос являлся то отроком, то старцем, не вкушал предложенных угощений и не принимал подношений. Он не приступал к обучению князя, ссылаясь на то, что правитель слишком много времени уделяет праздным развлечениям. Повелитель У разгневался и приказал связать Яня. Своим воинам он повелел стрелять в мудреца из арбалета. Арбалет выстрелил, но на том месте, где только что стоял связанный Цзе Янь, оказались только верёвки. А даос-волшебник исчез неизвестно куда» (там же. С. 194).

Сюй Гуан. «В эпоху, отмеченную ожесточенной борьбой за власть в Поднебесной империи, жил в царстве У даос-волшебник по имени Сюй Гуан. Как-то он решил показать на рынке своё магическое искусство. Сюй Гуан попросил у одного торговца тыкву, но тот не дал. Тогда даос попросил одно-единственное тыквенное семечко и получил его. Взрыхлив посохом землю, Сюй Гуан посадил семечко. Тыква тут же проросла, сплела стебли, раскрыла цветы, завязала плоды. Сорвав одну тыкву, Сюй Гуан поел сам и угостил всех смотревших. Пока торговцы, отвернувшись от своих товаров, глазели на чудеса, их прилавки опустели» (там же. С. 198).

Цао-гун. «Однажды правитель Цао-гун устроил пир, на котором в числе гостей был Цзо Цы, даосский маг, ещё в молодости проникший в тайны духов.

– Для высокого собрания приготовлены сегодня редкие яства, – с улыбкой сказал правитель, – не хватает только фарша из окуня реки Усун.

– Нет ничего проще, чем добыть этих окуней! – отозвался Цзо Цы. Он взял медный таз, наполнил его водой и, вооружив-

шись бамбуковой удочкой, стал удить рыбу. Через мгновение Цзо Цы вытащил окуня, приведя в изумление хозяина и всех гостей» (там же. С. 199).

Из книги В.В.Ежова я мог бы привести здесь ещё рассказы о чудесах, которые совершали даосы со злыми духами, с оборотнями, с воскрешением мёртвых и др., но, чтобы понять, что эти рассказы не имеют отношения к подлинной мифической картине мира древнего Китая, достаточно и тех небылиц, о которых шла речь выше.

БУДДИЗМ

Буддийская религия восходит к учению великого индийского отшельника Будды Шакьямуни (563-483 до н.э.). Появление первых буддийских общин в Китае связывают с миссионерской деятельностью Кашьяпы Матанги в I в. и Ань Шигао во II.

Со временем буддизм в Китае приобретает всё большую и большую популярность. Свего расцвета он достиг в VII–VIII вв. Он получил в это время статус официальной религии. В дальнейшем он утратил этот статус, однако вплоть до XX в. он оказывал сильное влияние на китайскую культуру.

Успех буддийских священнослужителей в Китае объясняется, тем, что они сделали своё вероучение органической частью китайской культуры. Они, в частности, вписывали своих героев в древнекитайские мифы.

Ночжа

Ночжа был сыном Литяньвана – которого буддисты считали владыкой Севера. Между тем в древнекитайских мифах владыка Севера – Чжуаньсюй. Буддисты соединили Ночжа с китайским небесным драконом Лунваном. Вот какую историю сочинили буддисты:

«Забросив в море волшебный шёлк, Ночжа взбаламутил воды и нарушил покой царя драконов Лунвана. Тот послал своих слуг усмирить его, но упрямый богатырь не оставил своего занятия. Тогда Лунван явился отцу героя, Ли-тяньвану, и по-

требовал смерти Ночжа. Чтобы искупить свою вину, Ночжа покончил с собой. Его дух вселился в глиняную статую в храме» (Еж. С. 263–264).

Вэйто

Этот буддийский персонаж, как и предшествующий, не имеет отношения к подлинным героям древнекитайских мифов. По буддийским представлениям, при жизни он был мужественным военачальником, который к тому же умел изгонять бесов. После смерти он вознёсся на небо. Про него рассказывали, «что ему сам Будда Шакьямуни перед уходом в нирвану велел хранить закон» (Еж. С. 266).

Ад

Буддийские наслоения привнесены в китайскую мифическую картину мира В.В.Ежовым в его книге «Мифы древнего Китая». Так, в главе «Загробный мир» в качестве владыки подземного царства сначала на вполне законных основаниях заявлен бог земли Хоу-ту (Еж. С. 324), но через несколько страниц на его месте оказывается Дицзан-ван.

В древнекитайской мифической картине мира Дицзан-ван не может рассматриваться как глава подземного царства. В древнекитайских мифах он отсутствует. Вот почему его нет в книге Юань Кэ «Мифы древнего Китая». Его образ был привнесён в китайскую религиозную картину мира средневековым буддийским автором. В «Википедии» читаем:

«**Дицзан-ван**. В поздней китайской мифологии повелитель подземного царства, в обязанность которого входило спасение душ из “подземного судилища” диюй. Он должен был посещать ад и во имя сострадания и любви переводить души на небо. В отличие от Индии, в Китае Дицзан-ван считался верховным владыкой ада, ему подчинены князья 10 судилищ... В качестве Дицзан-вана был обожествлен буддийский монах из государства Силла на Корейском полуострове (по другой версии, родом из Индии) по имени Ким Кёкак (китайское чтение Цзинь Цяоцзюэ – сын правителя Сила), в монашестве Мулянь, будто

бы приплывший в Китай в VIII в. и поселившийся на горе Цзю-хуашань в Аньхое. В 99 лет он собрал учеников, простился, сел в гроб, скрестил ноги и умер, превратившись в Дицзан-вана».

В. В. Ежов очень подробно описывает портрет Дицзан-вана: «Дицзан-вана изображали стоящим, реже сидящим, в одеянии индийского или чаще китайского буддийского монаха, с бритой головой. В правой руке он держал металлический посох с надетыми на него шестью оловянными кольцами, которые звенят при ходьбе. Посох служил для открывания дверей ада. В левой руке у Дицзан-вана была жемчужина, свет которой освещал дорогу в подземном мире» (Еж. С. 324).

Ещё более подробно автор этих слов описывает буддийский ад: «Ад был устроен подобно судебному учреждению. Спустившись под землю, душа попадала в первую судебную палату ада, и там решали, куда её направить в зависимости от заслуг, прегрешений и прочих обстоятельств. Все эти сведения были уже заранее представлены в подземное царство многочисленными духами – покровителями городов, деревень, домашних очагов и индивидуальных судеб. Из оставшихся девяти судебных палат восемь предназначались для мук и наказаний, а в последней, десятой, определялось следующее перерождение души. Из первой палаты сразу в десятую попадали лишь редкие избранные. Большинству приходилось пройти сначала через одну, несколько или даже через все восемь промежуточных палат и расплатиться там за все прегрешения, совершенные при жизни» (там же. С. 325).

Воров и обманщиков во второй палате, например, кололи вилами. Недобросовестным чиновникам в третьей палате клещами сжимали сердце. Продавцов-обманщиков в четвёртой палате бросали в кровавый пруд. Тем, кто совершил святотатство, в шестой палате вырезали сердца и бросали их на съедение собакам. Клеветникам в седьмой палате вырывали языки. Тем, кто писал дурные книги и картины, в девятой палате отсекали голову и разрезали на мелкие куски. И т.д. (там же. С. 325–327).

Эти картинки не уступают девяти кругам дантовского ада. Будда Шакьямуни пришёл бы от них в ужас. Их нарисовали его

«последователи» в Средние века. К подлинной древнекитайской мифической картине мира описание десяти палат буддийского ада не имеет никакого отношения.

Буддийские, даосские и конфуцианские богословы модернизировали древнекитайские мифы. При этом они приносили в них героев, которых в них на самом деле не было. Таким, в частности, был Гуань-ди.

Прототипом Гуань-ди был китайский полководец Гуан Юй (160–219). Его военные заслуги были так велики, что он был обожествлён. В 1594 г. его объявили богом войны.

Богословы проделали большую работу по мифизации Гуан Юя. Чтобы превратить его в Гуань-ди, буддисты сочинили легенду о том, что он родился из крови дракона. При этом, что немаловажно, эту кровь из дракона налил в чашу, в которой чудесным образом и родился будущий бог войны, не кто иной, как буддийский монах.

В превращении полководца Гуан Юя в бога войны Гуань-ди участвовали священнослужители всех основных религий Китая – буддисты, даосы и конфуцианцы. У В. В. Ежова читаем:

«Буддисты изображали его в качестве грозного стража в своих монастырях, а даосы приписывал ему способность отворачивать демонов. Конфуцианцы чтили Гуань-ди как покровителя учёных-литераторов, что, видимо, связано с рассказами о его особой любви к летописи “Вёсны и Осени”» (Еж. С. 219).

Со временем в Китае появилось огромное количество храмов Гуань-ди. В этих храмах Гуань-ди «изображался обычно сидящим в центре с любимой книгой – летописью “Вёсны и Осени” Конфуция в руках, а по бокам стояли с оружием его помощник военачальник Чжоу Цан и приемный сын Гуань Пин» (там же. С. 220).

Почему буддийские, даосские и конфуцианские священнослужители не могли обойтись без вписывания Гуань-ди в древнекитайские мифы? На первый взгляд это выглядит как явная нелепость. Древнекитайские мифы сформировались задолго до жизни его прототипа. Как можно в такой ситуации включать в них героя, который не имеет никакого отношения к подлинным мифическим персонажам?

Между тем китайские служители церкви не обращали внимания на нелепость, о которой идёт речь. Всё дело в том, что китайский народ продолжал сохранять в памяти те религиозные представления, которые были выражены в древних мифах. Эти представления были политеистическими, тогда как буддизм, даосизм и конфуцианство относятся по преимуществу к религиям монотеистическим. Чтобы пробить брешь в древнекитайском политеизме, богословы стремились утвердить свои религии на его собственной почве. Таким путём они приобщали народ к своим религиям.

2.5.2.2. НАУКА

Если в древней Индии научная мысль во многом обязана своим зарождением «Ведам», то в древнем Китае своим зарождением она во многом обязана конфуцианскому канону. Он включает в себя «У-цзин» («Пятиканоние» или «Пятикнижие») и «Сы Шу» («Четверокнижие»). Наибольший интерес для нас представляет первая часть конфуцианского канона. Считается, что в составлении книг, входящих в «Пятиканоние», принимал участие сам Конфуций (552/551–479 до н.э.).

«Пятиканоние», как следует из его названия, включает в себя пять разделов:

1. «Чунь цю» («Вёсны и осени»), куда вошли исторические записки о чжоуском царстве и других удельных царствах Китая, начиная с 770 по 481 гг. до н.э.

2. «Шу цзин» («Книга преданий» или «Книга истории»), куда вошли конфуцианские версии китайской истории с III тысячелетия по VIII век до н.э.

3. «Ши цзин» («Книга песен»), куда вошло 306 песен, которые, по преданию, были отобраны Конфуцием из собранных им 3000 песен.

4. «Ли-цзи» включает в себя такие книги, как «Книга ритуалов», «Книга обрядов», «Записи о правилах благопристойности» и т.п.

5. «И-цзин» («Книга перемен»), где описываются гадания и даются комментарии к ним.

Наибольший интерес для нас представляет «Шу цзин». В этой книге конфуцианцы подвергали мифы историзации. Они заходили в ней слишком далеко. Чтобы придать мифам историческую форму, они стали возводить мифических персонажей к людям, которых на самом деле не существовало.

Юань Кэ в связи с этим пишет: «Древние фантастические предания о божествах и сверхъестественном решительно отвергались Конфуцием и его учениками... Историзация мифов, заключающаяся в стремлении очеловечить действия всех мифологических персонажей, была главной целью конфуцианцев. Стремясь привести мифологические предания в соответствие с догмами своего учения, конфуцианцы немало потрудились для того, чтобы превратить духов в людей, а для самих мифов и легенд найти рациональные объяснения» (Юань. С. 13–14).

Конфуцианцы превратили мифических персонажей в живых людей. Они «нашли», в частности, исторических прототипов для Фуси, Янь-ди, Хуан-ди и др. В роли этих прототипов у них выступают так называемые легендарные императоры Поднебесной, якобы жившие в III тысячелетии до н.э. Более того, они даже «установили» точные даты их жизни (кроме Янь-ди). Вот их список:

Фуси (2852–2738), Янь-ди (Шэнь-нун) (с 2737 г. до н.э), Хуан-ди (2697–2597), Чжуаньсюй (2513–2435), Гао-синь (Ку) (2436–2365), Яо (2356–2258), Шунь (2256–2208), Юй (2205–2196) и др. (Кравцова М. Е. История культуры Китая. СПб., 1999. С. 406).

В этом списке мы видим как богов (Фуси, Янь-ди, Хуан-ди, Чжуаньсюй, Ку), так и героев (Яо, Шунь, Юй). Все они подверглись категорической историзации. Все они якобы были великими императорами Поднебесной в III тысячелетии до н.э. Богов и героев конфуцианцы уравнивали титулом императора.

О легендарности «исторического» Хуан-ди в какой-то мере свидетельствует дата его жизни. Она получилась подозрительно круглой. Он якобы жил ровно 100 лет – с 2697 г. по 2597. Между тем по тотемическим представлениям небесный Хуан-ди произошёл от дракона (см.: Янш. С. 40). Но конфуцианцы нашли ему более благородного предка.

Сам Конфуций высказывался о Яо, Шуне и Юе вовсе не как о мифических героях, а как людях, которые жили в прошлом и были идеальными императорами Поднебесной.

О Яо: «Как велик был Яо в качестве государя! Как возвышен он! Только одно Небо велико и только один Яо соответствовал ему. По своим доблестям он так необъятен, что народ не может изъяснить его. Высок он и по своим наружным совершенствам» (Конфуций. Суждения и беседы. СПб., 2015. С. 76).

О Шуне: «У Шуня было пять министров, и Вселенная наслаждалась порядком» (там же. С. 77).

О Шуне и Юе: «Возвышенны Юй и Шунь, которые, обладая Вселенной, относились к этому безучастно» (там же. С. 76).

О Юе: «В Юе я не нахожу никакого недостатка. Он употреблял скудную пищу, но в высшей степени был почтителен к духам; обыкновенное платье было у него плохое, но зато наколенники и корона отличались необыкновенною красотою; дворцовые комнаты были низкие, но зато он прилагал всё старание к проведению каналов и арыков. Да, в Юе нет порока» (там же. С. 7).

Историзацию мифов следует расценивать как влияние научного сознания на мифическое, несмотря на то, что конфуцианцы заходили в ней чересчур далеко. Научное сознание превращалось у них в лженаучное.

Не так далеко в историзации Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алёши Поповича и других русских былинных богатырей заходили В. Ф. Миллер, Б. А. Рыбаков и другие представители исторической школы в былиноведении: их историзация, в отличие от конфуцианской, была не категорической, а лишь гипотетической (см. об этом мою книгу «Картина мира в былинах русского народа». СПб., 2018. С. 17–21).

Мифическое сознание в древнем Китае стимулировало научное. Древнекитайские мифы имеют, по крайней мере, косвенное отношение к зарождению научной мысли. Мифологи находят в них сведения, которые имеют отношение к астрономии, географии, биологии и другим наукам.

Не вызывает сомнений влияние мифических представлений на китайских философов. Явно мифологизированным, в частности, было мышление Лао-цзы (VI–V вв. до н.э.) – основателя даосизма. Его главный труд – *Дао дэ цзин* (*Каноническая книга о Дао и дэ*). В качестве основных в нём выступают следующие категории – *дао*, *дэ*, *ци*, *ян* и *инь*. В их истолковании мы обнаруживаем не только философское начало, но и мифическое.

Дао у Лао-цзы – тайна. Вот, например, что мы у него можем прочесть об этой тайне: «Великое дао растекается повсюду. Оно может находиться и вправо, и влево. Благодаря ему, рождается и существует всё сущее, и оно не прекращает своего роста. Оно свершает подвиги, но нельзя выразить в словах, в чём его заслуги. С любовью оно взращивает всё сущее, но не считает себя властелином всего сущего» (*Степанянц М. Т. Восточная философия. Вводный курс. Избранные тексты. М., 1997. С. 263–264*).

Какие же атрибуты Лао-цзы приписывал дао? Уже по приведённой цитате мы видим, что дао – начало всех начал. Оно напоминает нам апейрон Анаксимандра и атом Демокрита. Но у дао намного больше атрибутов, чем у апейрона или атома. Вот их неполный перечень: бестелесность, бесформенность, бесконечность, беззвучность, безымянность, неопределённость, вечность, единство, пассивность, ничтожность (слабость), величие.

Как загадочна эта субстанция – дао! Между тем, для её творца она была подлинной находкой, поскольку с её помощью он мог объяснить всё, что ему было угодно. Почему? Да потому что «Дао – глубокая основа всех вещей» (там же. С. 272). Не только материальных, но и духовных. Так, с её помощью он объяснял... добродетель.

У основателя даосизма читаем: «Кто совершенствует дао внутри себя, у того добродетель становится искренней. Кто совершенствует дао в семье, у того добродетель становится обильной. Кто совершенствует дао в деревне, у того добродетель становится обширной. Кто совершенствует дао в царстве, у того добродетель становится богатой. Кто совершенствует

дао в Поднебесной, у того добродетель становится всеобщей» (там же. С. 269).

Категория дао господствует в учении Лао-цзы, но у неё есть её проводники – *дэ*, *ци*, *ян* и *инь*. По поводу *дэ* читаем: «Дао рождает вещи, *дэ* вскармливает их. Воспитывает их, совершенствует их, делает их зрелыми, ухаживает за ними, поддерживает их. Создавать и не присваивать, творить и не хвалиться, являясь старшим, не повелевать – вот что называется глубочайшим *дэ*» (там же. С. 268). Это *дэ* выглядит вроде как опекун над *дао*.

Что касается *ци*, то это мельчайшие частицы, с помощью которых дао реализуется. К этим частицам относятся мужские *ци* – *ян* и женские – *инь*. Соединение разнообразных *ян* и *инь* в конечном счёте рождает всё сущее: «Дао рождает единое. Единое рождает два [начала]: *инь* и *ян*. Два [начала] рожают третье. Третье порождает всё сущее. Все существа носят в себе *инь* и *ян*, наполнены *ци* и образуют гармонию» (там же. С. 266).

В I в. уже н.э. жил Ван Чун (27–97). Он стал критически относиться к даосизму. Вот почему он стремился придать даосским категориям материалистический смысл. Бестелесное *дао* Лао-цзы он стал истолковывать как внутренний закон самих вещей, а представление о материальных частицах *ци*, *ян* и *инь* он попытался углубить за счёт сравнения неба с мужчиной, а земли – с женщиной.

Ван Чун писал в своём трактате «Критические рассуждения»: «Все вещи естественно рождаются при соединении частиц *ци* неба и земли, подобно тому как естественно рождается ребёнок при слиянии частиц *ци* мужчины и женщины. Небо и земля подобны мужчине и женщине. Небо распространяет частицы *ци* на землю, и так рождаются вещи» (Онтология мировой философии в четырёх томах. Т. 1. Ч. 1. М., 1969. С. 244–245).

Небесные *ци* у Ван Чуна напоминают гомеомерии Анаксагора, под которыми греческий мыслитель понимал семена всех вещей, падающие с неба. Между тем в подобных рассуждениях больше мифологии, чем науки. Именно в мифологии процесс творения мира изображается в биологическом духе. Мифизация этого процесса у Ван Чуна свидетельствует о том, что по

существо он не вышел за пределы того понимания даосских категорий, какое им придал Лао-цзы.

Влияние религии на науку в древнем Китае не было таким сильным, как в Индии. Своим зарождением древнеиндийская философия обязана «Ведам» (*веды* в переводе с санскрита – *знания*) – собранию религиозных текстов, созданных приблизительно во второй половине I тысячелетия до н.э. Они состоят из четырёх частей – «Ригведы», «Самаведы», «Яджурведы» и «Атхарваведы». В первой из них содержатся гимны, во второй – песни, в третьей – жертвенные формулы и в четвёртой – магические заклинания.

В VI–V вв. до н.э. в Индии стали формироваться девять философских школ. Все они в той или иной степени ориентировались на «Веды». Шесть из них – *санкхья*, *йога*, *ньяя*, *вайшешика*, *миманса* и *веданта*, вместе с тем, расцениваются как ортодоксальные, а три других – *джайнизм*, *буддизм* и *чарвака-локаята* – как неортодоксальные (см. о них подр.: *Степанянц М. Т. Восточная философия. Вводный курс. Избранные тексты.* М., 1997).

Ситуация в Китае была иной. Уже в древности его учёные мужи в своих научных устремлениях не придавали большого значения религиозным представлениям. К ним относится, в частности, Сюнь-цзы (ок. 298–238 до н.э.).

Сюнь-цзы обладал подлинно философским кругозором. Это позволило ему подступить к тому, что сейчас называют общенаучной картиной мира. Правда, по отношению к его учению термин *картина мира* звучит преждевременно. Однако некий зародыш обобщённого представления о мире у него имеется.

ФИЗИОГЕНЕЗ

В начало мира Сюнь-цзы поместил великое *дао* Лао-цзы: «Великое *дао* есть причина изменений и превращений, приводящих к становлению всех вещей» (Онтология мировой философии в четырёх томах. Т. 1. Философия древности и средневековья. Ч. 1. М., 1969. С. 224).

По отношению к природе Сюнь-цзы стал употреблять термин *естественное дао*. Человек не должен приписывать ему свойства по своему произволу и уж тем более обожествлять, т.е. наделять его разумом.

Сюнь-цзы писал: «Хотя естественное *дао* глубоко, но человек не должен строить нелепые предположения [относительно него]; хотя естественное *дао* велико, но человек не должен произвольно приписывать ему свойства; хотя *дао* тончайшее, но человек не должен произвольно наделять его разумом» (там же. С. 225).

Сюнь-цзы подчёркивал саморазвитие природы: «Природа возвращает и совершенствует всё [сущее] без человеческих усилий; не прося ни о чём человека, создаёт [сущему] всё необходимое» (там же. С. 225).

За первоначальным естественным *дао* у Сюнь-цзы следуют уже сформировавшиеся небесные тела: «Двигутся друг за другом звёзды, так же движутся солнце и луна, чередуются четыре времени года, происходят великие изменения в положении инь и ян, всюду дуют ветры и льют дожди. Благодаря их согласию рождается всё сущее, от них оно получает всё необходимое для своего произрастания и совершенствования» (там же).

БИОГЕНЕЗ

У Сюнь-цзы нет прямого утверждения, что живые существа зародились в недрах неорганической материи. Однако намёк на то, что жизнь – результат «совершенствования» неорганических тел, у него имеется.

Явный намёк на эволюционное движение всего сущего (а следовательно, и на движение мёртвой материи к живой) у Сюнь-цзы можно обнаружить в таких его словах:

«Вода и огонь существуют, но лишены жизни; травы и деревья наделены жизнью, но лишены способности воспринимать; птицы и звери способны воспринимать, но лишены чувства долга. Человек существует, наделён жизнью, способен воспри-

нимать и, сверх того, одарён чувством справедливости, поэтому он и есть самое драгоценное в Поднебесной» (там же. С. 226).

Выстроилась такая цепочка: *мёртвые тела* (существование) → *растения* (существование + жизнь) → *животные* (существование + жизнь + способность к восприятию) → *человек* (существование + жизнь + способность к восприятию + чувство справедливости). Вышло в конечном счёте, что человек – венец эволюции, поскольку он вобрал в себя особенности всех предшествующих ступеней эволюции (*существование* → *жизнь* → *восприятие*) и приобрёл нечто новое – *чувство справедливости*. «Поэтому он и есть самое драгоценное в Поднебесной».

ПСИХОГЕНЕЗ

Душу Сюнь-цзы помещал не в мозг, а в сердце. Он писал: «Сердце человека находится в пустоте в середине тела человека, оно управляет ушами, глазами, ртом, носом, а также всеми органами и частями тела. Оно называется естественным правителем... Сердце – властелин тела и духа» (там же. С. 225; 227).

КУЛЬТУРОГЕНЕЗ

Говоря о том, что человек – самое драгоценное в Поднебесной, Сюнь-цзы указал лишь на присущее человеку чувство справедливости, но на самом деле ему присуще не только это чувство, но также и другие преимущества перед животными. Он – творец культуры – как материальной, так и духовной. Особое внимание Сюнь-цзы уделил религии, науке, нравственности и политике.

Религия

Сюнь-цзы стремился уберечь людей от чрезмерного увлечения верой в волю неба, где обитают боги.

Вот лишь два высказывания Сюнь-цзы о религии:

1. «Чем слепо поклоняться небу и размышлять о нём, не лучше ли самим, умножая вещи, подчинить себе небо? Чем повино-

ваться небу и восславлять его, не лучше ли подчинить себе веления неба и использовать их в своих целях?» (там же. С. 224).

2. «Если рассматривать небо как величайшее и поклоняться ему, то как можно относиться к небу как части природы и возвращать и опекать его? Если поклоняться небу и восхвалять его, то как же можно познать и овладеть законами изменения неба и использовать их? Если слепо преклоняться перед сменой времён года и сложа руки ждать милостей неба, то как же можно действовать сообразно с временами года, чтобы использовать природу для создания средств к жизни, добиваться увеличения тех полезных вещей, которые были первоначально в природе, и как можно использовать изменения природы вещей на пользу людям?» (там же. С. 226–227)

Наука

«Способность познавать всё, – говорил Сюнь-цзы, – это врождённое качество человека» (там же. С. 228). Чтобы эта способность не пропала даром, нужно всю жизнь учиться. При этом на первом месте должен находиться поиск смысла жизни.

Вот какое наставление на этот счёт даёт нам китайский мудрец: «Если говорить об учении, имея в виду уяснение смысла жизни человека, то следует начать с усвоения правил служилых людей и завершить тем, как становятся совершенному-дрыми. Только проявляя искренность и постоянное усердие, можно пройти через ворота знания. Нужно учиться до старости и смерти, когда учение прекращается само собой. Поэтому хотя в предметах изучения может быть различие, но если иметь в виду значение, которое имеет уяснение смысла жизни, то учение нельзя ослаблять ни на один миг» (там же. С. 227).

Три главных требования предъявлял Сюнь-цзы к познающему – не поддаваться предубеждениям, избегать однобоких знаний и стремиться к истине, которая в Поднебесной только одна. Он писал: «Недостаток человека в том, что он легко может из-за различных предубеждений затемнить основоположение учения. Только устранив предубеждения, можно восстановить истинное дао. Если не видеть различия между однобоким зна-

нием и полным знанием или же однобокость в знании считать полнотой, то это приводит к заблуждению. Истина в Поднебесной только одна, двух истин быть не может» (там же. С. 227).

Сюнь-цзы предостерегал от приобретения бесполезных знаний: «Если способность человека к познанию соединить без всякой цели со свойством вещей быть познанными, то это никогда не приведёт к чему-то полезному. Хотя человек будет сталкиваться со многими свойствами вещей, он не сможет глубоко и полно охватить смысл изменений всего сущего. Такой человек мало чем отличается от глупца» (там же. С. 228).

Нравственность

Мэн-цзы утверждал: «Человек по своей природе добр». Сюнь-цзы с ним не согласился: «Человек по своей природе зол». Кому из них верить? Сюнь-цзы. Вот доказательство его правоты:

«Доброе в человеке – это благоприобретённое. Нынешний человек от рождения стремится к выгоде. Это приводит к тому, что люди начинают соперничать между собой и проявляют неуступчивость. Человек от рождения проникнут ненавистью. Если следуют этому свойству человеческой природы, то у людей появляется желание причинить друг другу зло и уже не придётся говорить о доверии и преданности. От рождения уши и глаза обладают жадностью к наслаждению: уши любят приятные звуки, глаза любят красивые, хорошо сочетающиеся цвета. Если следуют этой стороне природы человека, то появляется развращённость и уже не придётся говорить о правилах *ли*, справедливости и долге» (там же).

Остаётся уповать на воспитание в человеке добра:

«Поэтому необходимо путём воспитания изменять природу человека, обучая его правилам *ли*, справедливости и долгу. Только после этого люди будут проявлять уступчивость друг другу, их поступки будут соответствовать древним книгам и установленным правилам и в государстве восстановится покой» (там же).

Политика

Больше всего на свете Сюнь-цзы боялся хаоса в государстве. Чтобы его избежать, необходимо одно – соблюдать социальные различия.

Сюнь-цзы писал: «В сущности люди не могут поддерживать свою жизнь, не объединяясь. Но если они, объединяясь, не соблюдают различий, уделом их становится грызня и раздоры между собой. Грызня и раздоры ведут к беспорядку, с беспорядком приходит бедность... Всегда одинаково правитель остаётся правителем, подданный – подданным, отец – отцом, сын – сыном, старший брат – старшим братом и младший брат – младшим братом. Также [всегда] одинаково земледелец остаётся земледельцем, образованный человек – образованным, ремесленник – ремесленником и торговец – торговцем» (там же. С. 234).

Короче говоря, всякий сверчок знай свой шесток.

2.5.2.3. ИСКУССТВО

Красота – вот главная эстетическая категория. Не обошли вниманием эту категорию и древнекитайские мифы. Они воспевают красоту небесной и земной природы, они воспевают красоту небесных и земных дворцов. Они воспевают красоту небесных и земных женщин.

Чрезвычайно поэтичен образ богини Фу-фэй (Ло-пинь). Она была дочерью Фуси и женой речного бога Хэ-бо:

«Ло-пинь или Фу-фэй была дочерью Фуси. Она утонула при переправе через Лошуй и стала феей этой реки. Она славилась красотой, поэты посвящали ей самые восторженные хвалы и гимны... Цао Чжи в оде “Фея реки Ло” пишет о ней: «Она грациозна, как летящий лебедь или парящий в облаках красавец дракон. Если смотришь на неё издали, – видишь сияние, подобное солнцу, поднимающемуся на небе в утреннем тумане. Если смотришь на неё вблизи, – она подобна белому лотосу, который распускается на зелёной волне. Все пропорции её тела – образец гармонии и совершенства. Её плечо как выточенное,

её талия будто стянута блестящей тканью. У неё прелестная длинная шея и кожа белая, как жир. Ей не надо румян для украшения, и с красотой её ничто не сравнится. Высокое и чёрное, как воронье крыло, облако прически, тонкие изогнутые брови, красные ароматные губы, ослепительно сверкающие белые зубы, кокетливые яркие глаза и на щеках две маленькие ямочки, трогающие до глубины души» (Юань. С. 148).

Во время одного из путешествий небесный стрелок И увидел Фу-фэй. Он был так поражён её красотой, что сразу в неё влюбился. Между ними вспыхнула страсть. Однако Фу-фэй её прервала:

«Она любила И, но ей пришлось порвать с ним, чтобы в обоих семьях воцарилось спокойствие. Иначе их любовь могла превратиться в трагедию. В “Вопросах к небу” говорится: “Небесный правитель послал на землю И, чтобы тот избавил людей от бед и напастей. Почему же И убил Хэ-бо и завладел его женой Фу-фэй?” Поэт Цюй Юань в своих стихах высказывает сомнение в достоверности легенды о том, что И захватил Фу-фэй себе в жёны. Поэтому мы предположим, что между И и Фу-фэй была лишь любовная связь» (Юань. С. 154).

Наиболее почитаемым видом искусства в древнем Китае была музыка. Нюйва была не только творцом людей и богиней бракосочетания, но и богиней музыки. Она подарила людям музыкальный инструмент *шэнхуан*. Как же он выглядел?

«В сущности это был губной органчик *шэн* с тоненькими листочками-язычками *хуан*, стоило только подуть, как из него лились звуки. Он имел тринадцать трубочек, которые были вставлены в полую половину тыквы-горлянки, и по форме напоминал хвост феникса. Нюйва подарила его людям, и жизнь их стала ещё веселее. Значит, великая Нюйва была не только богиней-творцом, но также и богиней музыки» (Юань. С. 57).

Инструмент, подаренный людям Нюйва, в какой-то мере сохранился до настоящего времени. На подобном инструменте и сейчас у народов мяо и тун исполняются мелодии, под которые танцуют юноши и девушки. Теперь этот инструмент называется *лушэн*:

«Каждый год во втором или третьем весеннем месяце, когда цветут персики и сливы, а небо безоблачно, ночью при ярком свете луны люди выбирали среди полей ровное место, которое называли лунной площадкой; юноши и девушки надевали праздничные одежды, собирались на этой площадке, играли на шэне весёлые и радостные мелодии, становились в круг, пели и танцевали “лунные танцы”. Иногда танцевали парами: юноша шёл впереди, играя на лушэне, а девушка следовала за ним, звеня колокольчиками. Так они кружились в танце всю ночь без усталости. Если их чувства были взаимны, они могли, взявшись за руки, уйти от остальных в какое-либо укромное место. Как похожи эти танцы на пляски и песнопения юношей и девушек, которые исполнялись в древности перед храмом высшего божества бракосочетания! Ведь создание шэна первоначально было тесно связано с любовью и с бракосочетанием» (Юань. С. 57–58).

Искусным музыкантом был Фуси:

«Согласно преданию, он создал музыкальный инструмент сэ – гусли – и прекрасную мелодию *цзябань*. У этих гуслей первоначально было пятьдесят струн, но случилось так, что однажды Фуси заставил святую Сунюй из пустыни вблизи Ду-гуана играть ему на гусях сэ. Её исполнение вызвало у него глубокую печаль, и он просил не продолжать игру, однако своелюбная женщина его не послушалась. Тогда Фуси сломал инструмент пополам, и у сэ осталось лишь двадцать пять струн, а мелодия стала менее печальной. Поэтому сэ в последующие времена имели девятнадцать, двадцать три и самое большее двадцать пять струн» (Юань. С. 45).

Музыку очень любил Хуан-ди. Более того, он сочинил мелодию *цинцзяо*. «Она была печальной, волнующей и поистине могла тронуть небо и землю, взволновать богов и бесов» (Юань. С. 93).

С этой мелодией связана грустная история о Цзиньском князе Пин-гуне и музыканте Ши-куане.

Князь потребовал музыканта исполнить мелодию, сочинённую Хуан-ди. Тот стал отказываться. Что же произошло дальше?

Музыкант «объяснил, что эта музыка исполнялась, когда Жёлтый император встретился с духами и богами на горе Ситайшань, и её нельзя играть просто так – можно навлечь беду. Князь настаивал, и музыканту оставалось только подчиниться. Он снова взял цитру и заиграл. Только он тронул струны, как на северо-западе появились тучи и обложили всё небо. Ударил он второй раз – налетел страшный ветер и принёс с собой дождь, крупный, словно град. Он снёс с домов черепицу, а занавеси и полог на башне изорвал в клочья, опрокинул на пол блюда с закусками и котёл супом с пиршественного стола и даже приплюснул их. Испуганные гости разбежались в разные стороны. Пин-гун со страху забрался в угол галереи и дрожал не переставая. После этого в царстве Цзинь три года стояла страшная засуха, а сам Пин-гун тяжело заболел и слёг. – Разве можно было простым смертным слушать эту небесную музыку?» (Юань. С. 93).

Любопытная история произошла с Шаохао, будущим владыкой Запада, и его племянником Чжуаньсюем, будущим владыкой Севера. В молодости племянник Шаохао был весельчаком. Чтобы его порадовать, его дядя смастерил ему цитру *цин* и гусли *сэ*. Когда Чжауньсюй вырос и возвратился домой, Шаохао выбросил музыкальные инструменты в морской ров. Произошло чудо:

«И вот что удивительно: в каждую тихую лунную ночь, когда по изумрудному морю не ходят волны, из глубины рва доносились печальные и мелодичные звуки цитры и гуслей. И прошло уже очень много лет, а люди, плававшие по морю, вдруг иногда слышали среди морских волн таинственную музыку» (Юань. С. 66).

Чжуаньсюй унаследовал от Шаохао любовь к музыке и песне. Последний «очень любил слушать чёткие и звонкие звуки ветра, напоминавшие музыкальную мелодию. Он приказал дракону, летающему в небе, создать музыкальные мелодии, подражая музыке ветров восьми сторон, под названием “Песни почитания облаков”. Чтобы порадовать своего прадеда Хуанди, ушедшего на покой, он преподнес ему эти песни. Усердствуя

в создании песни, он назначил дракона-свинью каймана музыкальным наставником» (Юань. С. 74).

Этот дракон-свинья в музыке ничего не смыслил, но люди использовали кожу его потомков для барабанов. «Чёткие и громкие звуки этих барабанов удивительно возбуждающе действовали на людей, и будь то на войне, или во время жертвоприношений, или во время веселья, люди никогда не расставались с барабанами» (Юань. С. 75).

Хуан-ди сочинил ещё несколько песен. Они были посвящены его великой победе над Чию, который пытался отнять у него престол:

«После того, как Жёлтый император казнил Чию, он сочинил в честь победы в войне “Мелодию барабана *гангу*” в десяти частях, которые назвались “Испугаться раскатов грома и землетрясения”, “Содрогание при виде свирепого тигра”, “Рёв Куя”, “Борьба орла с коршуном” и т.п. По этим названиям видно, какой воинственной и мужественной была эта музыка, а ведь её исполняли во время пиров под специально сделанный большой барабан, и это придавало ей особенную торжественность. Под барабанную дробь воины пели победные песни и танцевали во дворце, имитировали схватки с врагами и уничтожение противника, и можно себе представить, как радовался Хуан-ди, сидя в большом зале на центральном троне, слушая музыку и любясь танцами» (там же. С. 105–106).

Хуан-ди сочинял торжественные песни, а сочинительницей первых любовных песен была Нюйцзяо – красивая девушка, которая стала женой Юя. Обстоятельства, в которых она сочинила свою самую первую песню, были печальными:

«В Тушани жила очень изящная и красивая девушка по имени Нюйцзяо. Она сразу ему (Юю. – В. Д.) очень понравилась, и он решил взять её в жены. Но он не успел сказать ей о своих чувствах, так как спешил на юг бороться с потоком. Нюйцзяо узнала, что Юй любит её, и тоже вспылала любовью к великому герою, которого почитали все люди. Она послала на южный склон Тушани служанку, чтобы та ожидала возвращения Юя. Нюйцзяо ждала долго, а Юй всё не возвращался. В тоске

и печали она сложила песню “Ах, как долго жду любимого!”. По преданию, это самая ранняя южная песня. Говорят, что от неё ведёт своё происхождение песня “Наслаждаться, но не терять меры” в разделе “Нравы царств” в “Книге песен”» (Юань. С. 174).

Бог Ди-ку наслаждался музыкой со своим братом Чжуаньсюем на небе. По возвращении на землю Ди-ку «приказал главному музыканту Сяньхэю создать мелодии *цзюшао* – *девять призывов*, *люле* – *шесть рядов*, *люин* – *шесть цветений* и др. Своему музыканту Ючюю он велел изготовить барабан *гу* и барабанчик *гао*, колокол *чжун*, каменный гонг *цин*, флейты *лин*, *гуань* и *чи*, окарину и другие музыкальные инструменты. Затем он приказал одним играть на этих инструментах; а другим стоять рядом и хлопать в такт» (там же. С. 122).

В правительстве Яо был Куй – министр музыки и композитор:

«Куй создал мелодию, подражавшую журчанию горных рек и потоков, и назвал её *дачжан* – *большая пьеса*. При звуках этой мелодии люди успокаивались и беспричинные ссоры прекращались. Куй ударял по камням и каменным пластинам и извлекал такие ритмичные звуки, что, слыша их, звери и птицы начинали прыгать и танцевать» (там же. С. 127).

Под музыку китайцы пели гимны и обрядовые песни. У них было два главных назначения – прославление богов и изгнание нечисти.

Известен гимн «Владыке Востока», в котором песнопение ведётся от имени бога солнца, который едет по небу на колеснице и любит песни и пляски прекрасных жриц (Янш. С. 111):

Лёгким взлётом с востока свой путь начинаю,
И порог свой – Шелковицу Фу – освещаю.
И коней своих резвым аллюром пускаю, –
Ночь светлеет, светлеет, и день наступает.
В колеснице дракона, на громе лечу,
Знамя-облако реет победно.

Вверх взмываю и тяжело вздыхаю.
В сердце грусть, и назад я гляжу с печалью.
Но дев песни, краса их – прекрасны,
На них глядя, ликуешь, вернуться забыв.
Флейты поют, свирели играют согласно,
Мерно бьёт барабан, стройно гусли звучат.
Как умны и прекрасны те жрицы,
Точно птицы в полёте летят.
Строфы песен и плясок их ритмы
Стройно, в такте едином, звучат.
Хороводом тесным сплетаясь,
Они Солнце собой затмевают.

Приблизительный смысл обрядовой песни, изгоняющей злого духа и прочую нечисть, Юань Кэ передал такими словами (Юань. С. 69):

Злой дух, злой дух,
Не беснуйся.
Нас двенадцать святых.
Каждый смел, с нами не справишься!
Мы не снисходительны.
Одним махом уничтожим гадов, вредящих людям,
Они зажарят твоё слабое тело,
Отрубят ноги и руки,
Разрежут на куски твоё мясо,
Вырвут у тебя лёгкие, печень, желудок и кишки.
Коль ты ещё не знаком с нами,
Убирайся вон побыстрее!
Промедлишь – тебя схватят и съедят!

Изредка в китайских мифах встречаются песни, выражающие народный протест против беспросветной и несчастной жизни. В мифе о жестоком правителе Дзе-ване приведены строчки песни, в которых звучит прямой призыв к борьбе с мраком и горем:

Пробуждайся! Пробуждайся!
Наша судьба определилась!
Отбросим мрак, устремимся к свету,
И тогда разве останутся горе и несчастье?
(Юань. С. 210)

2.5.2.4. ПРАВСТВЕННОСТЬ

В основе нравственности лежит человеколюбие. Это понимали конфуцианцы. В кодекс благородного мужа (*цзюнь-цзы*) они включили пять добродетелей: человеколюбие (*жень*), благопристойность (*ли*), справедливость (*и*), мудрость (*чжи*) и верность (*син*). Человеколюбие в этом списке стоит на первом месте.

Вот как истолковала пять добродетелей благородных мужей Марина Евгеньевна Кравцова в своей прекрасной книге «История культуры Китая»:

Жень. «Категория *жень* включая в себя понятия “гуманность”, “човеколюбие”, определяет способность человека относиться ко всем окружающим его живым существам и предметам как связанным с ним кровным родством» (Кравцова М. Е. История культуры Китая. СПб., 1999. С. 215).

Ли. «Через категорию *ли* вновь определяются обрядовые акции, этикетно-ритуальное уложение, а также принципы взаимоотношений между людьми и поведения каждого отдельного индивида как члена социума, включая детали его внешнего вида, что совпадает с понятиями “этикет” и “благопристойность”» (там же. С. 215–216).

И. «Категория *и* совмещает в себе значения “долг”, “справедливость”, “ответственность”, “добропорядочность”, “правильность”, “принцип”, т.е. передаёт способность человека подчинять свои субъективные потребности объективным требованиям и свой внутренний мир – внешним императивам общественного долга» (там же. С. 216).

Чжи. «Категория *чжи* определяет всю умственно-гносеологическую деятельность человека: уровень его ментальных спо-

способностей, степень эрудированности и образованности, а также такие качества, как проницательность, умение разбираться в людях, обладание аналитическими способностями» (там же).

Син. «Категория *син* тоже охватывает собой весь спектр соответствующих понятий – от преданности стране (патриотизм), государю, непосредственному начальнику, отцу до верности собственным убеждениям и данному тобою слову» (там же).

Можно смело утверждать, что перечисленные качества благородных мужей присущи в значительной мере и некоторым мифическим персонажам древних китайцев. Во всяком случае, такие мифические герои, как Яо, И, Шунь и Юй, могут вполне претендовать на высокое звание благородного мужа. В особенности это касается первой и основополагающей добродетели – человеколюбия.

Возведением человеколюбия в высшую добродетель конфуцианцы обязаны своему Учителю (Философу). Категория человеколюбия (человечности, гуманности) проходит красной линией через все его «Суждения и беседы». Вот лишь некоторые его высказывания из этой книги:

1. «Если человек негуманен, то что толку в церемониях? Если человек негуманен, то что толку в музыке?» (*Конфуций. Суждения и беседы. СПб., 2015. С. 23*).

2. «Если у кого есть искреннее стремление к гуманности, то тот не сделает зла» (там же. С. 35).

3. «Благородный муж ни на час не расстанется с гуманностью, в суматохе и в разорении она непременно с ним» (там же).

4. «Человеколюбивым можно назвать того, кто на первом плане ставит преодоление трудного (т.е. победу над собой), а выгоду – на втором» (там же. С. 57–58).

5. «На вопрос Чжун-гуна о человеколюбии (гуманности) Конфуций отвечал: “Вне дома води себя, как будто бы ты принимал знатного гостя; распоряжайся народом, как будто бы ты участвовал при великом жертвоприношении; чего не желаешь себе, не делай и другим, и тогда как в государстве, так и дома не будет против тебя ропота”» (там же. С. 109).

6. «На вопрос Сы-ма-ню о человеколюбии (гуманности) Конфуций отвечал: “Гуманизм – это осторожность в речах”» (там же. С. 110).

7. «Учёный с твёрдой волею, направленной к гуманным целям, и гуманист не стремятся сохранить жизнь во вред гуманизму, а жертвуют собою для сохранения в целостности последнего» (там же. С. 152).

8. «Разве человеколюбие далеко от нас? Если я хочу быть человеколюбивым, человеколюбие приходит» (там же. С. 68).

Конфуция уточнял Мо Ди (480–400 до н.э.):

1. «Человеколюбие непременно состоит в том, чтобы приносить пользу людям Поднебесной и уничтожать в Поднебесной зло. Если мы будем следовать всеобщей любви, то это принесёт Поднебесной великую пользу» (там же. С. 203).

2. «Если нет любви между людьми, то непременно появляется ненависть друг к другу; если правитель и его подчинённые не питают любви друг к другу, то нет милосердия и верности; если между отцом и сыном нет любви, то нет родительской любви и почитания родителей; если между братьями нет любви, то нет и согласия между ними; если между людьми Поднебесной нет любви, то сильный непременно подчиняет слабого, богатый непременно оскорбляет бедного, знатный непременно кичится перед простолюдином, хитрый непременно обманывает простодушного» (там же. С. 203–204).

Самыми человеколюбивыми богами у древних китайцев были Нюйва, Фуси и Янь-ди. Они в первую очередь олицетворяют в их мифах силы добра.

Силам добра в мифах, как и в сказках, противостоят силы зла. К этим силам, в частности, принадлежал дух воды Гунгун. Ударом головы он повредил гору Бучжоу, которая удерживала небо над землёй. Людям грозила смерть от соединения земли с небом. Нюйва спасла людей:

«Нюйва убила огромную черепаху, отрубила у неё четыре ноги, поставила их вертикально с четырёх сторон земли, как подпорки, которые поддерживали бы небо наподобие шатра.

Эти подпорки были очень прочными, и поэтому можно было не бояться, что небо вновь обвалится» (Юань. С. 52).

Великая богиня охраняла людей от их врагов и стихийных бедствий:

«Позднее она поймала на Центральной равнине чёрного дракона, долгое время творившего зло, и убила его. Она изгнала злых и хищных зверей и птиц, чтобы они не пугали людей. Потом она сожгла тростник, сгребла пепел в кучи и преградила дорогу потоку. Великая Нюйва избавила от бедствий своих детей и спасла их от гибели» (там же).

Много добра сделал для людей Фуси. Его рождение было чудесным. Его мать была родом из райской страны Хуасюй:

«В этой райской стране жила девушка. У неё не было имени, и все её звали Хуасюй-ши (урождённая Хуасюй). Однажды она направилась на восток погулять к красивому заросшему травой и деревьями большому Болоту грома – Лэйцзэ. Вдруг увидела она на берегу след ног какого-то великана. Удивилась и шутки ради наступила на этот след. Только ступила, внезапно почувствовала какое-то волнение. Потом она забеременела и родила мальчика, которого называли Фуси» (там же).

Отцом Фуси, на след которого наступила его мать, был Лэй-Шэнь – дух грома. У него была человеческая голова и тело дракона.

Подобно греческому Прометею, Фуси не только дал людям огонь, но и помогал им становиться людьми во всё большей и большей степени. Его благородный образ даже вышел за пределы мифов и оказался в исторических сочинениях.

«Фуси, – читаем у Юань Кэ, – очень много сделал для народа, об этом написано в исторических сочинениях. Рассказывают, что он начертал восемь триграмм: цянь означало небо, кунь – землю, кань – воду, ли – огонь, гэнь – горы, чжэнь – гром, сюнь – ветер, дуй – болота. Эти несколько знаков обнимали разнообразные явления вселенной, и люди использовали их для того, чтобы записывать различные события своей жизни. В исторических сочинениях также говорится о том, что Фуси впервые оплёл из веревок сети и научил людей ловить рыбу.

Его приближённый Ман (по-видимому, это и есть Гоуман), подражая ему, сделал силки и научил людей ловить птиц. Всё это облегчило жизнь людей. Однако, пожалуй, самой большой заслугой Фуси было то, что он дал людям огонь, чтобы они могли есть варёное мясо и избавиться от болей в животе» (Юань. С. 46).

К человеколюбивым богам относится Янь-ди. О его человеколюбии свидетельствует, в частности, такой эпизод в одном из мифов о нём:

«Бог солнца Янь-ди видел, что у людей достаточно одежды и пищи, но жизнь их всё ещё трудна. Поэтому он создал для народа рынки, где люди выменивали вещи, в которых нуждались. Тогда ещё не было часов и не было никакого другого способа определять время, поэтому невозможно было установить время. Предназначенное для обмена. Не могли же люди, бросив трудиться, весь день проводить на рынке! Янь-ди научил их счёту времени, установив исходной точкой самого себя, или, точнее, подчинённое ему солнце. Когда солнце достигало зенита, на рынке начиналась торговля. Проходило некоторое время, и люди расходились. Вскоре они убедились, что такой счёт времени точен и прост, и очень обрадовались» (Юань. С. 61).

О человеколюбии говорят медицинские занятия бога солнца Янь-ди (Шэнь-нуна):

«Он был и богом-исцелителем, потому что солнце – источник силы. Предание гласит о том, что Янь-ди пользовался волшебной “красной плетью”, чтобы определять целебные травы. Ударит красной плетью и видит, ядовитые это травы или нет, помогают они против лихорадки или жара. Свойства трав обнаруживались сами собой, и так он лечил людские недуги. Другое предание говорит, что он сам пробовал различные целебные травы, чтобы определить их свойства, и в день отравлялся семьдесят раз. Ещё одно народное предание гласит, что Шэньнун перепробовал множество трав, и в конце концов, когда попробовал траву, вызывающую сильное отравление кишечника, он умер, пожертвовав жизнью для блага людей» (Юань. С. 60).

Человеколюбие – основа нравственности. Его носителями были не только такие боги, как Нюйва, Фуси и Янь-ди, но и герои. Среди культурных героев, отличающихся высокой нравственностью, выделяю здесь только двух – И и Шуня.

И

После того, как боги отделились от людей, на передний план выдвигаются культурные герои. По своему происхождению они могли быть богами, как Яо и Юй, но могли быть и людьми, как И и Шунь. Но, в отличие от подлинных богов, они жили по преимуществу на земле, а не на небе. Их главное назначение состояло в том, чтобы приносить людям культуру и защищать их от бедствий.

Культурные герои древнекитайских мифов в какой-то мере напоминают эпических героев. В освещении их жизни мифы сближаются с героическим эпосом. Подобно другим эпическим героям, они очеловечены в большей мере, чем боги. Э. М. Яншина писала:

«В качестве героев мифов теперь предстают не боги и не титаны, а земные цари и их окружение – герои, обуреваемые чисто человеческими страстями и устремлениями. Они действуют в реально жизненных ситуациях. Хотя сюжет остаётся в русле мифологии, в нём намечены уже элементы, подготавливающие выделение словесного творчества в автономную область, в центре которого становится человек в его общественных взаимоотношениях. В нём уже заметна тяга к человеку как фокусу всех коллизий, центру художественного воспроизведения» (Янш. С. 191).

Герои древнекитайских мифов напоминают эпических богатырей. Как и последних, в их образах не следует искать реальных исторических прототипов. Э. М. Яншина указывала:

«Мифологии свойственны очень широкие обобщения, она ещё не выделяет отдельных личностей, сама природа её образов совершенно иная, чем та, которая появляется в историческом повествовании. Поэтому, если образ мифического героя эволюционизировал во вполне очеловеченного богатыря или

правителя, оброс бытовыми и историческими реалиями, это отнюдь не означает, что за ним стоит какой-то реальный исторический прототип» (Янш. С. 194).

Несмотря на тенденцию к сближению мифических героев с эпическими, образы культурных героев в древнекитайских мифах не подвергаются демифизации. Они остаются вполне мифическими персонажами. Таким был стрелок И. Э. М. Яншина в связи с этим пишет:

«Здесь мы имеем дело с процессом героизации, происходившим в недрах самой мифологии, с эволюцией её образов в их движении ко всё более полному претворению в них развивающегося художественного мышления древнего человека, с процессом отдифференциации словесного художественного творчества от других видов духовной деятельности человека» (там же. С. 192).

Ранние мифы об И делали упор на связи этого образа с луком и стрелами. Он обрисован в них главным образом как страстный охотник. У Э. М. Яншиной читаем:

«Стреляющий из Лука, или Стрелок из Лука (И), представляет собой образ культурного героя, одним из основных деяний которого является изобретение лука и стрел. Однако эти же данные разрешают предполагать, что представления о нём как о культурном герое далеко не исходные. Генетические корни этого образа, как представляется, следует искать в культе бога-охотника, покровителя охоты и охотников, о чём свидетельствует постоянное упоминание о его страсти к охоте» (Янш. С. 165).

Из охотника И со временем превращается в подлинного культурного героя – в защитника и наставника людей. Эволюция его образа связана с тремя его жизнями – на земле, где он родился, на небе, куда его забрали боги как искусного стрелка, и снова на земле, на которую он вернулся как блудный сын.

В качестве небесного стрелка И совершает множество подвигов. Он напоминает знаменитого греческого героя Геракла, который совершил двенадцать подвигов: он одержал героиче-

скую победу над такими чудовищами, как немейский лев, лерненская гидра, эриманфский вепрь, критский бык и др.

Стрелок И совершил для защиты людей семь подвигов. Его первым подвигом был расстрел девяти солнц. Другие шесть подвигов были похожи друг на друга: каждый из них был связан с победой И над очередным чудовищем. Вот их список:

Яюй. «Яюй походил на быка; у него было красное туловище, человеческое лицо и лошадиные ноги. Его пронзительный голос напоминал плач ребёнка. Яюй пожирал людей. Неизвестно, много ли вреда причинял он людям, но одно его имя всех приводило в дрожь» (Юань. С. 144).

Цзочи. «Одни говорили, что это человек, другие, – что это зверь. Вероятно, это было чудовище со звериной головой и человеческим телом. Из его пасти торчал клык, похожий на бурав цзо длиной пять-шесть чи. Никто из людей не осмеливался приближаться к цзочи, боясь этого страшного оружия. Цзочи приносил людям много вреда. Стрелок И взял лук, подаренный ему небесным правителем, и без малейшего страха вступил в борьбу с чудовищем. Сначала цзочи схватил копье, чтобы поразить И. Но, увидев, как метко И стреляет из лука, растерялся, бросил копье и взялся за щит, чтобы защитить себя от стрел. Смелый И не дал чудовищу приблизиться и поразил его стрелой через щит» (Юань. С. 144).

Цзюин. «По-видимому, цзюин был зверем с девятью головами, из каждой пасти он мог извергать огонь и воду. Можно себе представить, сколько вреда он причинял людям. Придя туда, И сразу стал биться с чудовищем. Цзюин был очень свирепым, но он не мог победить стрелка И и в конце концов был убит и брошен в волны Сюншуй» (там же. С. 144–145).

Дафэн. «Дафэн была большим фениксом, по-видимому, так называли больших павлинов, которые водились на китайской равнине в древние времена. При полёте птицы ветер, возникавший от взмаха её крыльев, мог опустошить окрестности. Птица была символом ветра и, по преданию, могла разрушать человеческие жилища» (там же. С. 145).

Башэ. Это был огромный удав-змей. Стрелы И не смогли убить этого змея. И вступил с ним в рукопашный бой: «И вытащил меч и вступил в рукопашную схватку со змеем среди волн, вздымавшихся к небу. Змей был разрублен на несколько кусков» (там же. С. 146).

Фэнси. Это был гигантский кабан. «У него были длинные клыки и острые когти, силой и свирепостью он превосходил быка. Он портил посевы, пожирал людей и домашних животных. Люди из окрестных мест натерпелись от него и поэтому ненавидели его. Теперь он должен был понести наказание. И пустил несколько стрел, которые вонзились кабану в ляжку, он не смог убежать, и стрелок поймал его живьем. Все люди очень радовались» (там же. С. 146).

Народ вознёс славу И до небес: «Так народ был избавлен от семи бед. Люди Поднебесной благодарили И за его подвиги и пели гимны в его честь. Образ И навсегда запечатлелся в сердцах людей, как образ величайшего героя. Яо тоже выразил ему свою глубокую признательность. А сам И был весел и доволен, зная, что он выполнил все повеления небесного правителя» (Юань. С. 147).

Обобщая героические деяния стрелка И, Э.Яншина писала: «Победы героя на разных концах света, на небе и под землей должны были выразить идею уничтожения им всего чудовищного и враждебного человеку в мире, наведения им порядка на всей земле. Эта миссия героя в самой традиции нашла обобщённое выражение в формуле, повторяющейся рефреном почти во всех, памятниках: “Охотник первым отдал свои силы, чтобы избавить землю внизу от всех бедствий” (Каталог); “Предок (Бог) спустил Разящего Охотника, чтобы избавить от бедствий народ Ся” [Вопросы Небу, 1958, с. 11а]; “Охотник избавил Поднебесную от всех бедствий, за что после смерти он стал Цзунбу” [Хуайнаньцзы, 1954, с. 233] и т. д.» (Янш. С. 170).

Подвиги, совершённые стрелком И для людей, сближают его с эпическими и сказочными персонажами. Этот мифический персонаж напоминает нам о былинных и сказочных богатырях.

«Он совершает эти подвиги, – пишет Э. М. Яншина, – по личной инициативе. Такая активизация героя характерна уже для волшебного-героического эпического сказания. Само сказание обогащается сказочно-героическими мотивами. В совокупности все эти элементы позволяют говорить о перерастании мифа об Охотнике – культурном герое – в повествование о нём как о богатыре» (Янш. С. 183).

Между тем владыка Ди-дзюй не простил стрелку И убийства девяти его сыновей-солнц. Вот почему он оставил И на земле, превратив его из божества в человека. Небесный стрелок снова стал земным стрелком.

Преодолев уныние, И стал обучать стрелковому мастерству Фэнмэна, который был его слугой. Методика И была оригинальной. В первый раз он сказал своему ученику:

«Если хочешь научиться стрелять из лука, то прежде всего ты должен научиться не моргать. Сначала пойдёшь научиться этому, а потом приходи ко мне» (Юань. С. 159).

Во второй раз И дал Фэнмэну новое задание:

«Учиться стрелять ещё рано. Теперь ты должен научиться видеть маленькую вещь – как большую, а неразличимую глазом – как вполне отчётливую. Пойди научись этому, а потом приходи» (там же. С. 160).

Это задание было намного труднее, чем первое. Но Фэнмэн оказался упорным:

«Фэнмэн, вернувшись домой, разыскал крохотный волосок от бычьего хвоста, привязал к нему вошь, повесил волосок у южного окна и каждый день учился разглядывать её. Через десять дней ему показалось, что вошь начинает увеличиваться. Затем стало казаться, что вошь выросла до размеров колеса от колесницы. Он смотрел на другие предметы, и ему казалось, что они стали, как горы и холмы. Фэнмэн рассказал И о своих успехах. На этот раз И обрадовался и сказал:

– Вот теперь ты можешь учиться стрелять из лука!

И передал Фэнмэну всё своё искусство. Впоследствии Фэнмэн стрелял из лука почти так же хорошо, как сам И» (там же).

Фэнмэн оказался неблагодарным учеником. Поскольку в своём стрелковом мастерстве он не сумел превзойти своего учителя, он стал ему завидовать и решил его убить:

«Однажды после полудня И верхом на лошади возвращался с охоты. Вдруг он увидел, что на опушке леса мелькнула человеческая тень и в него полетела стрела. И быстро схватил лук и выстрелил. Послышался треск: обе стрелы столкнулись в воздухе, выбили сноп искр и, кувыркаясь, упали на землю. Вслед за первыми с каждой стороны полетело ещё по стреле. Они тоже столкнулись и упали на землю. Так, раз за разом, было выпущено девять стрел. Стрелы у И кончились, и в это время он увидел, что невдалеке стоял Фэнмэн с торжествующим видом. У него осталась ещё одна стрела, и он прицеливался прямо в горло И. Не успел И приготовиться к защите, как свистящая стрела с быстротой падающей звезды полетела к цели. Чуть отклонившись в сторону, стрела попала И прямо в рот» (Юань. С. 160).

Фэнмэн торжествовал, но он не мог предвидеть, что его учитель жив:

«Фэнмэн, считая, что И уже мёртв, приблизился, улыбаясь и крадучись, чтобы посмотреть на его мёртвое лицо. Но только он подошёл, как И раскрыл глаза и неожиданно сел.

– Ты напрасно учился у меня столько времени, – смеясь, сказал И и выплюнул стрелу. – Разве ты не знаешь моего способа перекусывать стрелы? А если поступать так, как ты, то надо учиться ещё очень долго» (там же. С. 160–161).

Поразительное самообладание и невиданное добродушие! Фэнмэн стал униженно просить у И прощения. Тот сказал ему лишь одну фразу:

«Иди и больше этого не делай» (там же. С. 161).

Стрелка И забили дубиной его слуги. После смерти он вознёсся на небо и стал божеством по имени Цзунбу. Но и на небе он не потерял своё удивительное человеколюбие. Он продолжать служить людям. Цель его небесной жизни состояла в том, чтобы отгонять от людей злых духов.

Шунь

Шунь родился в крестьянской семье. У него были жестокие родители – глупый отец и коварная мачеха. В детстве они его без конца били. Он смиренно сносил их побои, но, когда он вырос, он покинул родительский дом и стал жить самостоятельно. Он был так талантлив, что вскоре приобрёл высокий авторитет сначала среди рыболовов, а потом среди гончаров.

Слава о талантах Шуня дошла до императора Яо. Он пренебрёг его низким происхождением и, по совету своих мудрых сановников, назначил его в своём правительстве министром просвещения и выдал за него замуж двух своих чудесных дочерей – Эхуан и Нюйни.

«Он (Яо – В. Д.) поселил Шуня вместе со своими девятью сыновьями, чтобы убедиться, действительно ли он так талантлив, как о нём говорят. Яо подарил ему одежду из тонкой пеньки и цитру, приказал соорудить для него несколько амбаров и подарил ему стадо коров и овец. Так простой крестьянин Шунь сделался зятем правителя и внезапно стал знатным и богатым» (Юань. С. 131).

Шунь, сделавшись богатым и знатным, не изменил своего почтительного отношения к своим родителям. Между тем:

«Отец и мачеха, видя, что Шунь, издавна вызывавший у них ненависть, вдруг вознёсся ввысь, стал богатым и знатным, начали завидовать и негодовать. Шунь к своему семейству не питал никакой злобы» (там же).

Отношение Шуня к своим злобным родителям – образец великодушного долготерпения. Эти родители трижды пытались его убить, но каждый раз он их великодушно прощал.

В первый раз родители хотели сжечь Шуня. Отец его пригласил починить амбар. Тот охотно согласился. Но перед тем, как идти в родительский дом, он одел платье с изображением птиц, которое ему дали его предусмотрительные жёны.

Родители сделали вид, что рады приходу сына и послали его в прогнивший амбар. Ничего не подозревая, Шунь принялся за его починку. Между тем родители запёрли его в этот амбаре и подожгли его.

«Злодеи тотчас же убрали лестницу, собрали у амбара кучу хвороста и подожгли его.

– Отец, отец, что вы там делаете? – закричал испуганный Шунь, стоя на крыше и не зная, как спуститься.

– Сынок, – ехидно откликнулась мачеха, – отправляйся прямо в небесный дворец, а твои жёны будут жить с нами!

– Ха, ха, ха... – глупо смеялся отец, одобрительно качая головой» (Юань. С. 132).

Чудесная одежда спасла Шуня. Он снял с себя эту одежду:

«И, о чудо, через мгновение объятый дымом и пламенем Шунь превратился в большую птицу и с криком устремился в небо. Злые люди, видя необыкновенное превращение, от страха словно окаменели» (там же. С. 132).

Во второй раз отец пригласил Шуня почистить колодец. Как ни в чём ни бывало, сын явился в родительский дом и спустился в этот колодец. Но сразу же на него посыпались камни и комья глины. И на этот раз ему помогла одежда его жён, на которой были изображены драконы. Он снял эту одежду и превратился в дракона, который поплыл по подземным каналам и выплыл в другом колодце наружу.

В третий раз злобные родители решили опоить сына вином и убить его топором. Отец снова приглашает Шуня в себе домой. Уж на этот-то раз, Шунь, казалось бы, должен был отказаться. Но он был сделан из другого теста. Снова его выручили его жёны. Они дали ему снадобье, от которого не пьянеют.

Вот почему Шунь «раз за разом опустошал кубки и чаши с вином. Он столько пил, что все те, кто уговаривал его выпить, сами валялись пьяными, их речи стали бессвязными, а Шунь по-прежнему сидел прямо и пил, как ни в чём ни бывало. Было выпито несколько кувшинов вина, съедены все закуски, и на столе не осталось никаких угощений. Злодеи с вытаращенными глазами смотрели на то, как Шунь вытер губы, вежливо поблагодарил родителей и, держась прямо, ушёл, а сверкающий топор так и остался лежать возле дверей» (там же. С. 134–135).

Почтение Шуня к своим злобным родителям выглядит противоестественным. Между тем в его образе древние китайцы

видели образец добродетельного поведения. Этот образ – воплощённое нравственное совершенство.

По совету мудрецов Яо решил сделать Шуня своим преемником. Но прежде, чем это сделать, он устроил ему испытание:

«Во время сильной грозы Шунь должен был пойти в глухой горный лес и потом сам выбраться оттуда. В древних записях говорится, что Шунь, идя по лесу, совершенно не испытывал страха. Ядовитые змеи при виде его уползали, тигры, барсы, шакалы и волки не осмеливались причинить ему вреда. Вскоре разразилась страшная гроза с сильным ветром. В лесу стало очень темно, яркие молнии чередовались с ударами грома, со всех сторон призраками стояли деревья с распростёртыми, как руки, ветвями. Деревья, деревья, деревья... Как распознать, где тут север, где запад, где юг, где восток? Смелый и сообразительный Шунь сумел выбраться из лесу, не заблудившись, и встретился с людьми, ожидавшими его на дороге» (там же. С. 135).

Яо передал свой престол бывшему крестьянину. Шунь оправдал его надежды. Как и Яо, в течение многих лет он был мудрым, справедливым и скромным императором Поднебесной.

Шунь оставил после себя многочисленное потомство:

«По преданию, потомки Шуня основали две пограничные страны. Одна была расположена в Восточной пустыне и называлась страной Яоминь, другая – страна Чжиго – находилась в Южной пустыне. У людей Чжиго была жёлтая кожа, они очень метко стреляли из лука и убивали змей. Они не обрабатывали землю и не ткали тканей, а пользовались дарами природы. В их стране пели птицы *луаньняо* и танцевали фениксы. Страна Чжиго была сущим раем на земле» (Юань. С. 138).

Благодаря своим нравственным качествам, Шунь прослыл образцом нравственности. Поистине он был благородным мужем. Он стал настоящим героем мифов древнего Китая. Однако в этих мифах изображены не только герои, но и антигерои. К ним принадлежат Кун Цзя и Дзе-ван.

Кун Цзя

Этот антигерой был правителем из династии Ся. Её основал Юй – великий усмиритель потопа. Но Кун Цзя, в отличие от своего предка, был на редкость безнравственным человеком:

«После Ци (сына Юя. – *В. Д.*) престолом в течение более десяти поколений владели его потомки, и в конце концов престол перешёл в руки Кун Цзя, который не занимался государственными делами, а проводил время в поклонении божествам и бесам, в пирах, охоте и развлечениях с женщинами. Могущество династии Ся с каждым днём ослабевало. Вассальные князья стали проявлять непослушание, однако глупый правитель Кун Цзя ничего не замечал и целые дни лишь развлекался» (Юань. С. 210).

Кун Цзя, как правило, подбирал на службу таких же безнравственных людей, как он сам. Так, смотрителем драконов он назначил Лю Лэя. Вот как он служил своему господину в этой должности:

«Поскольку у Лю Лэя не было ни знаний, ни опыта, то вскоре самка дракона издохла. На его месте любой испугался бы, но Лю Лэй приказал вытащить из пруда мёртвого дракона, счистить с него чешую, выпотрошить внутренности, изрубить на мелкие куски и сварить в огромных котлах-треножниках на пару. Приготовленное кушанье он преподнёс Кун Цзя, говоря, что оно изготовлено из убитого им зверя. Кун Цзя, отведав блюдо из “дикого зверя”, которое преподнёс ему любимый чиновник, убедился, что оно вкусно. Он попробовал ещё раз, и ему понравилось ещё больше. Затем он велел показать ему драконов, чтобы полюбоваться и позабавиться с ними, и увидел всего одного дракона-самца. Дракон был чуть живой. Кун Цзя спросил, почему не привели самку, но получил уклончивый ответ. Так повторялось много раз. В конце концов Кун Цзя, разгневавшись, потребовал, чтобы немедленно привели самку. Но она была уже съедена и, конечно, не могла воскреснуть. Лю Лэй не мог больше морочить голову и, перепугавшись, ночью вместе с семьёй бежал в Лусянь» (там же. С. 212).

Кун Цзя нашёл себе нового зрителя драконов – Ши-мэня. В отличие от своего предшественника он знал своё дело.

«Поэтому вскоре после того как Ши-мэнь приступил к своим обязанностям, больной дракон стал опять живым и весёлым. Он начал снова резвиться, и люди радовались при виде свернувшегося клубком дракона» (там же).

Ши-мэнь был учеником знаменитого чародея Сяо-фу:

«Он был учеником чародея Сяо-фу, который питался цветами персика и сливы и мог, подобно древним Чисун-цзы и Нин Фэн-цзы, сжечь самого себя в огне и в дыму вознестись на небо» (там же. С. 212).

Поначалу Кун Цзя был доволен Ши-мэнем. Но вскоре он его невзлюбил. Почему? Ши-мэнь был смелым человеком и резал правду-матку своему правителю прямо в глаза. Дело кончилось плохо:

«Он не любил глупых речей, даже если они исходили от правителя. Он отказывался их слушать, что вызывало крайнее недовольство самолюбивого правителя, не терпевшего возражений. Кормление драконов было развлечением для Кун Цзя, но теперь оно постоянно вызывало у него гнев. Однажды Ши-мэнь стал беспощадно высмеивать его нелепые рассуждения. Тогда правитель, больше не сдерживаясь, вскипел гневом и тотчас приказал людям схватить Ши-мэня и отрубить ему голову. Тот повернулся к нему и, смеясь, сказал:

– Ты волен отрубить мне голову, но ты проиграл, во всём проиграл, – и с гордым видом вышел вслед за стражниками.

Вскоре была принесена его голова, залитая кровью» (там же. С. 213).

Злобный Кун Цзя решил, что он избавился от Ши-мэня. Но он забыл, что тот был учеником великого чародея. Его дух после смерти хозяина стал насылать на Кун Цзя то бурю, то ливень, то пожар. Правитель понял, что дело плохо»

«Не зная, какие ещё чудеса совершит безвинно убитый чародей, он сел в колесницу и отправился за город, чтобы обратиться к нему с мольбой больше не творить чудес» (там же. С. 213).

Не удалось Кун Цзя скрыться от возмездия. Этому жестокому и трусливому правителю пришёл конец:

«После молитвы огонь немного спал. У Кун Цзя отлегло от сердца, он сел в колесницу и в сопровождении свиты поехал во дворец. Перед дворцом начальник охраны открыл дверцу колесницы и предложил правителю выйти. Но тот продолжал сидеть молча, не шевелясь, и глаза его неподвижно смотрели в одну точку. Начальник охраны посмотрел внимательно и убедился, что Кун Цзя мёртв» (там же).

Дзе-ван

Этот антигерой был внуком Кун Цзя. Как и его дед, он был правителем из династии Ся. Природа подарила ему прекрасное телосложение:

«Дзе-ван обладал крепким телосложением, величественной осанкой и огромной силой. Он с лёгкостью мог одной рукой сломать твёрдый олений рог и разогнуть железный крюк. В воде он храбро сражался с драконами, на суше мог голыми руками драться с волками, шакалами, барсами и тиграми» (Юань. С. 213).

Чем не герой? Героем он выглядел лишь по своим телесным качествам, а по своим нравственным качествам он был антигероем. Юань Кэ пишет:

«Он был похож на героя, но за этим геройским обликом скрывалась гнилая душа. По преданию, для своего развлечения он на поте и крови людей, не считаясь с деньгами, возвёл великолепный дворец под названием “Яшмовая башня”. В нём были собраны редкие вещи и красавицы со всей Поднебесной, он окружил себя танцорами, актёрами, шутами и карликами и приказал исполнять сладострастные танцы, сопровождавшиеся музыкой. Он не совершил ни одного праведного поступка, а только знал, что пил вино и развлекался с красавицами в задних покоях, веселился с танцорами и шутами» (там же).

С таких мифических императоров брали пример живые императоры. По поводу гарема у китайского императора М. Е. Кравцова пишет: «Число обитательниц императорского

гарема не ограничивалось и могло достигать нескольких тысяч женщин. Что касается его минимального состава, то Сыну Неба полагалось иметь: одну императрицу, трёх старших жён, девять жён второго ранга и 81 наложницу» (*Кравцова М. Е. История культуры Китая. СПб., 1999. С. 295*)

Цзе-ван посвятил свою жизнь удовольствиям и развлечениям. Государственными делами он никогда всерьёз не занимался. Ему не было никакого дела до народа. Он приносил ему одни бедствия. Люди его ненавидели:

«В речах он уподоблял страну солнцу на небе, на самом деле считал солнцем себя. Он не имел никакого представления о том, как ненавидел его народ, которому он причинил столько страданий. Каждый, с проклятием указывая на солнце, говорил: “Ты, проклятое солнце, почему ты не умерло раньше? Я охотно бы умер, если бы знал, что и ты умрёшь”» (там же. С. 215).

В окружении Цзе-вана нашлись люди, которые не побоялись сказать своему безнравственному правителю правду. К ним принадлежал мудрый сановник по имени Гуань Лунфэн:

«Он часто упрекал Цзе-вана за его безнравственное поведение. Однажды сановник вызвал гнев своего безрассудного правителя. Тот приказал схватить его и убить» (там же. С. 215).

Другим смелым человеком в окружении Цзе-вана оказался И Инь. Он приехал из княжества, где правителем был Тан-ван. У этого правителя он был главным поваром, а заодно и учителем его дочери:

«Он много занимался и, прочитав множество книг, стал образованным человеком. Вскоре его назначили учителем при дворе, и он обучал дочь правителя» (там же. С. 217).

Тан-ван ценил таланты И Иня, но сановником его не сделал. И Инь обиделся и перебрался к Цзе-вану. Но и тот назначил его поваром. Между тем этот повар позволял себе критиковать своего господина:

«Однажды, когда в Яшмовой башне собралась компания, чтобы предаться разнузданным увеселениям, И Инь поднял кубок и, увещевая Цзе-вана, сказал:

– Вы, правитель, не хотите слушать моих слов и поэтому своими глазами увидите, как страна рано или поздно придёт к гибели» (там же. С. 215).

После этих слов И Инь поспешно вернулся к своему прежнему хозяину – мудрому Тан-вану. Его честолобивые ожидания во дворе Тан-вана, наконец, оправдались. Тан-ван назначил его первым министром в своём правительстве. Он мечтал о том, чтобы Тан-ван стал императором всей Поднебесной и разработал план войны с Цзе-ваном. Тан-ван принял этот план.

«Вскоре разврату и бесчинствам Цзе-вана был положен конец. Дождавшись времени жатвы, Тан-ван собрал большое войско со всех частей страны. Войска против Цзе-вана он вёл сам, сидя в колеснице со стягом и держа в руках боевой топор. Колесницей правил Фэй Чан, перешедший на его сторону. Вслед за ним ехал в колеснице И Инь» (Юань. С. 225).

Тан-ван для начала уничтожил войска трёх вассалов Цзе-вана. Тем самым он подготовил почву для уничтожения самого Цзе-вана. Тот был в великом смятении:

«Цзе-ван был в полной растерянности. С одной стороны, он собирал немногочисленных солдат, а с другой – слишком поздно хватившись, начал совершать жертвоприношения, надеясь с помощью богов разбить врага и защитить страну. Но после двух-трёх схваток в ущелье, которое было воротами в страну, пал его главнокомандующий Гэн» (Юань. С. 225).

Для Цзе-вана пришло время расплаты за его безнравственную жизнь. Между тем к его губителю явился бог огня Чжужун. Он предсказал Тан-вану его скорую победу над Цзе-ваном:

«Небесный правитель приказал мне помочь тебе в сражении. Войска в столице уже в полном смятении. Ты быстро поведёшь армию на город и одержишь победу. Когда увидишь в северо-западной части города большой огонь, начинай наступление» (там же).

Цзе-ван, прихватив всех своих наложниц, покинул столицу. Как и предсказал бог огня, его войска были разбиты наголову. Он оказался в изгнании, где он и принял свой бесславный конец: он умер от тоски.

Победитель Цзе-вана был прямой противоположностью Цзе-вана. Он стремился не к собственным наслаждениям, а к служению своему народу.

Новый император, в отличие от прежнего, готов был для своего народа пожертвовать своею жизнью, когда в Поднебесной началась страшная засуха. Тан-ван, не дождавшись её окончания, решил принести себя в жертву Небесному владыке, чтобы он послал дождь. Пройдя все церемонии, связанные с человеческим жертвоприношением, Тан-ван поднялся на приготовленный для его сожжения хворост. Но произошло чудо! Верховный владыка смиростивился, не дождавшись сожжения императора. Полил обильный дождь:

«Дождь затушил и огонь в жертвенном тазу, и хворост, остались только струйки синего дыма. Обрадованные люди от всей души пели хвалебные песни, а шаманы снимали с костра гуманного Тан-вана, который готов был отдать свою жизнь людям» (там же. С. 227).

Жители Поднебесной славили гуманного императора Тан-вана и продолжали проклинать своего прежнего императора – бесчеловечного Цзе-вана.

2.5.2.5. ПОЛИТИКА

Древнекитайские мыслители мечтали о справедливом общественном устройстве. Свои надежды при этом они возлагали на идеальных правителей.

К идеальному правителю Конфуций предъявлял пять требований. Он выразил их в таком высказывании:

«При управлении княжеством, имеющим тысячу колесниц, необходимы постоянное внимание к делам и искренность в отношении к народу, умеренность в расходах и любовь к народу с своевременным употреблением его на работы» (*Конфуций. Суждения и беседы. СПб., 2015. С. 6–7*).

Но самое главное в идеальном правителе – его добродетель:

«Кто управляет при помощи добродетели, того можно уподобить северной Полярной Звезде, которая пребывает на своём

месте, а остальные звёзды с почтением окружают её» (там же. С. 12).

К добродетели идельного правителя Конфуций добавлял церемонии:

«Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок посредством наказаний, то хотя он и будет стараться избегать их, но у него не будет чувства стыда; если же руководить им посредством добродетели и поддерживать в нём порядок при помощи церемоний, то у него будет чувство стыда и он будет исправляться» (там же. С. 121).

Церемониям и ритуалам, проводимым в государстве, Конфуций придавал чрезвычайно большое значение. Именно с ними он в первую очередь связывал порядок в стране. Этот порядок предполагает, в частности, соответствие правителя своему имени, а подданного – своему. Назначение церемоний и ритуалов – восстановление этого соответствия. Сам Конфуций исполнял роль верноподданного с завидным актёрским мастерством. В «Суждениях и беседах» о нём читаем:

«В ворота княжеского дворца он входил наклонившись, как бы не помещаясь в них. В воротах он не останавливался и, проходя, не ступал на порог. Следуя мимо престола, он менялся в лице, ноги его подгибались, и он говорил, как будто бы у него не доставало духа. Подобрав подол платья, он вступал в залу, согнувшись и затаив дыхание, словно не дышал вовсе. По выходе, когда он спускался на одну ступеньку, лицо его распускалось и делалось спокойным и весёлым. Спустившись, он быстро бежал, растопырив руки, и благоговейно возвращался на своё место» (там же. С. 87–88).

Подобная картинка:

«Конфуций держал символ власти своего князя согнувшись, как бы подавленный его тяжестью, подняв его вверх не выше рук, сложенных для приветствия, и не опуская ниже рук, словно протянутых для отдавания чего-либо. Лицо его менялось и словно трепетало, он двигался мелкими шажками, на пятках, не поднимая ног; при представлении подарков выражение лица

его было спокойное. При частных визитах он имел весёлый вид» (там же. С. 88).

Вполне убедительно объяснял происхождение порядка в Поднебесной Мо Ди. В древние времена люди жили, как звери. Вот почему в Поднебесной возник невообразимый беспорядок, чтобы его уничтожить, люди выбрали себе идеального – добродетельного, мудрого и справедливого – правителя:

«Беспорядок в Поднебесной был такой же, как среди диких зверей. Поняв, что причина хаоса – в отсутствии управления и старшинства, люди выбрали самого добродетельного и мудрого человека Поднебесной и сделали его сыном неба... Только сын неба мог создать единый образец справедливости в Поднебесной, поэтому в Поднебесной воцарился порядок» (Антология мировой философии в четырёх томах. Том 1. Часть 1. М., 1969. С. 199).

Так было в далёком прошлом, а что теперь?

«В Поднебесной много правителей, но человеколюбивых среди них мало. Поэтому считать всех правителей образцом для подражания – значит считать образцом отсутствие человеколюбия» (там же. С. 197).

В качестве основы идеального государства человеколюбие расценивалось неоконфуцианцами в эпоху Сун (960–1127). Вместе с эпохой Тан (618–907), её сравнивают с европейской эпохой Возрождения. В это время Китай достиг небывалых успехов в укреплении своей государственности и культуры. Этому способствовало изобретение пороха, а также широкое распространение книгопечатания.

Китайское Возрождение в сунскую эпоху было прервано монгольским нашествием. На долгие годы в Китае выдвинулась на господствующее положение монгольская династия Юань (1271–1368). Её первым императором был внук Чингизхана Хубилай (1271–1295).

Одним из основателей неоконфуцианства был Чжан Цзай (1020–1078). В своих «Западных надписях» он писал об идеальном общественном строе как о царстве гармонии между небом

и землёю. Оно держится, по его представлениям, на человеколюбии. Он писал:

«В гармонии с небом и землёй мудрец являет и манифестирует их волю, а совершенномудрый – их мудрость. И всякий в Поднебесной, кто болен, покрыт язвами, измождён и недужен, всякий, кто одинок – не имеет братьев, сестёр, детей, мужей и жён, – все они, сырые, мои братья, связаны со мной и не возропщут друг против друга... Идти поперёк добродетели – то называю поправлением, то вред человеколюбию, то именую воровством» (Рассказы у светильника. Китайская новелла XI–XVI веков. Сост. К. И. Голыгина. М., 1988. С.9).

Об идеальном общественном устройстве мечтали и древнекитайские мифотворцы. В архаическое время появилось сказание, в котором описывается золотой век. Своим существованием он был обязан Нюйва. Она создала его для своих питомцев – первых людей. Это случилось после того, как между обрушающимся небом и землёй она установила прочную опору из гигантских черепашек.

У Юань Кэ читаем: «К этому времени часть диких зверей давно уже погибла, а те, что остались, были постепенно приручены и стали друзьями человека. Наступила для людей счастливая жизнь, без печалей и забот; стоило только захотеть – и через мгновение человек получал лошадь или вола. На обширных просторах росли съедобные растения, не нужно было заботиться о них, а есть можно было вволю. То, что не могли съесть, оставляли на краю поля, и никто этого не трогал. Если рождался ребёнок, его клали в птичье гнездо, висевшее на дереве, и ветер качал гнездо как люльку. Люди могли таскать тигров и барсов за хвосты и наступать на змей, не опасаясь укусов» (Юань. С. 57).

В чудесной стране жила мать Фуси:

«Рассказывают, что в сотнях тысяч ли к северо-западу от Китая находилась процветающая страна и называлась она Страной рода Хуасюй. Эта страна была так далеко, что ни пешком, ни в повозке, ни на лодке до неё нельзя было добраться и можно было только “направляться туда в мыслях”. В той стране

не было ни правителей, ни вождей, люди не имели ни стремлений, ни страстей, следовали лишь своим естественным желаниям, и поэтому все жили очень долго, красиво и весело. Они могли ходить по воде, не боясь утонуть, проходить через огонь, не боясь сгореть, летать по воздуху так же свободно, как и ходить по земле. Облака и туманы не мешали им видеть, раскаты грома не тревожили их слуха. Люди этой страны были чем-то средним между людьми и божествами, и их можно было считать земными шэньсянями – бессмертными» (там же. С. 43).

Чудесную страну создал будущий бог Запада Шаохао. В этой стране жили не люди, а птицы. В ней царит общественная гармония, поскольку его основатель умело распределил функции между её руководителями:

«Его сановниками и чиновниками были различные птицы, можно сказать, что это было царство птиц. Среди этих чиновников были ласточки, балабаны, перепела, фазаны, которые управляли, чередуясь по временам года, а самым главным управителем был феникс. Пять других птиц вершили всеми делами в стране. Каждый раз, когда на небе собирались тучи и нужно было, чтобы пошёл дождь, голубь выгонял свою супругу из гнезда, а после дождя, когда прояснялось, он звал её обратно. Если голубь может держать в подчинении супругу, то он, безусловно, способен выполнить свой сыновний долг в отношении родителей, и поэтому государь повелел ему ведать просвещением. Орлу за его внушительный вид и строгий характер было поручено управлять войсками. Кукушка, воспитывавшая на тутовом дереве семерых птенцов, ежедневно по утрам спускалась вниз за пищей, а по вечерам поднималась вверх, – уравновешенная по характеру, она была назначена управлять строительными работами. Она должна была сама строить всем жилища и прокладывать каналы, чтобы избежать несправедливости и ссор. Сокол, внушительный и храбрый, беспристрастный и бескорыстный, ведал законами и налагал наказания... Было ещё пять фазанов, которые ведали плотничными работами, обработкой металлов, гончарным, кожевенным и красильным

делами. Девять куропаток ведали посевами и сбором урожая» (Юань. С. 65).

На идиллическую страну во время усмирения потопа набрёл Юй. Эта страна называлась Чжунбэй:

«Там было не слишком жарко и не холодно, не было ни ветров, ни дождей, ни инея, ни снега. Весь год был похож на вечный весенний день. Люди там не заботились ни об одежде, ни о еде. Никто не ткал и не пахал землю. Люди не трудились, и никто никого не угнетал. Все вели жизнь радостную и беспечную: ели, спали, после пробуждения снова ели. Жили там по сто лет. Стоило лишь ступить ногой, как человек оттуда мог попасть на небо» (Юань. С. 177–178).

К идеальному общественному строю в какой-то мере приблизились жители Страны благородных:

«Одежда и шапки, которые они носили, были у них всегда в порядке и выглядели очень аккуратно, на поясе висел меч. У каждого жителя было в услужении два полосатых тигра. Все люди были скромны, вежливы и никогда не затевали ссор. Тигры тоже были ручными и смирными, как наши домашние кошки. Рынки там были переполнены, но никакого беспорядка и сутолоки не было, хотя люди и тигры сновали взад и вперёд. По этому поводу Конфуций некогда печально говорил: “Так как моё учение в Китае неосуществимо, я хотел бы уплыть в море на плоту, чтобы прибыть в область Цзюи, где его можно осуществить”. Благородные жили в области Цзюи, и Конфуций, вероятно, хотел поехать как раз в эту страну, чтобы там проповедовать свои идеи» (там же. С. 195).

Справедливый порядок в Поднебесной пытался установить Хуан-ди. Этот порядок, по его представлениям, мог быть установлен только при его абсолютной власти. Такой власти он добился:

«Величественный и всеми почитаемый Хуан-ди был высшим правителем в царстве богов. Все подчинялись его приказаниям, считаясь с его властью. Он не только распоряжался царством богов, но и управлял царством бесов, царём которого был подчинённый ему Хоу-ту» (Юань. С. 90).

О величии Хуан-ди свидетельствует миф, в котором описывается его встреча с богами и духами всей Поднебесной:

«Великий Хуан-ди, рассказывает легенда, встретился с богами и духами Поднебесной на Великой западной горе – Ситайшань. Он восседал на драгоценной колеснице, запряжённой слонами, шестёрка четырёхлапых драконов со змеиными телами летела следом. Птица *бифан*, похожая на аиста, с человеческим лицом и белым клювом, с красными пятнами на синем оперении, с одной ногой, умевшая кричать только “бифан-бифан”, правила колесницей. Всюду, где она появлялась, вспыхивал таинственный огонь. Чию со стаей волков и тигров прокладывал ему путь. Позади них повелитель дождей и хозяин ветров сметали с дороги пыль» (там же. С. 92).

Хуан-ди жестоко наказывал преступников:

«Ещё можно рассказать о божестве Эрфу со змеиным телом и человеческим лицом. У него был слуга по имени Вэй. Был он злым и подстрекал своего господина тайно убить Яюя. Хуан-ди, узнав об этом, немедленно приказал схватить негодяя, доставить связанным на гору Шушунань на западе, надеть на его правую ногу колодку, скрутить руки, а самого привязать к большому дереву на вершине горы. Так он был наказан за преступление. По другой версии, только спустя несколько тысячелетий он был освобожден из каменной темницы людьми» (Юань. С. 89–90).

Хуан-ди был милосерден к пострадавшему:

«Что же до невинно убитого Яюя, то Хуан-ди пожалел его и приказал перенести его останки на гору Куньлунь и велел шаманам У-пэну, У-цзи, У-яну, У-ли, У-фаню и У-сяну дать ему лекарство бессмертия, чтобы вернуть ему жизнь. В конце концов он воскрес» (там же. С. 90).

На долю Хуан-ди выпало два самых трудных испытания – война с Янь-ди и война с Чию.

Янь-ди, как мы помним, был владыкой Юга и богом солнца. Он был человеколюбивым богом. Его не устраивало царствование Хуан-ди, которого он считал равнодушным к человеческим страданиям. Бог солнца пошёл войной на Хуан-ди, чтобы

занять его трон. Эта война, как свидетельствуют многие мифические источники, была чрезвычайно жестокой и кровавой. В книге «Новая история» о ней сказано так: «Палицы плыли в потоках крови» (Юань. С. 94).

Хуан-ди мобилизовал для войны с Янь-ди не только воинов, но и животных. О победе Хуан-ди над Янь-ди в одном из памятников письменности сообщается следующее:

«Хуан-ди обучил медведей, леопардов, барсов и титров для битвы с Янь-ди на равнине Баньцюань; лишь после трёх сражений смог он осуществить свои намерения» (Юань. С. 94).

Война с Чию была для Жёлтого императора ещё более трудным испытанием, чем война с Янь-ди.

Как и его братья, Чию был чудовищем:

«У Чию было восемьдесят один или семьдесят два брата, каждый из них был страшен и необычен, имел медную голову, железный лоб, звериное тело, коровьи копыта, четыре глаза и шесть рук, умел говорить по-человечьи... На голове у Чию рос крепкий и острый рог, а когда волосы за ушами вставали торчком, они напоминали мечи и трезубцы» (Юань. С. 95).

Кроме того, Чию обладал божественной силой, исключительными способностями и выносливостью. Пришло время, когда «у него зародилась дерзкая мысль отобрать престол у пользующегося уважением верховного императора и самому сесть на престол» (там же).

Перед тем, как приступить к осуществлению своего дерзкого замысла, Чию вступил в войну с Янь-ди. Его войско состояло из его многочисленных братьев с медными лбами, а также из злых духов гор, рек, деревьев и скал. Бог солнца отказался от войны с Чию:

«Бог солнца Янь-ди обладал божественной силой и имел под руками военачальника-бога, но, во-первых, он не был готов к отпору – ведь Чию напал так внезапно и нагло, а во-вторых, гуманный Янь-ди боялся, что война принесёт людям беду, и поэтому уступил Юг Чию и бежал на север в Чжолу. Так легко, без труда, южный престол оказался в руках Чию. Завладев им, Чию,

будучи потомком Янь-ди, “исправляя имена и говоря о покорности”, сам именовал себя Янь-ди» (там же).

Самозванный Янь-ди, пополнив своё войско представителями отважного и воинственного народа мяо, направился к полю брани. Началась война:

«Не было другой войны, равной этой по жестокости. В войске Чию, как мы уже говорили выше, было около восьмидесяти его медноголовых братьев с железными лбами, народ мяо, злые духи рек, гор, деревьев и скал и прочие оборотни и черти. В войске Жёлтого императора, кроме богов и злых духов всех четырёх сторон, были всякие звери: простые медведи и бледно-жёлтые с головой, похожей на лошадиную, сычуаньские медведи, барсы, хищные звери *сю*, похожие на леопардов, ягуары и тигры; возможно, что на его стороне были и некоторые народы на земле. Действительно, собрались, что называется, достойные противники, никто не думал уступать другому» (там же. С. 96).

Хуан-ди вёл себя смело:

– Вперёд! На врага! – громко закричал Жёлтый император, стоя на боевой колеснице и воинственно размахивая мечом.

– Вперёд! На врага! – вторили ему добрые и злые духи всех четырёх сторон, и крики их сливались в единый мощный клич (там же. С. 97).

Но вскоре обнаружилось, что преимущество на стороне Чию. Его войско оказалось сильнее войска Хуан-ди.

«В войске Чию были призраки, а злые духи гор, рек, деревьев и скал и всякие оборотни и черти – вся эта нечисть могла издавать удивительные звуки, завораживавшие людей. Слыша эти звуки, люди становились беспомощными и глупыми, теряли разум, шли туда, куда манили их эти звуки, и становились жертвой оборотней и злых духов. Духов можно было разделить примерно на три вида: призраки *чимэй* с человеческим лицом, звериным телом и четырьмя ногами; духи *шэньхуэй* – также с человеческим лицом, звериным телом, но только с одной рукой и одной ногой, испускающие звуки, подобные зевоте; ещё одни – злые духи гор, рек, деревьев и скал – напоминали трёхлетних

детей с красно-чёрным телом, длинными ушами, красными глазами, чёрными, как воронье крыло, блестящими длинными волосами: они любили, подражая человеческой речи, заманивать людей. Все три вида злых духов были вредными, и войска Хуан-ди проплутали из-за них так долго, что это пагубно отразилось на ходе битвы» (там же. С. 97–98).

Выяснилось, что злые духи страшно боятся рёва дракона. Хуан-ди «приказал воинам взять сигнальные бычьи и бараньи рога и дуть в них так, чтобы раздались звуки, напоминающие рёв дракона. Звуки эхом пронесли над полем, тут оборотни и черти из войска Чию задрожали, похолодели, словно опьянели или их одурманили, и не могли уже проявлять своё волшебство и чары. Войска Хуан-ди ринулись вперёд и одержали крохотную победу» (там же. С. 98).

Но до окончательной победы над Чию было ещё далеко. Ещё не раз войска Хуан-ди сталкивались с войсками Чию, но исход войны оставался неизвестным:

«Чию обладал способностью летать по небу и проходить по самым опасным горным хребтам. Хотя он и потерял нескольких братьев и часть народа мяо, однако у него осталось ещё много воинов, он не пал духом, а его мощь по-прежнему возрастала» (там же. С. 98).

Наконец Жёлтый император нашёл выход: «Сделать необычный боевой барабан из особого материала, чтобы поднять дух своих воинов и победить врагов... Притащили этот барабан на боевые позиции, ударили девять раз подряд – и в самом деле загудели горы, откликнулись им долины, изменился цвет земли и неба, воспрянули духом воины Хуан-ди, а Чию и его воины перепугались насмерть. От страха не мог больше Чию ни летать, ни ходить. Под оглушительные удары барабана воины Жёлтого императора стали теснить войско Чию и одержали огромную победу» (там же. С. 99–100).

Но Чию обратился за помощью к племени великанов *куафу*. «Хоть и храбры были Чию и куафу, но ведь у них была только сила, они не могли противостоять хитрым планам Хуан-ди и в конце концов были разбиты. В самом последнем бою остатки

отрядов Чи-ю и куафу были окружены воинами Жёлтого императора» (там же. С. 103).

Чию был схвачен Жёлтым императором. По одной из версий, ему отрубили голову. Чтобы она чудесным образом не срослась с теловищем, их бросили в разные стороны.

Последствия войны Хуан-ди с Чию для дальнейших отношений между богами и людьми были колоссальными. До этой войны боги и люди жили в полной гармонии друг с другом. Они жили в «Золотом веке». Вот как он выглядел:

«Некогда люди жили вместе с богами, и жизнь их была подобна жизни богов: они не знали необходимости трудиться ради собственного пропитания, их не посещали бедствия и несчастья, всего у них было в изобилии, боги неизменно были благосклонны к ним» (Янш. С. 146).

Что же произошло в дальнейшем? Чию начал смуту. Хуан-ди был в гневе не столько на самого бунтовщика, сколько на людей, которые его поддерживали:

«Но началась великая смута, и люди приняли участие в этой борьбе на стороне Чию, поднявшегося против Главного бога» (там же).

Хуан-ди решил наказать людей: он разделил богов и людей:

«Одержав победу над бунтовщиками, Главный бог разделил богов и людей, запретив первым спускаться на землю, вторым подниматься на небо. Так кончается “золотой век”: отныне люди вынуждены сами добывать себе хлеб насущный и жить согласно данным им установлениям (ограничениям)» (там же).

Произошло величайшее бедствие: боги и люди утратили «золотой век».

Нельзя превращать Хуан-ди в полного злодея: хотя он и отделил людей от богов, он не сделал людей сиротами. Он продолжал о них заботиться, однако после войны с Чию заботу о людях он возложил главным образом на культурных героев:

«Главный бог посылает на землю (теперь единственное место пребывания людей) героев (богов), которые и учат людей труду и новым нормам их жизни» (там же. С. 140).

Чжуансьюй, преемник Хуан-ди, продолжил дело своего предшественника: боги при нём отделились от людей ещё в большей мере, чем при Хуан-ди. Жизнь на земле стала намного труднее, чем раньше. Усилилось социальное неравенство. Земные владыки стали уподоблять себя небесным владыкам:

«После того как великие духи Чжуй и Ли, вызванные Чжуаньсюем, перерезали дороги, соединявшие небо и землю, духи и люди отделились друг от друга. Постепенно и между людьми появились различия: меньшая часть людей карабкалась вверх, а большая часть, угнетаемая ими, опускалась всё ниже и ниже. Занявшие высокое положение стали как бы божествами на земле» (Юань. С. 75).

В собственном обожествлении всех превзошёл Цинь-ши-хуан-ди. Если небесным владыкой всей Поднебесной был Хуан-ди, то Цинь-ши-хуан-ди на короткое время стал её земным владыкой. Он прославил своё божественное имя великим деянием – объединением разрозненного Китая в единое государство – империю Цинь (221–207 вв. до н.э.). Он был великим реформатором. Он ввёл единый свод законов, единую систему денежного обращения, единую письменность и др. Однако его главными «памятниками» стали Великая китайская стена и Великий китайский канал.

При Чжуаньсюе боги стали жестоко наказывать тех небожителей, которые покидали небо и оставались жить с людьми на земле. Об этом повествует миф о бедном юноше Дун Юне и Седьмой небесной фее Ци-сяньньюй.

Небесная фея спустилась на землю и влюбилась на ней в Дун Юна. Он ответил ей взаимностью. Они поженились. Но их счастье было недолгим:

«Небесный император узнал, что Седьмая фея спустилась в бренный мир, разгневалось его драконье сердце, немедленно повелел он бить в барабаны и колокола и передать дочери, чтобы она к полудню вернулась в небесный дворец, а если ослушается, то император пошлёт небесное воинство схватить её, а Дун Юна прикажет изрубить на десять тысяч кусков. Так легко был разрушен красивый сон о счастье. Фея испугалась за жизнь сво-

его мужа, и ей пришлось расстаться с Дун Юном у старой акации, под которой они стали мужем и женой» (там же. С. 111).

Этот миф свидетельствует не только о жестокости богов, но и о симпатии мифотворцев к бедным людям. Дун Юн был так беден, что вынужден был наняться к богачу Фу, чтобы заработать денег на похороны отца. Он заключил с этим богачом договор. Этот договор был для него кабальным: он должен был работать на Фу в течение трёх лет. Его выручила небесная жена. Она сыграла на жажде богачей приобщиться к миру богов.

Ци-сяньнью попросила своих небесных сестёр соткать божественную парчу. Эту парчу молодожёны показали богачу. Тот так обрадовался божественному подарку, что отпустил их восвояси.

Не все люди смиренно сносили несчастья, которые им приносили боги. Находились и богоборцы. Таким был Синтянь – великан их племени куафу. Он отважился вступить в борьбу с самим Хуан-ди, угрожая захватить его трон. Силы были неравны. Небесный владыка отрубил бунтарю голову. Чтобы она чудесным образом не приросла к туловищу, её отбросили в одну сторону, а туловище – в другую.

Но память о великом богоборце осталась в сердцах людей. Знаменитый поэт IV в. Тао Юаньмин в стихотворении «Читаю “Книгу гор и морей”» написал: «Синтянь плясал со щитом и топором, смелость и воля его вечно будут жить» (Юань. С. 113).

В более поздних мифах на авансцену выдвигаются герои. Самые выдающиеся из них – Яо и Юй.

Яо

В мифах о императоре Яо древние китайцы воплотили свои мечты об идеальном правителе. Две черты были для него характерны – потрясающая личная скромность и неслыханная заботливость о подданных:

1. «Яо жил в хижине, крытой грубым камышом. Столбы и балки в ней были сделаны из неотёсанных стволов, подобранных в горах, питался он отваром из диких трав и рисовой кашей, носил грубую одежду из пеньки, а в холодное время – накидку

из оленьей шкуры. Посудой ему служили глиняные чашки. И в последующие времена, когда люди слышали, что император Яо жил такой простой жизнью, полной труда, они невольно вздыхали и говорили: “Наверное, даже у привратника жизнь лучше, чем была у Яо!”» (Юань. С. 125).

2. «Рассказывают, что если в стране был кто-нибудь голоден, то Яо обязательно говорил: “Это я виноват, что он голоден”. Если в стране у кого-нибудь не было одежды, то Яо обязательно говорил: “Это я виноват, что ему нечего надеть”. Если в стране кто-нибудь совершал преступление, то Яо обязательно говорил: “Это я довёл его до преступления”. Яо брал на себя ответственность за всех. Поэтому, когда во время его столетнего пребывания на троне произошла страшная засуха, а за засухой последовало великое наводнение, народ продолжал по-прежнему всей душой почитать доброго правителя и ни в коей мере не сетовал на него» (там же. С. 126).

Яо окружал себя мудрыми сановниками:

«Не только сам Яо был хорошим правителем – все, кто окружал его, были мудрыми сановниками. Так, например, Хоу-цзи ведал земледелием, Шуи – ремеслом, Гаояо отправлял правосудие, Куй ведал музыкой, Шунь – просвещением, Ци – военными делами и т.д.» (Юань. С. 126).

Справедливость – вот идеал, к которому стремился Яо. Передавая свой престол Шуню, он сказал: «О Шунь! Небом установленное преемство царственной власти остановилось на тебе. В управлении следует неуклонно держаться середины (т.е. справедливости). Если китайский народ в пределах четырех морей обеднеет, то и благополучие государя прекратится навеки» (Конфуций. Суждения и беседы. СПб., 2015. С. 201).

Юй

Юй – основатель династии Ся. Он был сыном Гуня – первого усмирителя великого потопа. Его рождение – чудо:

«У Гуня было большое и любвеобильное сердце, душа его не покидала тела, а тело его не разлагалось три года. В его чреве возникла даже новая жизнь – это был его сын Юй. Гунь взра-

стил в себе новую жизнь, чтобы сын смог продолжить и завершить его дело. Юй рос в чреве отца, и через три года он уже превосходил Гуня своей чудесной силой» (Юань. С. 168).

О внешности Юя в мифах содержатся противоречивые сведения. В одних версиях она была, как у человека, а в других – как у дракона. Наиболее экзотичны последние:

«Верховный владыка узнал о том, что труп Гуня не сгнил даже за три года. Он испугался, что Гунь превратится в оборотня и станет бороться с ним, и послал одного из богов с волшебным мечом *удао*, чтобы тот изрубил тело Гуня на куски. Посланец небес поспешил исполнить приказание, добрался до Горы птичьих перьев и вспорол живот герою. Но в это время произошло великое чудо. Из распоротого живота Гуня вылез дракон. Это был Юй. На голове у него росла пара крепких, острых рогов» (там же).

Юй обладал неслыханной силой. Он решил продолжить дело своего отца. Хуан-ди стало страшно. К тому же, к этому времени он уже раскаялся в том, что он наслал на людей великий потоп. Он решил помогать Юю:

«Верховный правитель, сидевший на высоком драгоценном троне, испугался. Ведь из вспоротого чрева Гуня неожиданно появился Юй. А если вспороть Юя, то не породит ли он тоже какое-нибудь существо? Мятежные помыслы бунтовщика могут распространиться с быстротой пожара, и остановить их невозможно. Испуганный император со временем стал раскаиваться в том зле, которое он совершил. Он решил не наказывать людей так жестоко и утихомирить потоп. Кроме того, доброе сердце иногда бывает крепче алмаза и, возможно, ему не справиться с Юем. Поэтому когда Юй пришёл к Хуан-ди просить сижан, то умудрённый опытом верховный владыка сразу же уступил его просьбам. Он дал ему сижан и приказал спуститься на землю, чтобы усмирить потоп. На помощь Юю послал он дракона Инлуна, прославившегося тем, что он убил ненавистного Чию» (там же. С. 169–170).

Не только царь драконов Инлун помогал Юю. Ему помогали и другие. Особенно ценной была помощь Фуси. Великий вла-

дыка Востока подарил Юю нефритовую шкатулку, с помощью которой можно измерить небо и землю. Бесценную помощь Юю оказал речной бог Хэ-бо. Он вручил ему камень, на котором был изображён план усмирения потопа. Помогали Юю и многие другие:

«Юй совершил подвиг. В этом деянии ему помогали и божества, и люди. Особенно старался бог Бои. Он был потомком божества – ласточки, а может, и сам был ласточкой. Бои часто приводил с собой людей, зажигал факелы, выжигал разросшийся после наводнения кустарник и прогонял диких зверей, чтобы народ мог спокойно работать. Он знал повадки и понимал язык зверей и птиц» (Юань. С. 174).

Сам Юй трудился не покладая рук:

«При усмирении потопа Юй сам трудился с корзиной и лопатой. Он шёл впереди, не обращая внимания на ветер и дождь, и вёл за собой весь народ. Он расчищал реки, прокладывал протоки и, наконец, победил потоп, причинивший людям столько бед. В общей сложности Юй находился вне дома тринадцать лет. Много раз он проходил мимо, слышал детский плач, но он не мог зайти, потому что был занят. На руках и ногах у него образовались твёрдые мозоли, ногти отполировались до блеска, а на ногах и на груди не росло ни одного волоска. Он был ещё не старым, а выглядел измождённым от работы в сырости и испарениях. Юй с трудом ходил по дороге, он хромал и ноги у него заплетались. Казалось, он подпрыгивает или танцует, как шаман во время камлания. Много лет его пекло солнце и обвевал ветер, кожа у него почернела. Он был худой, с длинной шеей и ввалившимся ртом» (там же. С. 182).

Во время обуздания наводнения Юй потерял свою жену Нюйцзяо. Чтобы ему легче было пробить проход в горе, он оборотился медведем. Случилась трагедия:

«Юй подождал пока жена ушла, покачался из стороны в сторону, превратился в чёрного медведя, заросшего шерстью, и стал изо всех своих медвежьих сил пробивать проход в горе. Он так рьяно работал своей пастью и всеми четырьмя лапами, что камни разлетались во все стороны. Один камень, отброшенный

медведем, случайно задел барабан, висевший у края обрыва. Жена Юя услышала звук барабана и быстро приготовила мужу корзинку с завтраком. Юй продолжал работать, не обращая внимания на то, что происходит вокруг, забыв о своём страшном облике. Жена увидела медведя – ей и в голову не пришло, что это её муж, она испугалась, закричала, бросила корзину с едой и побежала прочь. Услышав крик жены, Юй перестал работать и бросился за ней, чтобы объяснить ей всё. Она испугалась и побежала ещё быстрее. Так они бежали друг за другом до подножия горы Сунгао (сейчас она зовется Сушань в северной части уезда Дэнфын провинции Хэнань). Дальше Нюйцзяо не могла бежать и превратилась в камень. Юй рассердился, видя это превращение, и, обращаясь к камню, громко крикнул:

– Верни моего сына!

Кусок камня, смотревший на север, отвалился, и Юю явился мальчик, которого называли Ци» (там же. С. 175).

Юй совершил великий подвиг. Он избавил людей от чудовищного наводнения. Люди стали жить радостно, а сам Юй стал императором Поднебесной. Свой престол ему передал Шунь:

«После усмирения наводнения люди стали жить радостно и спокойно, и все благодарили Юя за его подвиги. Правители всех стран уважали и почитали его, и все хотели, чтобы он стал императором. Правитель Шунь решил уступить престол Юю за его заслуги» (там же. С. 178–179).

Юй был великим героем. Подводя итоги своей жизни, Юй сказал:

«Воды потопа поднялись до небес, окружили горы, залили холмы, внизу люди пришли в смятение и гибли. Я пользовался четырьмя [способами] передвижения; проходя по горам, я вырубал [на них] деревья; вместе с И [я] учил народ добывать себе в пищу свежее мясо; прорубил (проложил) русла девяти рек и отвёл их воды в четыре моря; [я] углубил каналы и отвёл их в реки, и вместе с Владычествующим над Просом (Цзи) учил народ сеять злаки, чтобы дополнить их в пищу к свежему мясу; я беспокоился о том, чтобы меняли они то, что у них есть, на то, чего у них нет; и имел народ пропитание, и пришли в порядок

царства... [Я1 взял в жёны [деву] *Гора-Земля*, [оставался дома только четыре дня]: синь, жэнь, гуй и цзя. Когда плакал Ци (сын Юя. – Э. М.), я не подходил к нему; я осуществлял свои планы по устройству земли, исправлял и завершал [устройство] Пяти владений в пять тысяч ли, [я] поставил наставников Двенадцати округов, а вовне я дошёл до четырех морей, где поставил Пять глав (правителей)» (Янш. С. 150).

Поэты пели оды великому Юю:

Всюду-всюду следы Юя,
Поделил (страну) на девять областей,
Проложил русла девяти рек.
У народа появились дома и храмы.
Для животных – пышные пастбища.
У каждого – довольство!
При доблести не стало смуты.

(Янш. С. 232)

В образах Яо и Юя древние китайцы воплотили свои мечты о справедливом правителе. Они стали величайшими мифическими героями китайского народа. Им противостоят антигерои. Ярчайший пример – Чжоу Синь.

Чжоу Синь

Правление этого антигероя венчает закат династии Инь. Категория справедливости была для Чжоу Синь недоступна. Он был отвратительным самодуром в политике. Упоение тиранической властью привело этого иньского самодура к тому, что он провозгласил себя небесным императором.

Подобно Цзе-вану, он проводил свою жизнь в развлечениях. Тысячи рабов построили ему в его столице башню Лутай – Оленью башню. С её высоты он любовался своими дворцами.

«В этих дворцах Чжоу поселил красивых женщин, которых насильно забирали из простых семей. Отовсюду привозили туда скакунов и породистых собак. Затем Чжоу разбил сады, воздвиг огромные павильоны и беседки со множеством доро-

гих птиц и редких диких зверей. Чжоу вместе с порочной, бесстыжей и льстивой знатью предавался в этих дворцах и парках необузданному разврату. Он приказывал наполнить пруд вином, развесить на деревьях куски мяса и раздеться догола всем мужчинам и женщинам. Они с хохотом гонялись друг за другом между деревьями. По его приказу музыкант Ши-цзюань сочинил несколько новых непристойных песен, которые сопровождались разнузданными танцами. Вся эта компания с утра до ночи пила и ела, ни о чём не заботясь. Прогнившая до мозга костей знать проводила всё своё время только в развлечениях» (Юань. С. 229).

Чжоу, чтобы в корне пресечь какие-либо попытки людей осудить его правление, ввёл для них жестокое наказание – *паого*.

«Наказание состояло в том, что бронзовые столбы мазали маслом и устанавливали их над костром, после чего велели “преступнику” босыми ногами шагать с балки на балку. Балки были горячие и скользкие, и человек, не пройдя и нескольких шагов, падал и сгорал на раскалённых углях, а Чжоу, его фавориты и любимая наложница смотрели на эту жестокую казнь и смеялись, это забавляло их» (там же. С. 229).

Не перечесть всех жестокостей, которые Чжоу позволял себе в отношении беззащитных людей. Он приказал убить повара, который подал ему недожаренные медвежьи лапы. Он собственноручно разрубил топором ногу старику, чтобы проверить, на самом ли деле у стариков, как ему сказали, мало костного мозга. Он приказал своим слугам вытащить сердце из груди Биганя за то, что тот осмелился напомнить ему о справедливости.

С садистской жестокостью Чжоу расправлялся со всеми, кто осмеливался ему противоречить. Вот как обстояло дело с некоторыми из них:

«У князя Цзю-хоу была красивая и добродетельная дочь. Чжоу потребовал, чтобы она стала его наложницей. Но девушка не захотела стать его игрушкой, и Чжоу в порыве гнева убил её. Затем он убил и её отца, приказав разрубить его на куски и

приготовить мясной соус. Когда Чжоу собирался казнить отца и дочь, сподвижник Цзю-хоу – Ао-хоу, который был таким же честным и храбрым, как Бигань, явился к Чжоу и выступил в защиту справедливости. Он потребовал, чтобы Чжоу помиловал невинных. Гнев тирана был подобен грому, он убил и Ао-хоу, осмелившегося ему противоречить. После этого он приказал отделить его мясо от костей, разрубить на куски и высушить» (там же. С. 230).

Когда Чжоу донесли, что Вэнь-ван осуждает его за казнь Цзю-хоу и Ао-хоу, тиран принял «милостивое» решение: он приказал заточить Вэнь-вана в глубокую подземную тюрьму Юли с окнами на крыше, но его «милости» не хватило на старшего сына Вэнь-вана Бо Икао. Душегуб приказал бросить его в котёл, заживо его сварить и сделать из его мяса похлёбку.

«Потом Чжоу велел поднести эту похлёбку Вэнь-вану и со злорадством сказал своим приближённым:

– Святой человек не станет есть суп, сваренный из мяса его сына.

Однако посланные вернулись и сообщили, что Вэнь-ван без колебания съел его. Чжоу ликовал» (там же. С. 231).

Вэнь-вану помогли освободиться его друзья. Они привезли Чжоу бесчисленные дары – много денег, необыкновенного скакуна, диковинного зверя *цзоууй* (он был похож на тигра, но его хвост был в три раза длиннее его тела), чёрную яшму, огромные раковины и т.п., но самое главное – девушку неописуемой красоты. Не выдержала душа развратника и он освободил Вэнь-вана. Другие подарки его мало волновали. Вожделенными глазами он смотрел на одну красавицу.

Вэнь-ван был чжоуским удельным князем. Вернувшись домой, он не мог ни спать, ни есть. Он мучительно думал о горестной судьбе своего старшего сына. Все его помыслы были направлены на свержение Чжоу Синя. Но эти замыслы ему не удалось осуществить. Их стал осуществлять его сын У-ван. Собрал войска, он отправился в поход против Чжоу Синя.

В битве с Чжоу Сином У-вану даже не пришлось обращаться за помощью духов – бога ветров и бога дождей, которые приня-

ли сторону чжоуского князя. Император был совершенно бездарным полководцем. Кроме того, его воины ощущали себя его безгласными рабами, а не защитниками. Вот почему они по существу отказались его защищать. Чжоу Синь бежал с поля боя в столицу. Нацепив на себя драгоценности, он забрался на Оленью башню и бесславно погиб на ней в огне.

Императором Поднебесной стал джоуский князь У-ван. Наступила пора императорской власти чжоусцев. Эпоха господства иньцев, к которым принадлежал Чжоу Синь, закончилась. Эта политическая перемена повлекла за собой значительное забвение иньских мифов и большее сохранение чжоуских. Вот почему чжоуский Хуан-ди заслоняет собой иньского Ди-цзюня. Последний остаётся в тени первого. В какой-то мере это коснулось и их окружения, однако в народной памяти джоуские боги так основательно перемешались с иньскими, что древнекитайские мифы воспринимаются в конечном счёте как единое целое.

2.5.2.6. ЯЗЫК

В китайских мифах мы находим животных, которые общались на своём, животном, языке. Такими были птицы в их царстве. Это царство создал повелитель Запада Шаохао. Они общались не на человеческом, а птичьем языке, хотя они, как люди, занимались сложными государственными делами. Юань Кэ пишет:

«Как было интересно в этом птичьем царстве, когда птицы собирались у трона обсуждать государственные дела. Вокруг всё было пёстро от разноцветных порхающих птиц, всюду слышно было лишь сплошное разноголосое птичье щебетание» (Юань. С. 66).

У одной птички была особая должность: «Маленькая короткохвостая птичка с пятнистой, словно вышитой шейкой, которая без отдыха воркует весь день с утра до вечера, представляла доклады трону» (там же. С. 65).

Языком в мифах владеют не только боги и люди, но и животные. Некоторые животные понимали человеческий язык. К ним принадлежал, например, Цинци – сын владыки Запада Шаохао. Его внешность, как и у многих других мифических персонажей, была комбинированной: он был похож на тигра, но имел крылья. При этом он был способен понимать человеческий язык.

Понимал человеческий язык и конь из мифа о богине шелководства Цань-шэнь. Когда она была ещё земной девушкой, в неё влюбился конь. Этот конь понимал человеческую речь, но не умел говорить. Однажды отец девушки отправился в далёкий путь. Прошло много времени, а он всё не возвращался. Девушка сказала коню: «Конь, а конь, вот если бы ты мог привести домой отца, я бы обязательно вышла за тебя замуж» (Юань. С. 106).

Недолго думая, конь разыскал отца и привёз его домой. Он ждал, что девушка исполнит своё обещание. Узнав о нём, отец убил коня. Но произошло чудо: шкура убитого коня приросла к Цань-шэнь и она приобрела способность превращаться в шелковичного червя с лошадиной мордой, из которой вытекала тонкая шёлковая нить.

В мифе о пастухе Нью-лане и небесной ткачихе Чжи-ньюй старый вол не только понимал человеческую речь, но и сам умел говорить по-человечьи. Нью-лан был очень беден. Он приложил много усилий, чтобы построить для себя домик на пустыре. Вол научил своего одинокого хозяина, как ему найти жену:

«Старый вол вдруг заговорил человеческим голосом и повел своему хозяину, что ткачиха вместе с другими феями пойдёт к Серебряной реке купаться, и велел в это время подкрасться и унести её одежду, сказав, что тогда он сможет сделать её своей женой» (Юань. С. 108).

Нью-лан так и сделал. Небесная ткачиха стала его женой. Молодожёны мечтали о семейном счастье, но этому счастью помешала Ванму – владычица Запада. Она была разгневана на Чжи-ньюй за то, что она вышла замуж за человека, да ещё родила ему двух детей.

Ванму приказала Чжи-нью вернуться в её небесный дворец. Ей ничего не оставалось, как подчиниться богине. Нью-лан был в отчаянии. Ему снова помог его вол. Он сказал:

– Нью-лан, Нью-лан! Я скоро умру. Сдери тогда с меня шкуру, накинь себе на плечи, и ты сможешь подняться в небесный дворец (там же. С. 109).

Нью-лан оказался на небе, но Ванму позволила ему встречаться с женой только один раз в год. А остальное время супруги могли видеть друг друга только издали: «Нью-лан с детьми так и живёт с тех пор на небе, и смотрят муж с женой друг на друга издали через Небесную Реку. Если уж совсем станет им грустно, то и у них есть выход – писать письма и передавать друг другу, обмениваясьсь новостями» (там же. С. 110).

Истоки китайской иероглифики возводят к восьми триграммам, с помощью которых Фуси обозначил небо, землю, воду, огонь, горы, гром, ветер и болота (Юань. С. 46). Но более совершенные иероглифы создал по приказу Хуан-ди четырёхглазый Цанцзе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Характерная черта древнекитайской мифической картины мира – её вариативность. В её основе лежат мифы, которые изображают одни и те же события (например, творение мира) в разных вариантах.

Вариативность древнекитайских мифов объясняется спецификой мифотворчества: авторы мифов жили в разное время, на разных территориях и принадлежали к разным племенным союзам.

Из вариативности древнекитайских мифов вытекает их некоторая противоречивость. Один из её важнейших источников – сосуществование у древних китайцев религиозных представлений двух племенных объединений – иньцев и чжоусцев.

Чжоусцы покорили иньцев. В результате иньские мифы оказались в тени чжоуских. Чжоуский главный бог Хуан-ди, в частности, заслонил собой иньского главного бога Ди-цзюна.

Мифотворчество чжоусцев, вместе с тем, не перечеркнуло иньских мифов. Они стали сливаться с чжоускими мифами. Чжоуские и иньские мифы в конечном счёте легли в основу в достаточной мере единой древнекитайской мифической картины мира.

Мифическая картина мира древних китайцев восстанавливается в этой книге в соответствии с четырьмя этажами мироздания – физической природой, живой природой, психикой и культурой. Вместе они составляют мир в целом.

МИР

Среди множества космогонических мифов на первом месте у китайцев оказался миф о Паньгу – гигантском первочеловеке, из которого возник весь мир. Паньгу вышел из космического яйца, которое чудесным образом возникло из первобытного хаоса. Выбравшись из этого яйца, Паньгу вырос до фантастического размера. Из его тела чудесным образом возникло мироздание: его левый глаз стал солнцем, правый – луною, плоть –

землей, кровь – реками, кожа и волосы на теле превратились в растения и т.д.

Возникший мир разделился на небо, землю и подземный мир.

НЕБО

Небо – обитель небожителей. Высшая власть на нём принадлежит пяти небесным владыкам – Хуан-ди (главному богу), Чжуаньсюю (богу Севера), Фуси (богу Востока), Янь-ди (богу Юга) и Шаохао (богу Запада).

Некоторые боги имели внешность людей и животных. К ним относились Нюйва и Фуси. У них было человеческое туловище и змеиный хвост. Чудовищным был первоначальный вид у богини Си-ванму (Бабки Запада). Она была похожа на человека, но имела хвост, как у барса, и клыки, как у тигра.

ЗЕМЛЯ

Земля – обитель людей. Они были созданы из глины великой богиней Нюйва. После мирового потопа все люди погибли. Прародителями нового поколения людей стали Фуси и Нюйва. Они были братом и сестрой, но им пришлось стать мужем и женой, чтобы возродить погибшее человечество. На этот раз люди возникли из кусочков мяса, которых родила Нюйва.

ПОДЗЕМНЫЙ МИР

Этот мир – обитель мёртвых. Его называли Юду (царством тьмы). В нём мучились души грешников. Его правителем был могущественный правитель подземного мира Хоу-ту. Городские ворота Юду охранял великан Ту-бо. Он был чудовищем.

Не все люди попадали после смерти в Подземный мир. Некоторые грешники оставались на земле, превращаясь в злых духов. Души праведников возносились на небо.

ФИЗИЧЕСКАЯ ПРИРОДА

ЗЕМЛЯ

Богом земли у древних китайцев был Хоу-ту. Он был потомком бога воды Гунгуна. Это свидетельствует о первичности воды по отношению к земле: земля вышла из воды.

Землю древние китайцы наделяли чудотворными свойствами. Один из ярких примеров её чудотворности описан в мифе о великом потопе. Гунь, первый его усмиритель, похитил из дворца Хуан-ди чудотворную землю *сижан*. Она была саморастущей. С помощью этой земли Гуню удалось приостановить потоп. Его дело продолжил его сын Юй. На этот раз саморастущую землю передал Юю сам Хуан-ди. С её помощью Юй боролся с потопом.

ВОДА

Бога воды Гунгуна древние китайцы называли богом разливов и потопа. Он был злым богом. Красноречивое тому свидетельство – его поведение во время великого потопа. Хуан-ди приказал ему остановить потоп, но он ослушался верховного владыки и наслал на землю новые потоки воды. Чжуаньсюй, преемник Хуан-ди, казнил Гунгуна.

Противоречивым был речной бог Хэ-бо. С одной стороны, он дал Юю план усмирения великого потопа, а с другой, он был так сладострастен, что требовал без конца всё новых и новых невест-утоплениц.

Сравнительно добрым богом был Юйцян. Когда он выступал в роли бога моря, он помогал морякам и рыбакам.

ВЕТЕР

Когда Юйцян выступал в роли бога ветра, он становился злым богом. Он насылал на людей страшные бури и ураганы. Подобные действия мог совершать и Тайфэн, но это божество такими действиями карало только грешников и преступников.

СОЛНЦЕ

Богиней солнца у иньцев была Сихэ. Она была женой верховного владыки Ди-цзюня. У них было десять сыновей-солнц. Девять из них убил небесный стрелок И, поскольку однажды они взлетели на небо все вместе, угрожая испепелить всю землю. Когда подстреленные солнца падали на землю, они превращались в мёртвых ворон.

Образ солнца связывали с птицей неслучайно: как и птица, солнце, с земной точки зрения, летает по небу.

ОГОНЬ

Богом огня у древних китайцев был Чжужун. Он был правнуком Янь-ди – чжоуского бога солнца. Это родство говорит о том, что древние китайцы видели в земном огне частицу солнечного огня.

На землю огонь принёс человеколюбивый бог Фуси, а добывать огонь с помощью трения людей научил мудрец Суйжень.

ЖИВАЯ ПРИРОДА

РАСТЕНИЯ

Древние китайцы обожествляли растения. Боги растений, с их точки зрения, делают землю плодородной.

Мир древнекитайских мифов наполнен множеством чудесных растений. К таким растениям в первую очередь принадлежит дерево бессмертия. Оно росло на горах Куньлунь возле дворца богини Си-ванму. Его плоды появлялись раз в тысячу лет. Из этих плодов Си-ванму делала снадобье бессмертия. К чудесным растениям относится также огромное дерево *цзяньму*, по которому Фуси забирался с землю на небо. Замечательный плод фантазии древних китайцев – дерево-женщина. На его ветвях росли маленькие дети.

ЖИВОТНЫЕ

Мир животных в древнекитайских мифах чрезвычайно многообразен. Они заселили его огромным числом фантастических животных. К священным животным китайцы относили четырёх животных – дракона, феникса, цилиня и черепаху. Особой популярностью пользовался дракон.

Мифический дракон стал символом Китая. Он имел причудливую внешность. Его изображали в образе, который напоминает змею, лошадь, тигра, птицу и других животных.

Среди других животных в древнекитайских мифах нередко встречаются такие животные как тигр, лиса, краб и др. Особым почтением пользовался конь. Мифические кони напоминают сказочных. Крылатые мифические кони могут перемещаться по воздуху со скоростью ветра.

Фантазия китайских мифотворцев заселила небо и землю множеством фантастических животных – таких, например, как чёрные пчёлы размером со слона, саранча-собака, крылатый тигр, зверь *фэй*, который похож на быка, но у него один глаз и змеиный хвост, зверь *фэйто*, похожий на барана, но у него девять хвостов и четыре глаза на спине, птица *бифан*, похожая на змею, но у неё четыре крыла, шесть глаз, птичий клюв и три ноги.

ПОЛУЛЮДИ-ПОЛУЖИВОТНЫЕ

Поистине неиссякаемой была творческая фантазия древнекитайских мифотворцев в соединении людей с животными. Они заселили мир такими существами, как полулюди-полусобаки, полулюди-полулошади, полулюди-полуобезьяны, полулюди-полуптицы, полулюди-полузмеи, полулюди-полурыбы и др.

ЛЮДИ

Ещё более изощрённой была фантазия китайских мифотворцев в изображении необычных людей. Вот лишь некоторые примеры: 1) великаны, рост которых достигал до тридцати метров, и карлики в двадцать сантиметров; 2) люди, сплошь

покрытые длинными волосами, похожими на наконечники стрел; 3) люди без костей, имеющие по одной руке и ноге; 4) люди с тремя или четырьмя головами; 5) люди, язык у которых рос от передних зубов к горлу; 6) люди лишь с одним глазом и одним зубом-сверлом; 7) люди, уши которых свисали до плеч; 8) люди с насквозь дырявой грудью; 8) люди, способные изрыгать огонь; 9) люди, не имеющие кишок; 10) люди, руки которых достигали до семи метров; 11) люди с одной рукой; 12) люди с одной ногой; 13) люди, ходящие на цыпочках; 14) люди с переплетёнными ногами и т.п.

ПСИХИКА

ЧУВСТВА

Боги могли выражать чувства такими способами, которые недоступны для людей. Так, одна из дочерей бога солнца Янь-ди была превращена отцом в дождевую тучу. Она плакала дождём о своей загубленной жизни.

Боги в выражении чувств в общем мало отличаются от людей. Они гnevаются, как люди, радуются, как люди, печалятся, как люди, и т.д. Они похожи на людей и в способности сдерживать чувства. Одни боги умеют это делать лучше, другие – хуже.

В древнекитайских мифах упомянуты страны, в которых живут люди в неизменном эмоциональном состоянии. В Стране трудолюбивых, например, люди всё время живут в смятении, а в стране Гушэго – в счастливой безмятежности.

УМ

Как боги, так и люди, чрезвычайно высоко ставят в древнекитайских мифах высокий ум. Таким был ум у небесного зверя и помощника Хуан-ди Байцзе. Он знал всех небесных и земных духов и оборотней, всех животных и полулюдей-полуживотных и т.д. Хуан-ди был от него в восторге.

Мудрым умом обладал Симэнь Бао – человек, который сумел обхитрить речного бога Хэ-бо. Мудрым умом обладал Цзян-

тайгун – старик, служивший сначала у правителя Вэнь-вана, а потом у его сына У-вана. Он высмеивал гадателей за их предсказания на панцирях черепах. Он умел дипломатически обойтись с самими богами.

КУЛЬТУРА

ПИЩА

Боги питались в основном той же пищей, что и люди. Они питались как растительной пищей (цветами, персиками, злаками и т.д.), так и животной. На небесном огне их повара готовили им вкусные блюда из рыбы и мяса. Однако у некоторых из них были особые блюда. Так, Хуан-ди ежедневно употреблял в пищу нефритовую пасту. Меньше всего забот о пище было у Чию – врага Хуан-ди: он питался песком, камнями и железом.

Боги учили людей добывать продукты питания более лёгкими способами, чем они умели это делать раньше. Так, Фуси научил людей делать рыболовные сети, а его помощник Гоуман – изготавливать силки для ловли птиц.

Боги отучили людей есть сырое мясо. Они научили варить или жарить его на огне, который им принес с неба Фуси.

Янь-ди, бог солнца, в свою очередь научил людей, как выращивать злаки.

Распространению животноводства у древних китайцев содействовал Хай – правитель иньцев. Он учил людей, как следует ухаживать за коровами и овцами.

Не могли обойтись мифотворцы и без упоминаний о чудесных источниках пищи. Так, в древнекитайских мифах упоминается животное *шижоу*. У него не было костей. Оно состояло из одного мяса. На месте отрезанного от него куска вырастало новое. Такое же чудесное животное было в Стране юэчжи. В ней водились овцы с большим хвостом. Люди отрезали этот хвост, но через некоторое время он отрастал у этих чудо-овец снова.

ОДЕЖДА

В древнекитайских мифах упоминается страна Сушэньго. Её жители напоминают о том, как люди одевались в далёкие времена. Они носили кабаньи шкуры и не имели какой-либо одежды, изготовленной из тканей.

Боги научили людей готовить ткани для одежды. Особенно ценился шёлк. Он появился чудесным образом из уст девушки по имени Цань-шэнь, которая умела превращаться в шелковичного червя. Она стала богиней шелководства. Шёлковые нити чудесным образом вытекали из её рта. Лэй-цзу, жена Хуан-ди, стала сама разводить шелкопрядов и научила этому людей.

Древние люди верили в чудотворную силу одежды. Об этом свидетельствует миф о Шуне. Когда он был ещё министром в правительстве Яо, его злобные родители захотели его погубить. Они подожгли его в сарае. Ему удалось спастись. Он снял одежду с нарисованной птицей, сшитую ему двумя жёнами, и сам превратился в птицу. Она выпорхнула из горящего сарая.

ЖИЛИЩЕ

Богом строительства у китайцев был Лу Бань. Он был не только небесным архитектором, который строил великолепные дворцы для небожителей, но и учил людей строить удобные жилища на земле.

Самый роскошный дворец был у Хуан-ди. Он располагался на священных горах Куньлунь, где жили небожители. Этот дворец был окружён пятью стенами с двенадцатью башнями. Вход во дворец охраняло восьмиголовое чудовище.

Свои стражники были и у людей. Самыми популярными среди них в народе были два брата – Шэньту и Юйлэй. Когда они умерли, они превратились в добрых духов, которые оберегали жилища от бесов.

ТЕХНИКА

Боги учили людей, как делать военную, транспортную, земледельческую, бытовую, строительную и прочую технику. Счи-

тается, что Хуан-ди изобрёл для людей повозку и лодку, бронзовые зеркала, котёл и глянный горшок для варки пищи и др. Фуси научил людей делать рыболовные сети, а его помощник Гоуман – силки для ловли птиц. Небесный пахарь Шэнь-нун научил людей делать соху. Бань, сын Шаохао, изобрёл лук и стрелы.

Особенно много техники изобрёл Лу Бань – бог строительства. Он научил людей делать строительные инструменты, Крестьян он научил делать колесо для подъёма воды на поля. Он изобрёл осадные лестницы для взятия городских стен во время войны.

РЕЛИГИЯ

К традиционным древнекитайским мифам примешивались даосские, буддистские и, в меньшей мере, конфуцианские сказания. Эти сказания не вписываются в подлинные древнекитайские мифы. Вот почему они не могут служить в качестве материала для реконструкции мифической картины древнего Китая.

Особенно много небылиц, по выражению Юань Кэ, насочиняли даосы. Они пытались вписать в древнекитайские мифы героев, которые по своей природе выглядят как инородные тела среди подлинных героев древнекитайских мифов. Своих героев они вставляли с одной целью – пропагандировать идеи Лао-цзы. Среди этих героев на первом месте стоит восьмёрка бессмертных даосов. К ним примыкают даосские маги-волшебники.

Свою лепту в модернизацию древнекитайских мифов внесли буддистские священнослужители. Они включали в эти мифы своих, буддийских, героев и свои представления о картине мира. Среди буддийских героев, в частности, в их вставках в древнекитайские мифы фигурирует самоубийца Ночжа и борец с бесами Вэйто. Но особенно пространной являются вставки, повествующие о буддийском аде. Эти вставки рисуют страшные картины мучений грешников в аду, но этих картин нет в древнекитайских мифах как таковых.

НАУКА

Древнекитайские мифы разбросаны по многим научным трудам. Отсюда следует их влияние на древнекитайскую науку. Особенно большое влияние мифические представления оказали на философию Лао-цзы.

Наука в свою очередь не могла не влиять на интерпретацию мифов. Свою интерпретацию мифов производили конфуцианцы. Вслед за своим учителем они стремились к подмене мифических событий историческими. Мифических императоров Яо, Шуня и Юя, в частности, они превратили в исторических императоров, которые якобы на самом деле жили в Поднебесной в III тысячелетии до н.э. Стремление к историзации выливалось у них в конечном счёте из научного в лженаучное.

К началу нашей эры в Китае появляются философы, настроенные критически в историзации мифов. К ним относится, в частности, Ван Чун (ок. 27–104).

Ещё большей критичностью по отношению к религии характеризуются труды Сюнь-Цзы (ок. 298–238 до н.э.). Не отрицая религии, их автор, вместе с тем, учил не придавать ей большого значения. В своей философии он дал весьма передовую для своего времени общенаучную картину мира. В этой картине мира представлены все этажи мироздания – физическая природа, живая природа, психика и культура.

ИСКУССТВО

Наиболее почитаемым видом искусства в древнекитайских мифах была музыка. С нею связаны очень многие мифические персонажи. Нюйва изобрела губной органчик, который назывался *шэнхуан*. Фуси в свою очередь создал музыкальный инструмент *сэ* и играл на нём печальные мелодии. Сочинял музыку сам Хуан-ди. В его дворце пели торжественные песни, сочинённые Небесным владыкой. Любили слушать музыку бог Запада Шаохао и бог Севера Чжуансюй. В правительстве Яо, великого императора Поднебесной, служил Куй – министр музыки и композитор.

Первые любовные песни, по преданию, сочинила Нюйцзяо – красивая девушка, которая стала женой императора Юя и которая трагически погибла. Под музыку китайцы пели также гимны и обрядовые песни. У них было два главных назначения – прославление богов и изгнание нечисти.

НРАВСТВЕННОСТЬ

Высокой нравственности людей учила великая богиня Нюйва, а также такие боги, как Фуси и Янь-ди. Они были самыми человеколюбивыми богами древнекитайского пантеона.

Высокой нравственности учили людей также такие герои древнекитайских мифов, как стрелок И и император Шунь. В основе их высокой нравственности лежит человеколюбие. Как тот, так и другой с неслыханной самоотверженностью служили людям.

Стрелок И совершил для людей семь подвигов. Первый из них – убийство девяти солнц, которые своими нестерпимыми лучами испепеляли всю землю, шесть других – убийство страшных чудовищ, которые пожирали людей.

Император Шунь был крестьянским сыном. Он – воплощённое терпение. Его злобные родители несколько раз покушались на его жизнь, но он продолжал относиться к ним с поразительным смирением и добротой.

ПОЛИТИКА

Древние китайцы мечтали об идеальном государстве. В таком государстве первоначально жили боги и люди, когда они жили в тесном общении друг с другом. Этот период может быть назван золотым веком в мифической истории древнего Китая.

Золотой век был прерван Хуан-ди после того, как люди поддержали его злейшего врага – Чию, стремившегося отнять у него престол властителя вселенной. Хуан-ди решил наказать людей. Он разделил богов и людей. Ещё в большей мере это сделал Чжуаньсюй – преемник Хуан-ди. Он приказал уничтожить дорогу, по которой люди с земли поднимались к богам на небо.

Боги отделились от людей. Их защитниками стали герои. Среди этих героев особым почтением пользовались император Яо и усмиритель великого потопа Юй.

В образе Яо мифотворцы воплотили мечты китайского народа о справедливом правителе. Несмотря на то, что он был императором, он вёл очень скромный образ жизни. Смысл своей жизни он видел в заботливом и справедливом отношении к своим подданным. Вину за беды, которые с ними случались, он брал на себя.

Юй совершил для спасения людей великий подвиг. В течение тринадцати лет он вёл борьбу с великим наводнением. Он вёл за собой страдающий народ. Юй победил. Шунь, император Поднебесной, передал ему свой престол. Новый император вёл в стране политику служения своим подданным. Он вошёл в мифическую историю Китая как Великий Юй.

ЯЗЫК

В древнекитайских мифах язык выступает как средство общения не только у людей, но и у животных. Как средство общения, которое было не менее интенсивным, чем у людей, язык выступает у птиц в их царстве. Царство птиц основал Шаохао. Он так удачно распределил в нём министерские должности, что оно процветало. Этому способствовал их собственный, птичий, язык.

Некоторые мифические животные прекрасно понимают человеческий язык, хотя сами говорить не могут. Таков конь в мифе о Цань-шэнь – богине шелководства. В этом мифе конь понимает человеческий язык не хуже людей, но сам говорить не может.

Имеются в древнекитайских мифах и говорящие животные. Яркий пример – говорящий вол в мифе о пастухе Нью-лане и небесной ткачихе Чжи-ньюй. На чистом древнекитайском языке этот вол, к примеру сказать, объяснил пастуху, как небесную ткачиху заполучить в жёны.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЯЗЫЧЕСТВО У ГРЕКОВ

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В древнегреческой мифической картине мира на первый план выдвинут физиогенез – происхождение физической природы. У древних греков, как и у других народов, физиогенез явно биологизирован: появление многих явлений природы в мифическом физиогенезе у них выглядит как рождение детей от брака между теми или иными богествами.

Вначале существовал лишь Хаос. Что он собой представлял? Нечто неопределенное, бесформенное, безграничное. Он породил богиню Земли Гею (следовательно, самую планету Земля). В глубине её родился Тартар – мрачная подземная бездна, будущее владение бога смерти – Аида.

Но Хаос породил не только Гею и Тартар, он создал также и любовь – Эрос, вечный мрак – Эреб и ночь – Нюкту. От брака Эреба с Нюктой родились вечный свет – Эфир и светлый день – Гемера. В свою очередь Гея родила беспредельное голубое небо – Урана, который взял себе в жены свою мать Гею. Вот как описывает эту картину Гесиод:

«Прежде всего во вселенной Хаос зародился, а следом Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный, сумрачный Тартар, в земных залегающих недрах глубоких, и, между вечными всеми богами прекраснейший, – Эрос, сладкоистомный – у всех он богов и людей земнородных душу в груди покоряет и всех рассужденья лишает. Чёрная Ночь и угрюмый Эреб родились из Хаоса. Ночь же Эфир родила и сияющий день, или Гемеру: их зачала она в чреве, с Эребом в любви сочетавшись. Гея же, прежде всего, родила себе равное ширью звездное небо, Урана, чтоб точно покрыл её всюду и чтобы прочным жилищем служил для богов всеблаженных» (Античная литература. Греция. Антология. Ч. 1. / Сост. Н. А. Федоров, В. И. Мирошенкова. М., 1989. С. 71).

От брака Урана и Геи (т.е. неба и земли) родилось 12 детей-титанов – шесть сыновей и шесть дочерей, а также шесть чудовищ – три циклопа и три пятидесятиголовых и сторуких великана. Уран был разгневан на чудовищ и заключил их в мрачный тартар. Обиженная Гея призвала своих детей-титанов отомстить Урану за детей-чудовищ. Только один титан – Крон – откликнулся на этот призыв и отнял верховную власть у Урана.

Физиогенез и теогенез (происхождение богов) в дальнейшем были обязаны своим продолжением различным бракам между титанами – братьями и сестрами. Так, от Гиппериона и Тейи родились солнце (Гелиос), луна (Силена), заря (Эос, или Аврора), от Астрея и Эос – звёзды и ветры (Борей – северный, Нот – южный, Зефир – западный и Эвр – восточный), от Океана и Федиты – реки и морские богини Океаниды. Но особым драматизмом характеризуется брак Крона с Реей.

Рея была вынуждена скормить пятерых своих детей их отцу, который боялся, что они отнимут у него власть. Крон проглотил Гестию (богиню домашнего очага), Деметру (богиню земледелия), Геру (будущую супругу Зевса), Аида (будущего владыку подземного царства) и Посейдона (будущего бога моря). Чтобы сохранить шестого ребёнка – Зевса, Рея спрятала его на о. Крите, где он и вырос в пещере. Вместо Зевса она дала проглотить Крону продолговатый камень, завёрнутый в пелёнки.

Зевс, возмужав, одержал победу над своим отцом Кроном и воцарился на Олимпе как верховный бог, освободив из чрева отца своих братьев и сестер. Со временем его стали окружать многие другие боги – дети тех, о которых мы уже сказали. В результате сформировался многочисленный пантеон древнегреческих богов.

Менее всего в древнегреческой мифической картине мира представлен биогенез. На него намекают те мифические персонажи, которых можно назвать полулюдьми-полуживотными. Это кентавры (полулюди-полулошади), сатиры (полулюди-полукозлы) и т.п.

В свою очередь с психогенезом связаны такие боги, как Мнемосина (богиня памяти), Гипнос (бог сна), Метис (богиня

разума) и др. С ними связаны боги чувств – Деймос (бог ужаса), Фобос (бог страха) и т.п.

В большей мере, чем биогенез и психогенез, у древних греков в их мифах выписан культурогенез. В этой сфере действовали такие боги и богини, как Деметра – богиня земледелия и плодородия, Артемида – богиня охоты, Пан – бог пастухов, Гермес – бог торговли и вестник богов, Асклепий – бог врачевания, Дионис – бог виноградарства и вина, Афродита – богиня любви и красоты, Арес – бог войны, Ника – богиня победы, Аполлон – покровитель науки и искусства, Гименей – бог брака, Эрот – божок любви, Афина – богиня мудрости покровительница городов и др.

Не все боги рождались естественным путём. Афина Паллада вышла из головы Зевса. Как это произошло? Богини судьбы мойры предсказали Зевсу, что от богини разума Метис у него родятся дочь и сын, который его убьёт.

«Испугался Зевс. Чтобы избежать грозной судьбы, которую сулили ему мойры, он, усыпив богиню Метис ласковыми речами, проглотил её, прежде чем у неё родилась дочь, богиня Афина. Через некоторое время почувствовал Зевс страшную головную боль. Тогда он призвал своего сына Гефеста и приказал разрубить себе голову, чтобы избавиться от невыносимой боли и шума в голове. Взмахнул Гефест топором, мощным ударом расколол череп Зевсу, не повредив его, и вышла на свет из головы громовержца могучая воительница, богиня Афина-Паллада. В полном вооружении, в блестящем шлеме, с копьем и щитом предстала она пред изумленными очами богов-олимпийцев. Грозно потрясла она своим сверкающим копьём. Воинственный клич её раскатился далеко по небу, и до самого основания потрясся светлый Олимп. Прекрасная, величественная, стояла она перед богами. Голубые глаза Афины горели божественной мудростью, вся она сияла дивной, небесной, мощной красотой. Славили боги рождённую из головы отца-Зевса любимую дочь его, защитницу городов, богиню мудрости и знания, непобедимую воительницу Афину-Палладу» (Легенды и сказания древней Греции и древнего Рима. Сост. А. А. Нейхардт. М., 1987. С. 44).

Надо помнить о полифункциональности греческих богов. Полифункциональной была не только Афина, но и другие древнегреческие боги. Чрезвычайно полифункционален Аполлон. Он был не только покровителем науки и искусства, он был также прорицателем будущего, врачом-целителем (Асклепий (Эскулап) – его сын); он был также божеством света, гармонического миропорядка (короче – гармонии) и т.д. Вот почему он шёл впереди девяти муз – Каллиопы (эпической поэзии), Эвтерпы (лирики), Эрато (любовных песен), Мельпомены (трагедии), Талии (комедии), Терпсихоры (танцев), Клио (истории), Урании (астрономии) и Полигимнии (священных гимнов).

СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ

Как и другие народы, древние греки делили мир на три области – небо, землю и подземное царство.

НЕБО

Высоко в небе, на Олимпе, обитает большинство греческих богов. Вот как выглядела их олимпийская жизнь:

«Высоко на светлом Олимпе царит Зевс, окружённый сонмом богов. Здесь и супруга его Гера, и златокудрый Аполлон с сестрой своей Артемидой, и золотая Афродита, и могучая дочь Зевса Афина, и много других богов... Пируют боги в своих золотых чертогах, построенных сыном Зевса Гефестом. Царь Зевс сидит на высоком золотом троне. Величием и гордо-спокойным сознанием власти и могущества дышит мужественное, божественно прекрасное лицо Зевса. У трона его – богиня мира Эйрена и постоянная спутница Зевса крылатая богиня победы Никэ» (Легенды и сказания древней Греции и древнего Рима. Сост. А. А. Нейхардт. М., 1987. С. 20–21).

Не всегда олимпийские боги пируют. У них свои заботы. Самая большая забота – у Зевса. Он следит за порядком на земле:

«С Олимпа рассылает людям Зевс свои дары и утверждает на земле порядок и законы. В руках Зевса судьба людей; счастье и несчастье, добро и зло, жизнь и смерть – всё в его руках. Два

больших сосуда стоят у врат дворца Зевса. В одном сосуде дары добра, в другом – зла. Зевс черпает в них добро и зло и посылает людям. Горе тому человеку, которому громовержец черпает дары только из сосуда со злом. Горе и тому, кто нарушает установленный Зевсом порядок на земле и не соблюдает его законов. Грозно сдвинет сын Крона свои густые брови, чёрные тучи заволокут тогда небо. Разгневается великий Зевс, и страшно подымутся волосы на голове его, глаза загорятся нестерпимым блеском; взмахнет он своей десницей – удары грома раскатятся по всему небу, сверкнет пламенная молния, и сотрясется высокий Олимп» (там же. С. 22).

Много забот было и у других олимпийских богов.

Гелиос. Великий бог солнца ежедневно заботится о жизни на земле:

«Звёзды бегут с небосклона при виде бога солнца и одна за другой скрываются в лоне тёмной ночи. Всё выше поднимается колесница Гелиоса. В лучезарном венце и в длинной сверкающей одежде едет он по небу и льёт живительные лучи на землю, даёт ей свет, тепло и жизнь» (Легенды и сказания древней Греции и древнего Рима. Сост. А. А. Нейхардт. М., 1987. С. 72).

Деметра. Эта богиня научила людей земледелию:

«Могущественна великая богиня Деметра. Она даёт плодородие земле, и без её благотворной силы ничто не произрастет ни в тенистых лесах, ни на лугах, ни на тучных пашнях» (там же. С. 63).

Гефест. Этот бог-кузнец был великим тружеником. Вот как он трудился в своей олимпийской кузнице:

«Посередине кузницы стоит громадная наковальня, в углу – горн с пылающим огнём и мехи. Дивные эти мехи: их не нужно приводить в движение руками, они повинуются слову Гефеста. Покрытый потом, весь чёрный от пыли и копоти, работает бог-кузнец в своей кузнице. Какие дивные произведения выковывает Гефест: несокрушимое оружие, украшения из золота и серебра, чаши и кубки, треножники, которые катятся сами на золотых колесах» (там же. С. 63).

Афина. «Афина покровительствует героям Греции, даёт им свои полные мудрости советы и помогает им, непоборимая, во время опасности. Она хранит города, крепости и их стены. Она даёт мудрость и знание, учит людей искусствам и ремеслам. И девушки Греции чтут Афины за то, что она учит их рукоделию. Никто из смертных и богинь не может превзойти Афины в искусстве ткать» (там же. С. 44).

Аполлон (Феб). Этот златокудрый бог света заботился не только об искусстве и науке, но и был великим воином. Он победил в жестокой схватке дракона-людоеда Пифона. Он сразил своими золотыми стрелами великанов-богоборцев Ота и Эфиальта и т.д. Не все его поступки были справедливыми. Так, он казнил сатира Марсия за то, что этот сатир осмелился вступить с ним в музыкальное состязание:

«Разве мог Марсий, житель лесов и полей, извлечь из флейты такие дивные звуки, какие слетали с золотых струн кифары предводителя муз Аполлона! Победил Аполлон. Разгневанный вызовом, он велел повесить за руки несчастного Марсия и сорвать с него живую кожу» (там же. С. 37–38).

ЗЕМЛЯ

На земле живут люди. Из воды и глины их создал Прометей. Он очень много трудился, чтобы сделать из них настоящих людей. Он прививал им культуру.

Вот как описала культурогеническую деятельность Прометей В. Смирнова в книге «Герои Эллады» (М., 1988. С. 184):

«Когда-то, в давние-давние времена, людей было мало на земле. Как звери, бродили, они по лесам, гонясь за добычей, ели сырое мясо, дикие плоды и коренья, покрывались звериными шкурами и от непогоды прятались в пещерах и дуплах деревьев. Разум у них был, как у малых детей; они были беспомощны в устройстве своей жизни и беззащитны против хищных зверей и грозных сил природы.

Прометей сжалился над людьми и захотел помочь им.

Он отправился к своему другу Гефесту, сыну Зевса, божественному кузнецу и мастеру. На острове Лемнос, в глубине

огнедышащей горы, была мастерская Гефеста. Жарко горел в огромном горне священный огонь, без которого невозможно никакое искусство и мастерство. Три одноглазых великана – Киклопа – работали в мастерской Гефеста. Две статуи, которые он сам отлил из золота, двигались, как живые, по мастерской, и хромой бог-кузнец опирался на них при ходьбе.

Прометей застал Гефеста за работой – бог-кузнёц ковал огненные стрелы-молнии для Зевса Громовержца. Прометей стоял и смотрел на искусную работу Гефеста. Когда же Киклопы стали мехами раздувать огонь в горне и сверкающие искры разлетелись по всей мастерской, Прометей поймал священную искорку и спрятал в пустой тростинке, которую держал в руке. Эту тростинку с искрой священного огня Прометей принёс людям, и люди зажгли от неё повсюду на земле костры, очаги и горны. Люди научились бороться с природой, добывать и обрабатывать скрытые в недрах земли медь и железо, золото и серебро и делать себе из них домашние вещи, оружие и украшения. Люди стали строить себе жилища из дерева и камня и корабли, окрылённые парусами, чтобы плавать по рекам и морям. Люди приручили диких животных и заставили коня носить на себе человека, а козу и корову – кормить его, и от овцы стали брать тёплую и прочную шерсть для одежды. Свет от священного огня прояснил мысли людей, пробудил их дремлющий ум, зажёл в их сердцах стремление к счастью.

И многому ещё научил Прометей людей с помощью священного огня. Он научил их варить целебный сок растений, который помогает при болезнях и ранах, и люди избавились от постоянного страха смерти. Прометей открыл им науку чисел и научил записывать знаками слова, чтоб передавать свои мысли тем, кто живёт далеко.

С гордостью смотрел Прометей, как люди становились сильнее, разумнее и искуснее во всяком труде».

За похищение огня с Олимпа Прометей был наказан Зевсом: он приказал богу-кузнецу Гефесту приковать Прометея к скале, где ему ежедневно клевал печень олимпийский орёл. Только Гераклу удалось освободить Прометея.

Почему Зевс был разгневан на Прометея за его помощь людям? Потому, что Зевс, а вместе с ним и другие боги, живущие на Олимпе, боялись потерять власть над людьми: чем больше люди знают и умеют, тем больше они становятся с ними на равных. В этом заложен глубокий смысл: чем большей культурой овладевает человек, тем более сильным, более могущественным он становится по отношению к окружающему миру. Он становится богоподобен!

ПОДЗЕМНЫЙ МИР

Подземное царство – владение Аида. Это царство мёртвых. Сюда Гермес переносит души умерших, где они томятся без света и желаний. С Аидом в его царстве живут богини мщения Эринии, судьи Минос и Радамант, а также и бог сна Гипнос. Здесь же обитает и Геката – богиня чудовищ и привидений. У неё три тела и три головы. Она способна терзать не только души мёртвых, но и живых.

Вот как выглядело, по представлениям древних греков, царство Аида:

«Глубоко под землёй царит неумолимый, мрачный брат Зевса, Аид. Полно мрака и ужасов его царство. Никогда не проникают туда радостные лучи яркого солнца. Бездонные пропасти ведут с поверхности земли в печальное царство Аида. Мрачные реки текут в нём. Там протекает все леденящая священная река Стикс, водами которой клянутся сами боги... По мрачным полям царства Аида, заросшим бледными цветами асфодела, носятся бесплотные лёгкие тени умерших. Они сетуют на свою безрадостную жизнь без света и без желаний. Тихо раздаются их стоны, едва уловимые, подобные шелесту увядших листьев, гонимых осенним ветром. Нет никому возврата из этого царства печали. Трёхглавый адский пёс Кербер, на шее которого движутся с грозным шипением змеи, сторожит выход. Суровый, старый Харон, перевозчик душ умерших, не повезёт через мрачные воды Ахеронта ни одну душу обратно, туда, где светит ярко солнце жизни. На вечное безрадостное существо-

вание обречены души умерших в мрачном царстве Аида» (там же. С. 25–26).

Мифическая картина мира, созданная древними греками – наиболее колоритная, наиболее яркая из всех политеистических картин мира. По сравнению с нею римская мифическая картина мира выглядит как её бледное подобие. Неслучайно поэтому в истории римской религии произошло отождествление римских богов с греческими.

Отсюда возникла синонимия имен греческих богов и римских: Зевс – Юпитер, Гера – Юнона, Гестия – Веста, Деметра – Церера, Посейдон – Нептун, Тюхэ – Фортуна, Артемида – Диана, Афродита (Киприда) – Венера, Эрот – Амур, Афина – Минерва, Гермес – Меркурий, Арес – Марс, Гефест – Вулкан, Дионис – Вакх. У римлян, конечно, были и национальные черты в их религии.

Так, у них были личные боги: у мужчин – гении, а у женщин – юноны. Личные боги – духи-покровители, ангелы-хранители того или иного человека. Но в целом римская мифология оказалась намного более бедной и сухой, чем греческая.

«Как бледны и сухи были образы римских богов (в отличие от красочных и ярких порождений греческой религиозной мифологии), – писал С. А. Токарев, – так же сух, трезв и строго формален был в Риме и культ этих богов» (*Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М., 1964. С. 421*).

ЯЗЫЧЕСТВО У ГЕРМАНЦЕВ

Вдохристианский период своей истории европейские народы, надо полагать, имели достаточно развитую политеистическую религию, однако со временем она стала вытесняться христианской, отчасти сливаясь с нею. Может быть, больше всего повезло исландским мифам, которые дошли до нашего времени, прежде всего, благодаря двум поэтическим сборникам – «Старшей Эдде» и «Младшей Эдде». Первая была составлена Семундом Сигфуссоном в XI–XII вв., другая – Снорри Стурлусоном в XIII в.

По исландскому эпосу, записанному в «Эдде», а также и по некоторым другим источникам удалось в какой-то мере реконструировать пантеон германских и скандинавских богов.

Верховным богом этого пантеона был Один (Водан), Он – бог бури и вихря. Вместе с тем он также и грозный бог-воитель. Богом грома и молнии у германцев был Тор (Донар), богом сияющего неба – Тиу (Циу), богом весны и растительности – Бальдер, богом плодородия – Фрейр, богом огня – Локи.

Скандинавы поклонялись трём богиням судьбы: богине прошлого – Урде, богине настоящего – Верданди и богине будущего – Скульде, мировому древу – ясеню Игдрасиль. Они трепетали перед чудовищным волком Фенриром, перед мрачной богиней смерти Хэль и страшным псом Гармром, которой стережет выход из её подземного царства, перед исполинским драконом Фафниром и др.

В «Эдде» наиболее ярко представлены генетические мифы. Правда, она не заходит вглубь истории так далеко, как греческая. В качестве отправного пункта вселенной в ней выступает не Хаос, а боги и йотуны – некие сверхъестественные гиганты. Из одного из них – Имира – боги создали небо и землю. Людей же они создали из деревьев: мужчин – из ясеня, а женщин – из ольхи.

Германские боги обитали в небесном жилище – Асгарде. Асгард – подобие греческого Олимпа. В отличие от греческих, германские боги не были бессмертными. Известен миф о гибели прекрасного бога весны Бальдера от стрелы злого и хитрого бога огня Локи. Более того, в «Старшей Эдде» изложен эсхатологический миф – миф о конце света. В этом мифе предсказывается чудовищная мировая катастрофа. Она уничтожит весь мир – включая и богов. Вот как она описана в «Эдде»:

«На востоке, средь леса железного, старая мать чудовищ сидела и Фенрира чад породила. Один из них некогда сделаться должен, в обличии зверя, губителем света. Станет питаться он мясом умерших, кровью обрызжет престолы богов... Залаял пес Гармр у пещер Гиппахэллира: узы расторгнуты, вырвался волк Фенрир... В распре кровавой брат губит брата; кровные

родичи режут друг друга; множится зло, полон мир мерзости. Век секир, век мечей, век щитов рассеченных, вьюжный век, волчий век, пред кончиною мира... С севера страшный корабль приближается – мёртвых везёт, правит Локи рулем. С волком несчётные мчатся чудовища... Солнце черно; земли канули в море, звезды срываются вниз с вышины. Пар всюду пышет, и, жизни питатель, лижет всё небо жгучий огонь...» (указ. соч. С. А. Токарева. С. 198).

Во всепоглощающем мировом пожаре погибнет вся вселенная! Однако за уничтожением мира должно последовать его возрождение. Мир воскреснет, и новые поколения богов и людей заживут в счастье и согласии.

Исландская эсхатология была создана, очевидно, под влиянием христианской апокалиптики, где тоже описана всемирная катастрофа, угрожающая всей вселенной. Вот один из фрагментов из «Откровения Иоанна Богослова (Апокалипсиса)»:

«И семь Ангелов, имеющие семь труб, приготовились трубить. Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть деревьев сгорела, и вся трава зеленая сгорела.

Второй Ангел вострубил, и как бы большая гора, пылающая огнем, низверглась в море; и третья часть моря сделалась кровью, и умерла третья часть одушевлённых тварей, живущих в море, и третья часть судов погибла.

Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде «полынь»; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки.

Четвёртый Ангел вострубил, и поражена была третья часть солнца и третья часть луны, и третья часть звезд...» (Библия, М., 1976. С. 13–32).

Подобные бедствия принесли чудовищные трубы пятого и шестого ангелов божьих. Зато, когда седьмой ангел вострубил, «раздались на небе громкие голоса, говорящие: царство мира

соделалось царством Господа нашего и Христа его» (там же. С. 13–35).

Вот, оказывается, в чём дело! Надо было уничтожить одну треть мира, чтобы над оставшимися его двумя третями воцарился всемогущий древнееврейский бог Яхве. На какие жертвы не пойдёшь ради господства над всем миром?

По мнению С. А. Токарева, «Апокалипсис», хотя он и включен в «Новый завет», проникнут «духом воинственного иудаизма» (там же. С. 473). Иисус в нём выступает лишь в виде небесного агнца (ягнёнка).

ЯЗЫЧЕСТВО У СЛАВЯН

У славян были свои мифические представления о трёх областях мира – небе, земле и подземном царстве.

НЕБО

Небо – обитель высших славянских богов. С некоторой долей условности (поскольку их функции не всегда ясны) мы можем поделить этих богов на две группы. В первую группу войдут боги, олицетворяющие физические явления природы, а во вторую – связанные с материальной (прежде всего – сельскохозяйственной) культурой.

У греков, между прочим, наиболее многочисленными были тоже эти две группы богов. Правда, по числу богов славянская мифология не может конкурировать с греческой. К первой группе славяне относили Перуна, Стрибога, Сварога, Сварожича, Дажьбога, Хорса, ко второй – Рода, Велеса, Ярилу, Ладу, Лель, Мокошь, Симаргла.

Только шесть из перечисленных богов великий князь Владимир Святославович в 978 (или в 980 г.) поместил в киевское языческое святилище. Вот как об этом рассказывается в «Повести временных лет», которая была составлена монахом Киево-Печерского монастыря Нестором около 1113 г.:

«Поставил (Владимир) кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряною головою и золотыми усами, и Хорса, Дажьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокоши. И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, и поклонялись бесам, и оскверняли землю жертвоприношениями своими» (*Волошина Т. А., Астапов С. Н. Языческая мифология славян. Ростов-на-Дону, 1996. С. 240–241*).

Понятно, почему Нестор даёт такую суровую оценку языческим богам: он был правомерным христианином.

Почему князь Владимир, который в 988 г. начнёт христианизацию Руси, поместил в языческое святилище только шесть отмеченных богов? Неясно. Зато известно, что он провозгласил верховным богом древнерусского государства (а следовательно, и славянского божественного пантеона) Перуна. Естественно поэтому начать характеристику этого пантеона с данного бога.

Перун

Подобно Зевсу, Перун был не только богом грома и молнии («*пярун*» по-белорусски значит «*гром*»), но и верховным богом, богом-вседержителем, богом-мироправителем. Н.М.Карамзин писал: «В России до введения христианства первую степень между идолами занимал Перун, бог молнии, которому славяне еще в VI веке поклонялись, обожая в нем верховного Мироправителя» (указ. соч. С. 72).

Об особом, наиболее почтительном отношении славян к Перуну говорит тот факт, что после принятия Владимиром христианства идола Перуна в Киеве не изрубили на куски и не сожгли, как других идолов, а опустили в воды Днепра. Двенадцать дружинников сопровождали кумир Перуна по мере продвижения его по течению реки до того момента, пока он не приблизился к острову.

Более того, образ Перуна не был полностью изжит из памяти народной и в дальнейшем. Этот образ трансформировался в христианстве в образ пророка Ильи, который ездит по небу

на огненной колеснице. Мы можем сказать, что 20 июля – не только Ильин, но и Перунов день. Этот день обычно воспринимается у нас как окончание купального сезона.

Возможно, образ Перуна связан с животным тотемом – конём. Вот почему славянские сказки и былины изображали его в виде всадника на коне или на колеснице, который поражает своею палицей Змея Горыныча. Победа над ним означала освобождение дождя, несущего земле живительное плодородие. Мы наблюдаем здесь слияние мифологии с народным искусством – фольклором.

А. Н. Афанасьев писал: «Трудные подвиги богатырей и их битвы с великанами и змеями суть только образные, поэтические изображения естественных явлений, так могущественно влияющих на производительность земли. Солнце, закрываемое темными тучами, в народных сказках представляется девою неопикуемой красоты, похищаемой змием, который уносит её в свои неприступные горы и ограждает крепкими затворами; освободителем красной девицы является богатырь, владетель чудодейственного меча-саморуба, то есть сам Перун, божество грозы и молнии; он проникает в мрачные подземелья, выпивает там всю сильную воду и поражает змия, или, говоря простым обыкновенным языком, он разбивает тучи уссовей, проливает на землю дождь и выводит из змеиных пещер деву-солнце» (там же. С. 76–77).

Но Перун, по религиозным представлениям, – не только защитник людей, за их проступки он может карать людей неурожаем, голодом или поветрием (эпидемией). В подобных представлениях просматривается нравственная функция Перуна, основанная на устрашении. Имея в виду эту функцию, М. М. Херасков в поэме «Владимир возрожденный» так описывал Перуна:

«Боги велики, но страшен Перун! Ужас наводит тяжёла стопа, как он, в предшестве страшной грозы, мраком одеян, вихрями повит, грозные тучи ведёт за собою...» (там же. С. 82).

Стрибог

По мнению многих исследователей, Стрибог старше Перуна. Вот почему его функциональная природа не поддается строгому объяснению. Его определяли и как верховного бога славянского пантеона, и как деда ветров, и как бога погоды, и как бога-строителя добра, и как бога-отца, и как бога неба.

Две последние точки зрения на функциональную природу Стрибога могут быть объединены в одну. Это позволит говорить об этом боге как небе-отце всей вселенной. Генетическая сторона славянской мифологии держится на догадках. Так, если Стрибога расценивать как небесного отца, то в качестве его жены следует рассматривать мать сыру землю.

Опираясь на древнейшие мифические представления, А. Н. Афанасьев писал: «Летнее небо обнимает Землю в своих горячих объятиях, как невесту или супругу, рассыпает на неё сокровища своих лучей и вод, и Земля становится чреватой и несёт плод, не согретая весенним теплом, не напоённая дождями, она не в силах ничего произвести. В зимнюю пору она каменеет от стужи и делается неплодной...» (там же. С. 107).

Во времена Владимира Великого верховный статус Стрибога в славянском пантеоне был уже утрачен. Этот статус перешёл к Перуну, однако и авторитет Стрибога оставался ещё высоким. Вот почему его идол был выставлен Владимиром в киевском языческом святилище среди других пяти славянских богов.

Сварог, Сварожич, Дажьбог, Хорс

Сварог и его сын Сварожич, Дажьбог и Хорс – солнечные божества. Во многом их функции переплетаются. Может, поэтому Владимир оставил в своем капище только двух из них Хорса и Дажьбога? К чему являть солнце в четырёх божественных лицах, если достаточно двух? Выбор пал на Хорса и Дажьбога.

Тем не менее солнечных божеств у славян было больше, что свидетельствует о том, что солнцу они отдавали предпочтение перед всеми другими явлениями природы. Как здесь не согласиться с нашими предками! Действительно, без солнца наша

планета так и осталась бы мёртвым телом – без жизни, без души, без творчества. Солнечные божества, вместе с тем, имели у славян и некоторые специфические черты. Это позволяет нам говорить о них как о разных божествах.

Сварога можно охарактеризовать не только как бога солнца, но и как бога культуры. Вот как о нём пишут Т. А. Волошина и С. Н. Астапов: «Итак, Сварог в славянской мифологии – бог небесного огня и одновременно податель культурных благ. Согласно верованиям славян Сварог первый начал ковать железо и научил этому людей, сбросив им с неба клещи; установил законы моногамной семьи; сделал первый плуг и научил людей плужному земледелию; победил змея; построил мощные укрепления – Змиевы валы» (указ. соч. С. 92).

В Средние века Сварог был заменен святыми Кузьмой и Демьяном. Они известны славянам прежде всего как покровители семьи и кузнечного дела (см. книгу Б. А. Рыбакова «Язычество древних славян. М., 1981. С. 547).

Сварог – не просто олицетворение небесного огня (солнца), он и его творец, создатель, демиург. Согласно легенде, опубликованной в первом томе трёхтомной книги А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» (М., 1865), были времена, когда солнца ещё не было. На земле стояла полутьма. Сварогу в связи с этим было трудно наблюдать за людьми. Он нашел выход – вынул из-за пазухи огромное небесное светило – солнце, которое своими лучами стало освещать людские дела.

Сварожич и Дажьбог – дети Сварога. Дажьбога часто сравнивают с древнегреческими Аполлоном. Оба они – боги солнечного света, солнечных лучей. По славянским поверьям, Дажьбог живет далеко на востоке, где вообще не бывает зимы. Рано утром он выезжает на своей колеснице, запряженной огнедышащими белыми конями, из своего золотого дворца и освещает солнечными лучами землю в течение дня. У него есть две сестры – Утренняя Заря и Вечерняя Заря. Первая утром запрягает былыми конями его колесницу, а другая распрягает её вечером и заводит их в небесную конюшню на ночь.

Если Сварог – бог небесного огня, то его сын Сварожич – бог земного огня. Особым почитением у славян пользовался огонь под овином (овинный огонь). Овин – это место, где разжигался огонь для сушки снопов перед молотью. Сварожич, таким образом, был близок в первую очередь славянским земледельцам. Перед овинным огнем они возносили хвалу Сварожичу, обращались к нему с молитвами и приносили ему жертвы.

Итак, Сварог – бог небесного огня, Сварожич – бог земного огня и Дажьбог – бог солнечного света, а каким же богом был Хорс? Богом солнечного диска (круга). Его функции трудно различимы с функциями Сварога и Дажьбога. Образ Хорса часто рисовался славянам в виде белого коня, бегущего по небосклону с востока на запад. Конь – священное животное у славян. Они верили, что именно кони позволяют связать в единое целое весь мир – небо и землю, богов и людей.

Род

Восточнославянского Рода по традиции называют богом плодородия, однако, исследования Б. А. Рыбакова – самого авторитетного специалиста в области славянского религиоведения – должны, наконец, указать нам на подлинное место Рода в славянском пантеоне.

Б. А. Рыбаков в основном опирался на три источника – «Слово об идолах», «Слово Исаяи-пророка» и «О вдуновении духа в человека». Два первых датируются XII веком, а последний – рубежом XV–XVI вв. В этих источниках Род обычно упоминается вместе с двумя рожаницами – хозяйками мира, богинями рождения.

Автор первого из названных источников определяет Рода как предшественника Перуна, который, очевидно, до своего верховенства в славянском пантеоне был богом войны. Отсюда легко сделать вывод о том, что до Перуна у славян верховным богом был тот, которого восточные славяне называли Родом, а западные – Святовитом. Вот почему в «Слове об идолах» Род ставится на один уровень с Озирисом – верховным богом древних египтян.

Автор второго из указанных источников восклицал: «Вы же бесовскими песнопениями славите идолов Рода и рожаниц и губите пророчества книг» (Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 446).

В этом тексте Род ставится в один ряд с Яхве (Саваофом) и Христом, что вновь свидетельствует о верховном статусе Рода.

В третьем источнике Род ставится на один уровень снова с библейским Богом-творцом. Автор этого текста пишет: «Всем бог есть творец Бог, а не Род» (там же. С. 449).

Подобные свидетельства позволили Б. А. Рыбакову сделать следующий вывод: «Род оказывается всеобъемлющим божеством Вселенной со всеми её мирами: верхним, небесным, откуда идёт дождь и летят молнии, средним миром природы и рождения и нижним с его «огненным родством». Тогда становится понятным противопоставление Рода христианскому богу Вселенной Саваофу. Этот взгляд на Рода закрепляется данными, получаемыми из ранних переводов, где книга Бытия, в которой повествуется о сотворении мира, именуется «Родьство», а бог – творец – «рододелатель» (там же. С. 453).

Неутомимая борьба христианских церковников с культом Рода у славян привела их к почти полному его забвению. Эта борьба привела, по мнению Б.А.Рыбакова, к следующей цепочке трансформаций образа Рода-Святовита у славян: Род – Стрибог (бог неба) – Дажьбог (бог солнца) – Переплут (бог подземного царства) – Свет – Христос. Культ Рода, в конечном счете, сменился культом Христа. Сам факт подобной замены подтверждает главенство Рода-Святовита в славянском божественном пантеоне до Стрибога и до Перуна. Этот факт свидетельствует также и о том, почему культ Рода с таким ожесточением искоренялся христианскими богословами из языческого сознания древних славян: Род был конкурентом библейского Бога, а также христианского Бога Иисуса Христа.

Велес

Если Род-Святовит был универсальным славянским богом, то Стрибог, Перун, Сварог, Сварожич, Дажьбог и Хорс были фи-

зическими богами – в том смысле, что сфера их влияния распространялась в основном на явления физической природы. Зоны биогенеза и психогенеза в славянской мифологии оказались неразработанными.

С Велеса (или Волоса) начинается культурная зона этой мифологии. Б. В. Аничков называл его богом торговли и культуры. Он писал: «Бог торговли оказывался и богом вообще культуры, отчего Велес представлялся в XII в. книжникам родоначальником всей древней культуры и искусства, в частности, и песнетворчества» (Аничков Б. В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914. С. 339).

Велес относится к числу древнейших славянских богов. Вот почему его функциональная природа со временем менялась. Первоначально, по мнению Б. А. Рыбакова, он воспринимался как дух убитых на охоте животных, а позднее он получил свою ведущую, животноводческую, функцию. Вот почему чаще всего в старых летописях он фигурирует как «скотий бог», бог крупного скота и животноводства вообще.

Велес постепенно трансформировался у славян в христианского святого Власия. Последнему передались и основные черты языческого бога. В житии св. Власия говорится о том, что он был пастухом, который однажды совершил чудо: заставил волка возвратить бедной вдове похищенного у неё поросенка. Неслучайно, по свидетельству В. И. Даля, Власьев день (11 февраля ст. ст.) русские крестьяне называли коровьим праздником и кормили в этот день своих коров хлебом. В этот же день обычно рядились в звериные маски и вывороченные тулупы.

Ярило, Лада, Лель

Ярило – мужское, а Лада и Лель – женские божества плодородия (земледелия).

Ярило – олицетворение весны, приносящей растениям пробуждение от зимней спячки. Ярилин день отмечали то в начале весны, то в ее конце. В первом случае он представлялся молодым юношей на белом коне в белой одежде и босой, а во втором – дряхлым стариком, символизирующим окончание весны.

Б. А. Рыбаков высказал предположение о том, что Лада и Лель (Леля) – это те самые рожаницы, те самые хозяйки мира, те самые богини рождения, которые упоминались рядом с Родом. Позднее они получили и другие функции. Ладу считают матерью Лели. Первую называют то богиней брака и веселья, то богиней любви и красоты, то богиней плодородия. Т. А. Волошина и С. Н. Астапова считают, что Ярило и Лада – разнополые ипостаси весенних растительных сил. Лелю же называют богиней молодой весенней зелени.

Мокошь и Симаргл

Мокошь – единственное женское божество, оказавшееся во владимирском капище. Она – богиня любви и рукоделия. Христианским воплощением Мокоши стала Параскева Пятница. Пятница у славян считалась мокошиным днём, и Параскева, жившая в III в., всегда чтила этот день, поскольку именно в пятницу распяли Христа.

Симаргл (Переплут) обычно сопровождал Мокошь. Это божество растительности, охранитель семян и молодых побегов. Он имел облик собакоптицы, крылатого пса. Считают, что это божество заимствовано из иранской мифологии.

ЗЕМЛЯ

Земля, по славянским повериям, – обитель не только людей, но и низших духов – упырей, полевиков, русалок, кикимор, виев и др. Особенной известностью пользовались домовые, лешие и водяные. Об их принадлежности к низшим мифологическим персонажам свидетельствует тот факт, что они – мертвяки, т.е. люди, умершие неестественной смертью.

Домовой

Домовой – покровитель дома. Его называли также хозяином, дедушкой, сысоем, кормильцем, карнаухим и т.д. Место его жительства представлялось по-разному: то под печкой, то под порогом, то в подполье, то на чердаке, то в печной трубе и т.д. Домовой помогает трудолюбивым хозяевам и наказывает

ленивых и распутных. Внешне его обычно представляли в виде маленького старичка, а иногда и в облике умершего или живущего хозяина дома. Но, по поверьям, он может превращаться в кошку, корову и других животных. У него может быть злая жена – Кикимора.

Леший

Это дух леса. Он живёт обычно в густой лесной чаще. Лесное эхо – это отклик лешего. Внешне он похож на человека, но, вместе с тем, и имеет отличительные признаки – острые зубы, острую голову, острую бороду, один глаз, перевернутую на одной ноге ступню – пяткой вперёд и др. Иногда ему приписывают копыта, рога и звериные шкуры. Он может также быть оборотнем. Леший не столько вредит человеку, сколько над ним потешается, но если его рассердят, он способен и погубить его.

Водяной

Это дух воды. В России его также называли водяным дедушкой, водяным шутком, водяным чёртом, омутником и т.д. Водяному больше приписывают злых качеств, чем добрых, поскольку он, по поверьям, топит людей в воде, чтобы сделать из них своих рабов. У него большая борода, зелёные усы, чешуйчатая кожа. Он может превращаться в рыбу, лягушку и т.п. существ. Водяной – владыка всех утопленников, которые сами становятся водяными.

ПОДЗЕМНЫЙ МИР

Подземное царство у славян подобно земному, но у него есть важная особенность – перевернутость. Что это значит? У Б. А. Успенского читаем: «...на том свете правое и левое, верх и низ, переднее и заднее и т.п. меняются местами, т.е. правому здесь соответствует левое там, солнце движется в загробном мире с запада на восток, реки текут в обратном направлении, когда здесь день, там ночь, когда здесь зима, там лето и т.д. и т.п.: оба мира – посюсторонний и потусторонний – как бы видят

друг друга в зеркальном отображении» (Успенский Б. А. Избр. Тр. Т. 1. М., 1994. С. 321).

ВЕДИЗМ, БРАХМАНИЗМ, ИНДУИЗМ

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В большей мере данный аспект индийской религии, прошедшей через три периода – ведический, брахманический и индуистский, разработан в «Ведах».

«Веда» – это собрание древних религиозных текстов, созданных в Индии приблизительно во второй половине I тысячелетия до н.э. В переводе с санскритского *веды* значит *знания*.

«Веда» состоят из четырёх частей – «Ригведы», «Самаведы», «Яджурведы» и «Атхарваведы». Две первых части посвящены главным образом ведической мифологии, а две последних – ведической обрядологии. Самая древняя часть «Вед» – «Ригведа». В ней содержится 1028 мифологических гимнов, которые уходят в седую древность индийских верований. Среди этих гимнов мы находим разные варианты космогенеза. Рассмотрим некоторые из них.

Первый вариант космогенеза у индийцев – в начале были одни воды, из которых в дальнейшем и возник мир. В одном из гимнов «Ригведы» читаем:

«Водами поистине было это вначале, лишь морем. Эти воды размышляли: “Как могли бы мы размножиться?” Они прилагали усилия, они предавались тапасу. После того, как они предались тапасу, возникло золотое яйцо. Нерождённым был тогда год. Это золотое яйцо плавало столько времени, сколько длится год. Из него возник через год человек. Это был Праджапати... Он пробил это золотое яйцо» (Антология мировой философии в четырех томах. Т. 1. Ч. 1. М., 1969. С. 71).

Как видим, очень туманная картина здесь выписана: из золотого яйца возник первый человек, который, как ни странно, разбил то яйцо, из которого он сам вышел. Выходит, что он разбил уже разбитое яйцо?

Что такое *тапас*? По-видимому, это туманный образ полового соития. Об этом мы можем подумать, прочитав следующие слова из «Ригведы»: «От великого тапаса зародилось единое, покрытое пустотою. И началось тогда с желания, – оно было первым семенем мысли... носители семени были... Вождеделение – внизу, усилия – вверху» (там же. С. 72).

Второй вариант космогенеза у индийцев связан со следующими словами из «Ригведы»: «Тогда не было ни сущего, ни не-сущего; не было ни воздушного пространства, ни неба над ним...».

По этой версии выходит, что в начале не было ничего. Мир возник из пустоты. Но как же из ничего, из пустоты могло возникнуть что-то? Этот мучительный вопрос стоял и перед автором данного гимна. Неслучайно, что он говорит о происхождении мира часто в вопросительной форме:

«Кто поистине знает, кто теперь бы поведал, откуда возникло это мироздание? Боги появились послед сотворения его (выходит, что мир по этой версии не создан богами. – В. Д.). Но кто же знает, из чего оно возникло? Из чего возникло это мироздание, создал ли кто его или нет? Кто видел это на высшем небе, тот поистине знает. А если не знает?» (там же).

Третий вариант космогенеза в «Ригведе» антропологический. Он изображает происхождение мира из гигантского первочеловека Пуруши. Но по этой версии выходит, что боги появились ещё до сотворения мира, поскольку именно они принесли «Тысячеглавого, тысячеглазого и тысяченогого» Пурушу в жертву, рассекли его тело на части и сотворили из них этот мир. Из разума Пуруши появился месяц, из глаза – солнце, из рта – огонь, из дыхания – ветер, из пупа – воздух, из головы – небо, из ног – земля.

Но не только физиогенез обязан своим происхождением Пуруше. Ему обязан также биогенез и, в какой-то мере, культурогенез (в частности, стихотворные размеры и деление людей на касты). В «Гимне Пуруше» читаем:

«Пуруша – это всё, что стало и станет... Стихотворные размеры возникли от него... От него возникли лошади и другие

животные с верхними и нижними зубами. Коровы возникли от него, от него возникли козы и овцы... Брахманом стали его уста, руки – кшатрием, его бёдра стали вайшьей, из ног возник шу-дра» (там же. С. 72–73).

Брахманы – жрецы (высшая каста у индийцев), кшатрии – воины, вайшьи – земледельцы и шудры – рабы (самая низшая каста).

СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ

ВЕДИЗМ

По одной из архаических версий, первыми богами ведического пантеона были бог неба Дьяус и богиня земли Притхиви. Они стали родителями всего живого. Однако эта версия представлена в «Ригведе» на стадии угасания.

Подлинным верховным богом ведического пантеона стал Индра. Он родился не так, как другие:

«Индра был любимым сыном Адити, матери богов, самым могучим из её сыновей. Рассказывают, что он родился не так, как другие её дети, а необычным путём, при рождении чуть было не погубив свою мать. Едва появившись на свет, он схватился за оружие. Устрашённая необычным рождением сына и его грозным обликом, Адити спрятала Индру; но он явился перед всеми в золотых доспехах сразу после рождения, наполнив собою вселенную; и мать преисполнилась гордости за могучего сына» (Тёмкин Э. Н., Эрман В. Г. Мифы древней Индии. Изд. 2. М., 1982. С. 19).

Индра был великим богом-воителем. В «Ригведе» он сам о себе говорит:

«Ко мне взывают люди, владельцы коней, в тяжелой боевой нужде. Я тот могучий, который подстрекает к ратному делу и вихрем вздымает пыль в своей всеокрушающей силе» (С. А. Токарев. Религия в истории народов мира. М., 1964. С. 253).

Другие боги ведического пантеона: Адити – богиня земли, Агни – бог огня, Сурья – бог солнца, Сома – бог луны, Ваю – бог ветра, Рудра – бог грозы и бури, Ушас – богиня зари. Каждый

из этих божеств – олицетворение того или иного явления природы.

Ведические гимны показывают, что древние индийцы часто отождествляли эти явления природы с самими богами. Вот почему они могли видеть, скажем, бога Агни в самом огне. Глядя на жертвенный огонь, они взывали:

«О Агни, прими благосклонно сие полено, моё приношение; воспылай ярко и распусти свой священный дым; коснись гривой до небесной выси и соединишь с лучами солнца. О владыка божеств, отгони от нас врагов, пошли нам с неба дождь, подай нам пищу неистощимую, напои нас досыта. Ты, младший из богов, их вестник, ты ходишь умным посредником между родом людским и богами и с обоими дружишь» (там же. С. 255).

БРАХМАНИЗМ

На верховное положение в божественном пантеоне в брахманизме выдвигается новый бог – Брахма. Его полномочия становятся необозримыми. Он выглядит как создатель и владыка всего мироздания.

Брахма стал повелителем не только богов, но и других древнеиндийских мифических персонажей (асуров, ракшасов, якшей и др.). Вот почему нельзя сказать, что Брахма пришёл на смену Индре, как, например, Зевс – на смену Крону или Чжуансюй – на смену Хуан-ди. Индра остался царём богов. Он оказался в одном ряду с другими царями – у асуров, ракшасов, людей и т.д. Над всеми этими царями, вместе с тем, возвысился Брахма.

Брахма упоминается в древнеиндийских мифах в ситуациях, когда к нему, как к повелителю вселенной, боги, асуры, ракшасы и др. обращаются за помощью. Он им помогает советом, но сам, как правило, в разрешении критических ситуаций непосредственно не участвует. Индра, напротив – самое активное действующее лицо в мифах древней Индии. Он непосредственно участвует в событиях, происходящих как на небе, так и на земле.

Брахму, как и китайского Хуан-ди, обычно изображают четырёхликим. Между тем в мифе о Савитри, женщине невиданной красоты, у Брахмы пять голов:

«Когда он взглянул на неё, в сердце его родилась любовь, и он вскричал: “О, сколь ты прекрасна!”. Он не мог наглядеться на неё. Смущённая его неотрывным взглядом, Савитри отошла в сторону и стала по правую руку от него. Но Брахма всё ещё не хотел оторвать от неё взор, и на плечах его возникла вторая голова, обращённая вправо. Савитри встала слева от него, и слева у Брахмы появилась третья голова. Когда она спряталась за его спину, четвёртая голова выросла у него сзади. Она взлетела в поднебесье – и тогда стало у Брахмы пять голов» (Тёмкин Э. Н., Эрман В. Г. Мифы древней Индии. Изд. 2. М., 1982. С. 75).

По числу голов и рук Брахму превзошёл Равана – царь ракшасов. У него было десять голов и двадцать рук.

Хранителями мира Брахма назначил Индру – владыку Востока, Яму – владыку Юга, Варуну – владыку Запада и Куберу – владыку Севера. У каждого из них были особые функции: *Индра* – бог грома и молнии, *Яма* – бог подземного царства и смерти, *Варуна* – бог океана, *Кубера* – бог богатства.

«Индре Брахма даровал власть над Востоком, страной богов. С той поры Восток охраняет Айравата, белый слон Индры, главный из мировых слонов-дигнагов; огромные, как горы, с четырьмя клыками у каждого, эти слоны с четырёх сторон держат землю» (Тёмкин Э. Н., Эрман В. Г. Мифы древней Индии. Изд. 2. М., 1982. С. 97).

На земле живут люди. Их прародителем стал Вивасват (будущий бог солнца Сурья). Первые люди были бессмертными. Со временем их расплодилось чересчур много:

«Было время, когда смерти не знали на земле. Люди, потомки Вивасвата, вначале были бессмертными. В Критаюге, Золотом веке, они не ведали греха и жили на земле счастливо, в мире и благоденствии. Так шло время, и живые существа на земле рождались и не умирали; они умножались бесконечно и совсем заволокли её. Наконец Земля взмолилась к Брахме – она уже не могла выносить долее такое бремя» (там же. С. 25).

Брахма нашёл выход: из своего тела он породил женщину-смерть:

«Брахма сказал: “О Смерть, я предназначил тебя уничтожать живущих! Иначе быть не может! Ступай не колеблясь, госпожа. Исполни моё веление”. И Смерть, не сказав больше ни слова, отправилась в путь и явилась в мир. Но всё же Прародитель даровал ей милость: слёзы, которые она пролила, превратились в болезни, убивающие людей в назначенный срок; страсти и пороки ослепили человеческий род и стали причиной гибели живых существ. Поэтому искони нет вины на Смерти. Брахма сделал её госпожой справедливости; свободная от любви и ненависти, исполняет она его веление» (там же. С. 26).

Первым смертным стал Яма. Он стал владыкой подземного царства.

«Там течёт кровавая и огненная река Вайтарани, и туда уходят души тех, кто совершил тяжкие грехи на земле... Слуги его, кинкары, – страшные обликом, с красными волосами, острыми ушами и широкими пастями, одетые в чёрное, – уносят в царство Ямы души умерших, за которыми их посылает бог смерти» (там же. С. 97).

«Варуне принадлежит Запад. Он правит в великолепном белом дворце, построенном Вишвакарманом на дне океана. Этот дворец окружен восхитительными садами, где на деревьях растут драгоценные камни и поют птицы невиданной красоты, где никогда не бывает ни слишком холодно, ни слишком жарко» (там же).

«Севером правит Кубера, царь царей, владыка богатств и повелитель якшей. Окруженный цветущими садами и рощами, стоит там чудесный город Алака, обитель Куберы. Там реки и озёра полны золотых лотосов, и стаи лебедей посещают их воды, а по берегам бродят дикие слоны, антилопы, буйволы, медведи и всякое другое зверье. Владения Куберы, полные сокровищ, охраняют свирепые якши, ракшасы и киннары» (там же. С. 98).

Другие боги брахманического пантеона: Шива (бог бури), Вишну (одно из олицетворений солнца), Парвати (супруга

Шивы), Лакшми (супруга Вишну и богиня красоты и счастья) и др.

Отличительная черта Шивы – злобная вспыльчивость. Но когда она проходила, он становился милостивым (Шива значит *Милостивый*). Его первое имя – Рудра. Вот как он вёл себя, когда боги обделили его в доле от жертвоприношения:

«Разъяренный Рудра напал на сыновей Адити (т.е. богов. – В. Д.) и концом своего лука выбил зубы богу Пушану, хранителю дорог и стад; Бхаге, тому, который дарует людям счастливую долю, он выбил глаза; Савитара, бога солнечного света, лишил его лучеподобных рук. Разбегаясь в смятении во все стороны, боги подняли такой крик, что лопнула тетива на луке Рудры. Лишь тогда они осмелились приблизиться к нему, и стали молить его о пощаде. Мудрому Брихаспати, сыну Ангираса, жрецу и наставнику богов, удалось умиротворить Милостивого. Рудра бросил свой гнев в воду, и гнев его стал огнём, от которого вода обратилась в пар. Он вернул Пушану зубы, Бхаге – глаза, а Савитару – руки» (там же. С. 18).

Отличительная черта Вишну – оборотничество. Он мог превращаться во что угодно и в кого угодно. Однажды асуры в войне с богами одержали победу. Властителем вселенной стал асур Бали. Богам грозило пересечение в царство Ямы. Вишну спас богов:

«Вишну обернулся карликом и пришёл к Бали, властителю вселенной, и попросил у него для себя столько пространства, сколько он сможет отмерить тремя шагами... Бали согласился отдать карлику столько пространства, сколько он просит. Тогда карлик вырос неизмеримо на глазах у потрясённого Бали; и одним шагом он пересёк небесные сферы, а вторым покрыл сразу всю землю. Третьего шага Вишну не сделал; по просьбе Брахмы он пощадил благородного Бали и оставил в его владении подземный мир, Паталу. Так боги вернули себе власть над вселенной, асуры же были изгнаны в подземный мир» (там же. С. 54).

Общение с Брахмой было доступно только высшей касте людей – брахманам. С его именем в первую очередь связыва-

ют деление всех людей на четыре касты. От его уст произошли брахманы, от рук – кшатрии, от бёдер – вайшьи и от ног – шудры.

В качестве ведущей черты брахманического периода в истории индийской религии С. А. Токарев усматривал обожествление брахманов и связанного с ним установления кастового строя, законодательно закреплённого в сборнике «Законы Ману». Вот что в нём говорилось о брахманах:

«Брахман, рождаясь для охранения сокровищницы дхармы (священного закона), занимает высшее место на земле как владыка всех существ. Всё, что существует в мире, – это собственность брахмана; вследствие превосходства рождения именно брахман имеет право на всё это. Брахман ест только своё, носит своё, даёт своё; все другие люди существуют по милости брахмана» (там же. С. 259).

ИНДУИЗМ

В индуистской религии главным богом остаётся Брахма, однако его верховенство в пантеоне становится формальным. На передний план выдвигаются два бога – бог-созидатель Вишну и бог-разрушитель Шива. Более того, в мифе «Видение Маркадея» эти три бога сливаются в Вишну-Нараяну – единого бога в трёх образах. Он говорит о себе:

«Я – Вишну-Нараяна, которому принадлежит эта вселенная: солнце, луна и звёзды, земля и море, страны света и годы. Я – бог, единый в трёх образах. Как Брахма, я создаю мир, как Вишну – храню его, как Шива – разрушаю... Всякий раз, когда отступает справедливость и торжествует беззаконие, я нисхожу на Землю в разных обликах» (Мифы древней Индии. Сост. Г. Б. Туркевич и Е. Б. Туркевич. СПб., 1997. С. 130).

Выдвигаются новые боги: богиня-воительница Кали, бог войны Сканды, слогоголовый бог учёности Ганеша, бог-спаситель Кришна, юный бог любви Кама, царь птиц Гаруда и др.

Рождение богини Кали – диво дивное, чудо чудное:

«Пламя Шивы стало её лицом, силы Ямы – её волосами, мощь Вишну создала её руки, бог луны сотворил её грудь, опо-

ясала её сила Индры, могущество Варуны даровало ей ноги, Притхиви, богиня земли, сотворила её бёдра, пятки ей создал Сурья, зубы – Брахма, глаза – Агни, брови – Ашвины, нос – Кубера, уши – Ваю. Так возникла Великая богиня, могуществом и грозным нравом превосшедшая всех богов и асуров» (там же. С. 215).

Бог войны Сканды – сын Шивы. На седьмой день после своего рождения этот чудо-младенец победил владыку асуров Тараку:

«Взмахом окованной железом палицы Сканды снёс голову Тараки с могучих плеч, и владыка асуров рухнул мёртвый на поле боя, как поваленное бурей огромное дерево. В пыль упал золотой венец Тараки, и вместе с ним покрылись пылью его былые деяния, его сила, власть и слава. А боги, ликуя, праздновали победу, и радостные крики огласили поле сражения. Так подвиг юного Сканды, славного сына Шивы и Умы, избавил небожителей от страданий и унижений, и власть над вселенной снова вернулась к богам» (там же. С. 184).

Появление слогоголового бога в индуистском пантеоне связано с особыми обстоятельствами. Его отца, Шиву, недаром называли богом-разрушителем. От его взгляда у ребёнка, ставшего в будущем Ганешей, отвалилась голова. Пришлось приставлять к его телу голову слона. Другие не прирастали. Вот как дело было дальше: «Сарасвати, богиня мудрости, принесла ему в дар перо и чернила, и Ганеша стал богом учёности» (Тёмкин Э. Н., Эрман В. Г. Мифы древней Индии. Изд. 2. М., 1982. С. 97).

Широкую популярность завоевал Кришна (в переводе с санскрита *Тёмный*). До вознесения на небо он был человеком и, как Иисус Христос, воспринимается индусами в первую очередь как спаситель (избавитель, защитник). Ещё в детстве он помогал людям – спасал их от демонов, от лесного пожара, от змей, от дождя и т.д. В юности он был пастухом, а затем стал воином и политиком. При этом он был божественно любвеобилен: у него было более 16 000 жен, с каждой из которых он мог быть одновременно (точное число – 16 109).

Индуизм имеет довольно разработанную структурную картину мира. Она отображает три части вселенной – небо, землю и преисподнюю. Земля состоит из семи островов, омываемых семью морями. На главном острове – Джамбудвипе – находится гора Меру, на вершине которой расположен город Брахмы.

Под землю расположено семь подземных миров, которые опираются на космического змея Шешу. Он держит на себе всю вселенную, а сам плавает в мировых водах. В подземных мирах живут демоны-асуры – слуги владыки преисподней, бога смерти Ямы.

Устройство индуистского неба в некоторой степени реалистично. С одной стороны, на нем обитают боги, а с другой, на нём находятся реальные созвездия. Так, Полярная звезда, по индуистским представлениям, – центр звёздного мира. На расстоянии 10 миллионов лиг от неё (1 лига = 5 км) находится один из небесных миров, где живут святые, а в 10 миллионах лиг от последнего обитают сыновья Брахмы. Над их миром помещается мир покаяния и мир высшей истины. Каждый из небесных миров последовательно окружен водой, огнём, воздухом, разумом и, наконец, некоей божественной субстанцией.

БУДДИЗМ

Буддизм во многом вырос из брахманизма и индуизма. Вот почему буддийская картина мира во многом напоминает индуистскую, хотя и отличается от последней большей абстрактностью. Вот как описывает буддийскую картину мира, взятую в её структурном плане, Валерий Владимирович Евсюков в книге «Мифы о вселенной» (Новосибирск, 1988. С. 130):

«...космология буддизма... в целом восходит к древней трёхчленной схеме мироздания. Вселенная представляется состоящей из трёх расположенных друг над другом миров: нижнего – *кама дхату* (мир чувств), среднего – *рупа дхату* (мир форм), верхнего – *арупа дхату* (мир отсутствия форм). Каждый

из них, в свою очередь делится на ярусы, обитатели которых отличаются друг от друга степенью совершенства. Жители нижнего из миров наименее совершенны, им присущи грубые плотские потребности. Обитатели среднего мира стоят на ступень выше – они не испытывают чувственных влечений, но ещё сохраняют брентную оболочку, форму (поэтому этот мир и называется миром форм). О живущих в высшем из миров в буддийских сочинениях говорится, что поскольку они не имеют видимого тела, невозможно сказать что-либо об их внешности. Цель бытия состоит в том, чтобы, постепенно совершенствуясь, избавиться от всего грубого и чувственного и попасть в число высших небожителей».

Центральное место в буддийской картине мира занимает учение о перерождении, или реинкарнации. Это учение было заимствовано буддистами из брахманизма. Его суть сводится к тому, что жизнь того или иного существа не ограничивается только его жизнью. Она может множество раз возрождаться в других существах – в том числе и в животных. Чем более праведной была жизнь в последнем теле, тем больше у нее шансов возродиться в человеческом теле, а не животном.

«Самым благоприятным для достижения спасения, – пишет в связи с этим А. Н. Кочетов, – является перерождение в “стране людей”, потому что здесь человек может узнать об учении Будды, которое выведет его за пределы сансары» (Кочетов А. Н. Буддизм. М., 1983. С. 86).

Область сансары – это область страданий, а она в буддизме совпадает с областью жизни. Вполне закономерное совпадение! Поскольку жизни без страданий не бывает! Путь к избавлению от них Будда Шакьямуни указал в «Дхаммападе».

«Дхаммапада» – бесценный памятник мировой культуры. В ней собраны нетленные изречения великого индийского мудреца, известного в первую очередь под именем Будды (Просветлённого или Пробуждённого), жившего в 566–476 или 563–473 годах до н.э. Вот другие его имена: Сиддхартха (тот, кто достигнет своей цели) Гаутама (или Готама) и Шакьямуни (мудрец из шакьев). Его называли также победителем, благо-

словенным, в добре ушедшим и т.д. (Мифологический словарь. Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М., 1992. С. 619).

Мы должны быть благодарны Владимиру Николаевичу Топорову (1928–2005), который осуществил перевод «Дхаммапады» с самого авторитетного, палийского, оригинала. Он писал: «Прелесть Дхаммапады заключается в необыкновенном изяществе её сутр, каждая из которых представляет собой законченный афоризм, поражающий ёмкой краткостью и образностью» (Дхаммапада / Пер. с пали, предисловие и комментарии В. Н. Топорова. М., 1960. С. 50).

По поводу слова *Дхаммапада* у В. Н. Топорова читаем: «Название *Дхаммапада* состоит из двух слов, каждое из которых многозначно. О слове “дхамма” будет подробнее сказано ниже; сейчас же стоит только заметить, что оно могло значить “добродетель”, “закон”, “учение” (в частности, буддийское), “религия”, “элемент”, “качество”, “вещь”, “явление” и т. д. Слово “пада” в равной степени означало “стезя”, “путь”, “место”, “средство”, “причина”, “основа”, “слово”, “стих”, “нога”, “след” и т. д. Поэтому теоретически существует очень большое количество возможностей для объяснения названия Дхаммапады. Они определяются сочетаемостью слов одного (дхамма) и другого (пада) ряда. “Стезя добродетели”, “Стезя закона”, “Стезя учения”, “Стезя религии”, “Основа добродетели”, “Основа закона”, “Основа учения”, “Слово о добродетели”, “Слово о законе”, “Слово об учении”, “Стихи о добродетели”, “Стихи о законе” и т. д. – все эти переводы слова *Дхаммапада*, а также ряд других, почти в одинаковой степени удачны или, напротив, неудачны» (там же. С. 34).

В «Дхаммападе» 423 изречения. Они помещены в 26 глав, где мы находим высказывания её автора о серьёзности (2 гл.), о мысли (3 гл.), о цветах (4 гл.), о глупцах (5 гл.), о мудрых (6 гл.) и т.д. В настоящей статье я пытаюсь наметить путь, направленный на систематизацию изречений Будды по категориям духовной культуры. Базовой категорией религии является вера, науки – истина, искусства – красота, нравственности – добро, политики – справедливость и языка – единение.

ВЕРА

Самому Будде и в голову не могло прийти, что он станет основателем новой религии, которая наряду с христианством и исламом станет мировой. Он воспринимал себя как нравственного учителя. Своим превращением в бога Будда обязан его последователям. С течение многих столетий буддийские богословы мифологизировали жизнеописание Будды.

Если мы освободим жизнеописание Будды от мифологических наслоений, то обнаружим, по крайней мере, четыре важнейших события, произошедшие в жизни последнего из земных будд:

- 1) встреча со стариком, больным, покойником и монахом;
- 2) побег из дома в 29 лет и шестилетнее отшельничество;
- 3) открытие четырёх благородных истин и восьмеричного пути к избавлению от страданий в 35 лет;
- 4) нравственное учительство в течение 45 лет и смерть.

Уход принца Сиддхартхи из роскошного царского дворца от отца, мачехи, жены и только что родившегося сына выглядит невероятным, но он достоверен, как достоверны и другие важнейшие события его жизни. Вот почему от буддийских богословов потребовалась работа, направленная на обожествление Будды. К достоверным фактам, взятых из его реальной жизни, они стали примешивать мифологию. Как это делалось? Только два примера:

1. Перед рождением Сиддхартхи его матери привиделся сон: в её лоно вошёл белый слон. Мудрецы истолковали этот сон как знамение великого будущего у её сына.

2. Среди учеников Будды оказался и его двоюродный брат Девадатта. Он завидовал Будде и не раз пытался его убить, чтобы самому возглавить монашескую общину – сангху. «Однажды, когда Будда сидел и читал проповедь, брат столкнул на него с высоты большой тяжёлый камень. Но камень раскололся надвое и упал по обе стороны от Будды.

В другой раз Девадатта натравил на учителя буйного слона Налагири. Взбешенное животное накинулось на Будду с не-

укротимой яростью. Досточтимый Ананда, увидев, что зверь мчится к учителю, попытался, рискуя жизнью, закрыть его своим телом. Но Будда уже направил на обезумевшего слона мощное сияние духовной любви. Он попросил Ананду отойти в сторону и вышел вперёд, излучая, как всегда, всеобъемлющую доброжелательность. С каждым шагом Налагири всё больше и больше ощущал на себе воздействие этой необычайной силы, а приблизившись к Будде, совсем успокоился и снова стал смиренным и послушным» (*Хаммалава Саддхатисса. Жизнь Будды: zagumyonnov.16mb.com/node/391*).

Эти примеры показывают, что мифологизация Будды осуществлялась с помощью обязательного атрибута любой религии – чуда. В первом случае речь идёт о том, что камень, чтобы пощадить Будду, чудесным образом раскололся надвое, а во втором Будда чудесным образом умирят всбесившегося слона.

Надо, вместе с тем, сказать, что даже мифологизированный Будда в сотворении чудес чрезвычайно отстаёт от Иисуса Христа, который, как известно, превращал воду в вино, камни – в хлеб, а мёртвых – в живых.

Будда довольно редко обращался к мифам. Лишь изредка он упоминает об Индре, Брахме, Яме и др. Но Яма у него часто уступает место Мару – богу зла. Он упоминает о Мару больше, чем о каком-либо другом боге. Вот некоторые примеры:

7. *«Того, кто живёт в созерцании удовольствий, необузданного в своих чувствах, неумеренного в еде, ленивого, нерешительного, – именно его сокрушает Мара, как вихрь – бессильное дерево».*

8. *«Того, кто живёт без созерцания удовольствий, сдержанного в своих чувствах и умеренного в еде, полного веры и решительности, – именно его не может сокрушить Мара, как вихрь не может сокрушить каменную гору».*

37. *«Те, которые смирят свою мысль, блуждающую вдалеке, бредущую в одиночку, бестелесную, скрытую в сердце, освободятся от Мары».*

57. *«Мара не находит тропы тех, кто благороден, кто живёт исполненный серьёзности и кто свободен благодаря совершенному знанию».*

273–274. *«Лучший из путей – восьмеричный, лучшая из истин – четыре слова; лучшая из дхамм – уничтожение страстей; лучший из двуногих – тот, кто прозорлив. Вот путь, и нет другого для очищения зрения. Следуйте по нему. Всё иное – наваждение Мары».*

350. *«Кто находит удовлетворение в спокойной мысли, постоянно размышляет, думает о неприятном, именно тот положит конец желаниям, тот уничтожит путы Мары».*

Мара олицетворяет всё, с чем должен бороться человек. Он выступает у Будды как библейский дьявол, стоящий на пути к духовному совершенству. Но повсюду он указывает, что человек способен победить Мару.

По представлениям буддистов, выход из сансары в высшее блаженство, в нирвану есть не что иное, как прекращение реинкарнации, т.е. смерть. При этом речь идёт о смерти окончательной – такой, которая не позволит жизни умершего вновь возродиться. Такая окончательная смерть и избавит жизнь от страданий.

Между тем у Будды имеется и другое толкование нирваны. Оно состоит в том, что к нирване можно приблизиться до смерти. Для этого необходимо стать абсолютно свободным от земных привязанностей и желаний:

89. *«Те, чей ум должным образом опирается на начала просветления, отказавшиеся от привязанностей, радующиеся освобождению, с уничтоженными желаниями, полные блеска, они в этом мире достигли нирваны».*

351. *«Он достиг совершенства, он бесстрашен, и у него нет желаний; безупречный, он уничтожил тернии существования; это его тело – последнее».*

ИСТИНА

Что есть истина? Адекватная модель предмета познания. Если в качестве такого предмета выступает весь универсум, то истину о нём можно назвать универсальной или всеобъемлю-

щей. Она представляет собою адекватную (научную) картину мира.

О научной картине мира по отношению к Древней Индии говорить преждевременно. Научная картина мира, вместе с тем, рождалась из религиозной. Об этом в какой-то мере свидетельствует «Дхаммапада».

Будда был равнодушен к вопросам, связанным с устройством мироздания в целом. Его интересовала главным образом только одна его область – нравственность. Вот почему в «Дхаммападе» мы не найдём универсальной картины мира. Её автор стремился в первую очередь к созданию нравственного учения. Он вступил на путь создания той науки, которую Л. Н. Толстой назвал *наукой о том, как жить*. Эта наука называется этикой.

Поиск ответов на этические вопросы привёл Будду к четырём благородным истинам. Вот они:

3. В мире есть зло, страдания, и они случайны.

4. Зло и страдания имеют своё происхождение: они зависят от рождения, которое в свою очередь определяется привязанностями.

5. Если устранить причину, то зло и страдания прекратятся.

6. К прекращению зла и страданий ведёт благородный восьмеричный путь: правильный взгляд, правильные намерения, правильная речь, правильные поступки, правильная жизнь, правильные усилия, правильная память, правильное сосредоточенное размышление.

В этих истинах нет религиозности. Здесь есть попытка Будды направить науку о том, как жить, в объективное русло.

Поиск объективных истин не мог не привести Будду к размышлениям о природе познания. Процесс познания представлялся ему как мучительный поиск истинных мыслей. Этот поиск мучителен потому, что такие мысли часто ускользают от размышляющего человека. Их трудно удержать в сознании. Их место сплошь и рядом занимают ложные мысли. Вот почему истинную мысль Будда называет дрожащей, трепещущей, легко уязвимой и т.д.

В «Главе о мысли» читаем:

33. *«Трепещущую, дрожащую мысль, легко уязвимую и с трудом сдерживаемую, мудрец направляет, как лучник стрелу».*

35. *«Обуздание мысли, едва сдерживаемой, легковесной, спотыкающейся где попало, – благо. Обузданная мысль приводит к счастью».*

36. *«Пусть мудрец стережёт свою мысль, трудно постижимую, крайне изошрённую, спотыкающуюся где попало. Стережённая мысль приводит к счастью».*

42. *«Что бы ни сделал враг врагу или же ненавистник ненавистнику, ложно направленная мысль может сделать ещё худшее».*

43. *«Что бы ни сделали мать, отец или какой другой родственник, истинно направленная мысль может сделать ещё лучшее».*

КРАСОТА

Высшей формой красоты Будда считал духовную красоту. Вот почему духовные достоинства человека он расценивал как проявление красоты, а духовные недостатки – как проявление безобразного. О красоте, например, говорит уважительное отношение к старым:

109. *«У того, кто почителен и всегда уважает старых, возрастают четыре дхаммы: жизнь, красота, счастье, сила».*

О красоте свидетельствуют добродетельность, самоуглублённость, мудрость, энергичность и т.п. достоинства человека, а о безобразном – порочность, распущенность, невежественность, лень и т.п. недостатки человека. Между достоинствами и недостатками – дистанция огромного размера. Вот почему:

110. *«Один день жизни добродетельного и самоуглублённого лучше столетнего существования порочного и распущенного человека».*

111. *«Один день жизни умудрённого и самоуглублённого лучше столетнего существования невежественного и распущенного человека».*

112. *«Один день жизни обладающего кипучей энергией лучше столетнего существования ленивого и лишённого энергии человека».*

Духовную красоту Будда превозносил над телесной. Более того, в человеческом теле он видел источник безобразного. Об этом говорят, например, такие его изречения:

147. *«Взгляни на сей изукрашенный образ, на тело, полное изъянов, составленное из частей, болезненное, исполненное многих мыслей, в которых нет ни определённости, ни постоянства».*

148. *«Изношено это тело, гнездо болезней, бренное; эта гнилостная груда разлагается, ибо жизнь имеет концом – смерть».*

150. *«Из костей сделана эта крепость, плотью и кровью оштукатурена; старость и смерть, обман и лицемерие заложены в ней».*

41. *«Увы! Недолго это тело проживёт на земле, отверженное, бесчувственное, бесполезное, как чурбан».*

ДОБРО

Будда учил добру и предостерегал от зла:

15. *«В этом мире сетует он и в ином – сетует. В обоих мирах злочинец сетует. Он сетует, он страдает, видя зло своих дел».*

16. *«В этом мире радуется он и в ином – радуется. В обоих мирах творящий добро радуется. Он радуется не нарадуется, видя непорочность своих дел».*

117. *«Если даже человек сделал зло, пусть он не делает его снова и снова, пусть не строит на нём свои намерения. Накопление зла – горестно».*

118. *«Если человек сделал добро, пусть он делает его снова и снова, пусть строит на нём свои намерения. Накопление добра – радостно».*

127. *«Ни на небе, ни среди океана, ни в горной расселине, если в неё проникнуть, не найдётся такого места на земле, где бы живущий избавился от последствий злых дел».*

183. *«Неделание зла, достижение добра, очищение своего ума – вот учение просветлённых».*

Будда истолковывал добро как золотую середину между двумя крайностями. В своей первой проповеди, которую называют Бенаресской, он говорил пяти своим слушателям:

«Существует две крайности, о монахи, от которых человек, ведущий духовную жизнь, должен оставаться вдали. Какие же это две крайности? Одна – жизнь наслаждений, преданная похотям и удовольствиям; это жизнь низменная, неблагодарная, противная духу, недостойная, ничтожная. Другая крайность – жизнь добровольных страданий; это жизнь мрачная, недостойная, ничтожная.

Совершенный стоит далеко от обеих этих крайностей; он познал путь, который лежит посредине, путь, который открывает глаза, открывает ум и который ведёт к покою, к познанию, к просвещению, к нирване!

Это есть восьмичленный путь, который называется так: праведная вера, праведное решение, праведное слово, праведное деяние, праведная жизнь, праведное стремление, праведное воспоминание, праведное самоуглубление. Вот это, монахи, есть тот срединный путь, который познал совершенный и который ведёт к покою, к познанию, к нирване.

Святая истина о страданиях такова: рождение есть страдание, старость есть страдание, болезнь есть страдание; соединение с немым есть страдание, разлука с милым есть страдание; недостижение желаемого есть страдание; короче говоря, пятикратная привязанность (к земному) есть страдание.

Святая истина об источнике страдания такова: это есть жажда (стремление к бытию), которая ведёт от возрождения к возрождению, вместе с наслаждением и страстью, которая то тут, то там находит своё наслаждение; жажда наслаждений, жажда бытия, жажда могущества.

Святая истина о прекращении страданий такова: устранение этой жажды через полное уничтожение желания, чтобы оно совсем ушло, через отчуждение от него, через освобождение

ние от него, через лишение его всякой опоры. Вот святая истина о пути к прекращению страдания...

С тех пор, как я, монахи, обладаю этим познанием четырёх святых истин в их полной ясности, я знаю, что в этом мире, а также и в мире богов, в мире Мары и Браммы, среди всех существ, аскетов и брахманов, богов и людей я достиг высшего достоинства Будды. И я познал это и созерцал это; впереди для меня нет уже новых рождений» (Культурология. Ред. Л. Д. Столяренко, Самыгин С. И. Изд. 4-е. РнД, 2010. С. 224–225: <http://www.studfiles.ru/preview/430243/page:9>).

Высшая цель буддийской этики – прекращение страданий. Основное средство к её достижению – преодоление желаний. Победа над желаниями и привязанностями – самая трудная победа. Это победа над самим собой. Будда учил:

103. *«Если бы кто-нибудь в битве тысячекратно победил тысячу людей, а другой победил бы себя одного, то именно этот другой – величайший победитель в битве».*

104. *«Поистине, победа над собой человека, живущего в постоянном самоограничении, смилившего себя, лучше, чем победа над другими людьми».*

106. *«Пусть некто месяц за месяцем тысячекратно в течение ста лет совершает жертвоприношения, и пусть другой воздаст честь – хотя бы на одно мгновение, – совершенствующему себя. Поистине, такое почитание лучше столетних жертвоприношений».*

145. *«Строители каналов пускают воду, лучники подчиняют себе стрелу, плотники подчиняют себе дерево, добродетельные смиряют сами себя».*

216. *«Из желания рождается печаль, из желания рождается страх; у того, кто освободился от желания, нет печали, откуда страх?».*

342. *«Люди, гонимые желанием, бегают вокруг, как бегают перепуганный заяц. Связанные путами и узами, они снова и снова в течении долгого времени возвращаются к страданию».*

360–361. *«Сдержанность зрения – хороша, сдержанность слуха – хороша, сдержанность обоняния – хороша, сдержанность языка – хороша. Сдержанность тела – хороша, сдержан-*

ность речи – хороша, сдержанность мысли – хороша, сдержанность во всём – хороша».

Состояние полной отрешённости от земных страстей – вот идеал, к которому должен стремиться человек. Только в этом состоянии страдания исчезают. Только в этом состоянии человек приближается к нирване ещё при жизни. Такая (земная) нирвана напоминает евтюмию Демокрита и атараксию Эпикура. Это состояние самоуглублённости, спокойствия, бесстрашия. Это состояние полной свободы от желаний и привязанностей, приводящих к ненависти и злым поступкам. Стремление к нему – вот путь к просветлению.

В «Дхаммападе» читаем:

181. *«Даже боги завидуют тем просветлённым, исполненным глубоких мыслей, которые наслаждаются спокойствием освобождения, преданы размышлениям, мудры».*

184. *«Выдержка, долготерпение – высший аскетизм, высшая Нирвана, – говорят просветлённые, – ибо причиняющий вред другим – не отшельник, обижающий другого – не аскет».*

402. *«Я называю брахманом того, кто отрешился от мира и сбросил ношу, кто даже в этом мире знает уничтожение своего страдания».*

406. *«Я называю брахманом того, кто среди взволнованных остаётся невзволнованным, среди поднимающих палку – спокойным, среди привязанных к миру – свободным от привязанностей».*

416. *«Я называю брахманом того, кто здесь, отказавшись от желания, бездомный, бродит вокруг, в ком угасло желание существовать».*

25. *«Пусть мудрец усилием, серьёзностью, самоограничением и воздержанием сотворит остров, который нельзя сокрушить потоком».*

Путь к мудрости очень труден. Намного легче жить глупцам:

244. *«Легко жить тому, кто нахален, как ворона, дерзок, навязчив, безрассуден, испорчен».*

245. *«Но трудно жить тому, кто скромн, кто всегда ищет чистое, кто беспристрастен, хладнокровен, прозорлив, чья жизнь чиста».*

252. *«Легко увидеть грехи других, свои же, напротив, увидеть трудно. Ибо чужие грехи рассеивают, как шелуху; свои же, напротив, скрывают, как искусный шулер несчастливую кость».*

253. *«У того, кто высматривает чужие грехи и постоянно раздражён, увеличиваются желания; он далёк от уничтожения желаний».*

263. *«Плохие и вредные для себя дела – делать легко. То же, что хорошо и полезно, – делать в высшей степени трудно».*

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Будда – царский сын. До 29 лет он жил в роскоши. Достаточно упомянуть здесь хотя бы о том, что после женитьбы на прекрасной Яшодхаре его отец Шуддходана построил для молодожёнов три дворца: один – для жаркого времени, другой – для сезона дождей и третий – для холодной поры. Но стремление к истине оказалось у Сиддхартхи сильнее привычки к роскоши. Он порвал с миром богатых и стал бедным отшельником. В защите бедных и обличении богатых он видел высшую справедливость. Бывший принц говорил:

62. *«Сыновья – мои, богатство – моё», – так мучается глупец. Он ведь сам не принадлежит себе».*

74. *«Пусть думают и миряне, и отшельники, что это сделано мной. Пусть они зависят от меня во всех делах», – таково намерение глупца; его желание и гордость возрастают».*

75. *«Ибо одно средство ведёт к приобретению богатства, другое – к Нирване. Зная же это, бхикшу, ученик Будды, не возрадуется почестям, но возлюбит одиночество».*

355. *«Богатства убивают глупого, а не тех, кто ищет другого берега. Желая богатства, глупый убивает себя, как других».*

Богатство не приносит счастья. Бедные монахи намного счастливее богатых. Вот почему они восклицают:

197. *«О! Мы живём очень счастливо, невраждующие среди враждебных; среди враждебных людей живём мы, невраждующие».*

198. *«О! Мы живём очень счастливо, небольшие среди больных; среди больных людей живём мы, небольшие».*

199. *«О! Мы живём очень счастливо, нетомящееся среди томящихся; среди томящихся людей живём мы, нетомящееся».*

200. *«О! Мы живём очень счастливо, хотя у нас ничего нет. Мы будем питаться радостью, как сияющие боги».*

Звучит многообещающе! Но не следует обольщаться! У отшельнического счастья имеется и оборотная сторона – горестная, жалкая, трагическая:

155. *«Те, кто не вёл праведной жизни, не достиг в молодости богатства, гибнут, как старые цапли на пруду, в котором нет рыб».*

156. *«Те, кто не вёл праведной жизни, не достиг в молодости богатства, лежат, как сломанные луки, вздыхая о прошлом».*

235. *«Как увядший лист ты теперь, и посланцы Ямы пришли за тобой. И ты стоишь у порога смерти, и у тебя нет даже запаса на дорогу».*

237. *«И вот твоя жизнь подошла к концу. Ты приблизился к Яме, а между тем у тебя нет даже дома, и нет у тебя даже запаса на дорогу».*

302. *«Трудно оставить мирской уклад, трудно радоваться; трудна и несчастна жизнь в доме, трудно жить с иными, чем ты. Несчастье преследует странника. Поэтому не будь странником и пусть несчастье не преследует тебя».*

ЕДИНЕНИЕ

Единение возможно только с умными и благородными людьми. Вот почему:

61. *«Если странствующий не встретит подобного себе или лучшего, пусть он укрепитя в одиночестве: с глупцом не бывает дружбы».*

78. *«Пусть никто не соединяется с плохими друзьями, пусть никто не соединяется с низкими людьми. Привяжитесь к хорошим друзьям, привяжитесь к благородным людям».*

206. *«Приятно смотреть на благородных; быть в их обществе – благо. Да будет всегда счастлив тот, кто не видит глупцов».*

207. *«Ибо странствующий в обществе глупцов страдает долгое время. Пребывание с глупцами, как с врагом, всегда приносит несчастье, а пребывание с мудрыми – счастье, как встреча с родственниками».*

268–269. *«Глупый, невежественный не становится муни, даже если он соблюдает молчание. Тот же мудрец, который, как бы имея весы, отбирает хорошее и избегает плохого, и есть муни; поэтому-то он муни. Кто взвешивает в этом мире и то, и другое, тот как раз называется «муни»».*

Будда учил ответственному отношению к слову. Он говорил:

52. *«Хорошо сказанное слово человека, следующего ему, плодотно, как прекрасный цветок с приятной окраской и благоухающий».*

83. *«Добродетельные продолжают свой путь при любых условиях. Благие, даже томясь желанием, не болтают. Тронутые счастьем или же горем, мудрецы не позволяют ни того, ни другого».*

100. *«Одно полезное слово, услышав которое становятся спокойными, лучше тысячи речей, составленных из бесполезных слов».*

133. *«Ни с кем не говори грубо; те, с кем ты говорил грубо, ответят тебе тем же. Ведь раздражённая речь – неприятна, и возмездие может коснуться тебя».*

227. *«Старо это присловье, о Атула, и в ходу оно не только в наше время: “Они порицают сидящего спокойно, они порицают многоречивого, и того, кто говорит в меру, порицают они”. Нет ничего в мире, что бы они не порицали».*

232. *«Остерегайся грехов слова, будь сдержан во всём, что касается слова; избавившись от грехов слова, будь безгрешен словом».*

408. *«Я называю брахманом того, кто говорит правдивую речь, поучительную, без резкостей, никого не обижающую».*

«Дхаммапада» – великая книга. От неё веет вековой мудростью. В ней собраны афоризмы, охватывающие все категории духовной культуры – веру, истину, красоту, добро, справедливость и единение. Пройдя через столетия, она продолжает вос-

хищать своих читателей остроумием, глубиной, красотой, лаконичностью и актуальностью высказываний, приписываемых их великому автору – Будде Шакьямуни.

ИУДАИЗМ И ХРИСТИАНСТВО

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Древнееврейский Бог Яхве, как известно, сотворил мир за шесть дней. Они описаны в первой книге Моисея, названной «Бытие» (в пятикнижие Моисея также входят «Исход», «Левит», «Числа» и «Второзаконие»). Описанию шести дней творения мира посвящена первая глава «Бытия».

Что произошло в первый день?

«В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днём, а тьму ночью» (Библия. М., 1976. С. 5).

Выходит, в первый день Бог создал небо, землю, сплошь покрытую водой, свет (день) и тьму (ночь). Понятно, что день и ночь стали отделяться друг от друга утром и вечером.

Что произошло во второй день?

«И сказал Бог: да будет твердь посреди воды...». Может быть, здесь речь идёт о суше? Ничего подобного: «И назвал Бог твердь небом» (там же).

Выходит, небо он создавал дважды – не только в первый, но и во второй день.

Что произошло в третий день?

«И сказал Бог: да соберётся вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так... И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями...» (там же).

Но на этом не кончаются деяния Яхве в третий день. В этот же день он повелел земле производить траву и дерево. Выходит, в третий день были созданы суша, производящая траву и дерево, и моря.

Какими были деяния Яхве в четвёртый день?

«...И создал Бог два светила великие: светило большое, для управления днём, и светило меньшее, для управления ночью, и звёзды» (там же). Надо думать, в четвёртый день он создал солнце, луну и звёзды.

Сделаем паузу. Первые четыре дня Бог главным образом занимался физиогенезом. Правда, в третий день он занимался и растительностью. Следовательно, биогенез, по библейским представлениям, зародился в недрах физиогенеза. Зато пятый день был посвящен целиком биогенезу, а также и психогенезу.

Вот каким насыщенным был пятый день творения мира:

«И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею... И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся..., и всякую птицу пернатую... И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь...» (там же).

Таким образом, в пятый день Бог создал пресмыкающихся, рыб и птиц. Это биогенез. Но он вложил в них и «душу живую». Это психогенез.

Что происходит в шестой, последний, день творения мира? В этот день, самый насыщенный, продолжался биогенез и психогенез – у новых животных, но в этот же день Бог создал мужчину и женщину, которые стали заниматься материальной культурой. Следовательно, шестой библейский день – начало и культуругенеза. Вот как выглядел этот день, если мы почитаем о нем в первой главе:

«И сказал Бог: да произведёт земля душу живую по роду её, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так... И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему... И сотворил Бог человека...; мужчину и женщину... И сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею... Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на земле, и всякое дерево, у которого плод древесный... – вам сие будет в пищу» (с.6).

Как видим, культуругенез здесь выписан ещё очень слабо – лишь в отношении к пище. К тому же речь здесь идёт о расти-

тельной пище, пользоваться которой можно без особого труда. Можно сказать так: в первой главе «Бытия» больше внимания уделено физиогенезу и биогенезу, чем психогенезу и культурогенезу. Тем не менее, все четыре ступени эволюции уже фигурируют.

Библейская картина мира, изображающая творение мира, в целом соответствует реальному ходу эволюции – от физиогенеза к культурогенезу. Человек в ней – заключительное творение Бога, но он и в научной картине мира – венец природы.

В своей книге «Фольклор в «Ветхом завете» (М., 1989) знаменитый английский религиовед Джеймс Фрезер, будучи сам эволюционистом, указал на отступления от эволюционизма в «Бытии». Если в его первой главе говорится о том, что Бог создал мужчину и женщину одновременно, то, «когда мы переходим ко второй главе, – писал учёный, – к немалому нашему смущению, мы находим здесь уже другой, прямо противоположный рассказ о том же самом акте столь большой важности. Здесь мы совершенно неожиданно узнаём, что Бог сотворил сперва человека в образе мужчины, потом низших животных и после них, уже по позднее возникшему замыслу, женщину, создав её из ребра, которое он взял у мужчины, пока тот спал. Порядок расположения творений по их рангу в обоих рассказах явно противоположный. В первом рассказе Бог начинает с рыб и продолжает творить по восходящей линии, переходя от рыб к птицам и зверям, а от них к мужчине и женщине. Во втором рассказе его созидательная работа идёт по нисходящей линии – от мужчины к низшим животным и от них к женщине, которая, очевидно, знаменует собой самую низшую ступень божественного творчества» (с. 13–14).

Подобные противоречия в «Библии» объясняются тем, что она писалась разными людьми и в разное время (в первой половине I тысячелетия до н.э.).

Библейский эволюционизм не следует чересчур сближать с научным. Как, например, в «Библии» объясняется глоттогенез (происхождение языка)? Изначально язык был присущ только

одному Богу. Позднее он одарил им человека. Но как возникло множество языков? В 11 главе «Бытия» читаем:

«На всей земле был один язык и одно наречие. Двинувшись с востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там. И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжём огнём. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести. И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес, и сделаем себе имя, прежде, нежели рассеемся по лицу всей земли. И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Бог: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать..., сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город и башню. Посему дано ему имя: Вавилон...» (с. 13).

Научное начало в мифе о Вавилонском столпотворении можно, пожалуй, усмотреть лишь в осознании его автора прагматической функции языка: никакое коллективное созидание у людей невозможно без единого языка.

О прагматической мощи языка говорит и миф о сотворении мира: Бог сначала говорит о том, что он собирается создавать, а лишь потом – делает. Правда, делает чудесным образом. Вот почему мы можем сказать, что прагматическая функция языка предстаёт здесь как функция магическая, чудотворная. Способность творить чудеса – вот что в первую очередь делает Бога Богом.

Что такое эволюция? Слово *эволюция* восходит к латинскому *evolutio* «развёртываю», а антонимом к нему является слово *инволюция* (*involutio* «свёртываю»).

Эволюция – это движение вперёд, от простого – к сложному, от хаоса – к порядку, от дисгармонии – к гармонии, а инволюция – это обратное движение. На уровне основных категорий духовной культуры – религии, науки, искусства, нравственности, политики и языка – эволюционное движение выглядит как следующая цепочка переходов: *вера* → *безверие*, *ложь* → *истина*, *безобразное* → *прекрасное*, *зло* → *добро*, *несправедливость* →

справедливость, разобщённость → единение, тогда как инволюционное движение предполагает обратные переходы.

Эволюция есть развитие, а инволюция – его противоположность. В образном смысле эволюцию можно уподобить развёртывающемуся свитку, а инволюцию – свёртывающемуся. Можно прибегнуть и к более яркому сравнению: эволюцию можно уподобить расцветающему цветку, а инволюцию – увядающему. Но можно обойтись и без сравнений.

Движение от каменного топора, например, к компьютеру – эволюционный процесс, а обратное движение – инволюционный. В этой статье речь идёт об эволюции в духовной культуре, но всегда ли эволюцию в ней легко отличить от инволюции?

Посмотрим с данной точки зрения на начало культурогенеза как он представлен в библейском мифе о грехопадении. Что мы здесь увидим? Как нам расценить поступок Яхве, направленные против Адама и Евы? Он, как известно, низверг их с Эдема на землю, где они стали в поте лица своего добывать хлеб свой насущный, шить одежду (в райском саду она им была не нужна), строить жилище. Как нам расценить этот поступок Бога? Как способствующий культурогенезу или как препятствующий?

Думаю, как способствующий: пусть с великими трудами, но люди, благодаря ему, пошли по пути сначала материального, а затем и духовного культурогенеза. Выходит, библейский змей вовсе не плохо поступил, соблазнив Еву вкусить плод с дерева познания добра и зла? Кстати, почему Бог был этим так разгневан? Он один хотел решать, что есть истина, что такое хорошо и что такое плохо.

«Библия» – богатейший источник по описанию истории древнееврейской культуры. Даже нам, людям нашего времени, во многих случаях трудно дать эволюционистскую оценку событий, описанных в ней. Тем более такую оценку было трудно сделать её составителям.

Любое серьезное нововведение в жизнь евреев исходило, по их представлениям, от Бога, а следовательно, его волей-неволей надо было расценивать под знаком «плюс». Наша же оценка

этих нововведений может быть и иной. В особенности это касается политики, которая во многом строилась у евреев на идее богоизбранничества их народа.

Сам Яхве показывал пример жесточайшего обращения с го-ями. Так, в сражении израильтян с аморейцами, когда последние уже обратились в бегство «Господь бросал с неба большие камни до самого Азека, и они умирали; больше было тех, которые умерли от камней града, нежели тех, которых умертвили сыны Израилевы мечом» (с. 214).

С благословения Бога израильтяне начали войну с жителями Палестины (земли Ханаанской) ещё в XV–XIV вв. до н.э., и эта борьба растянулась на много столетий. Первым ханаанским городом, который захватили израильтяне был Иерихон. Все его жители были поголовно истреблены. Вторым таким городом стал Гай. В книге «Иисус Навин» (Иисус Навин – предводитель израильтян, преемник Моисея – того Моисея, с которым впервые стал общаться сам Яхве) читаем:

«Падших в тот день мужей и жён, всех жителей Гая, было двенадцать тысяч. Иисус не опускал руки своей, которую простёр с копьём, доколе не предал закланию всех жителей Гая; только скот и добычу города сего сыны Израиля разделили между собою, по слову Господа, которое Господь сказал Иисусу. И сожёл Иисус Гай и обратил его в вечные развалины, в пустыню, до сего дня; а царя Гайского повесил на дереве...» (с. 212).

Понятно, что подобные библейские сцены не могут быть оценены нами под знаком «плюс». Зато нравственные нормы, выведенные в «Библии», в целом не утратили своей ценности до сих пор. Возьмём, например, десять заповедей Господа, которые он адресовал Моисею – тому самому Моисею, который вывел евреев из египетского плена и которому приписывают «Пятикнижие» (или «Тору») – главную часть «Ветхого завета». Вот эти заповеди:

«Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу...

Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно...

Помни день субботний..., ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил...

Почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь твой даёт тебе.

Не убивай.

Не прелюбодействуй.

Не кради.

Не произноси ложного свидетельства на ближнего своего.

Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его, ничего, что у ближнего твоего» (с. 73).

Как видим, большая часть этих заповедей имеет нравственный характер, но в начале речь идёт о религиозных, а в конце – о юридических предписаниях.

Нагорная проповедь у Иисуса Христа по существу целиком посвящена нравственности. Смирение – вот её краеугольный камень:

«Вы слышали, что сказано: “Око за око, и зуб за зуб”. А я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся. Вы слышали, что сказано: “Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего”. А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас... Итак, будьте совершенны, как совершен Отец наш Небесный» (Еванг. от Матф., гл. 5).

«Библия», как известно, включает в себя «Ветхий завет» – основу иудаизма – и «Новый завет» – основу христианства. «Ветхий завет» составлялся ещё в первой половине I тысячелетия до н.э. Его делят на три части. Первую часть составляют книги закона (Тора) или «Пятикнижие Моисея», состоящее из «Бытия», где изложен миф о сотворении мира, о грехопадении

Адама и Евы, о всемирном потопе, о патриархах еврейского народа – Аврааме, Исааке, Иакове, Иосифе, о поселении евреев в Египте; из «Исхода», где описана деятельность Моисея; из «Левита», «Чисел» и «Второзакония» – еврейского законодательства. К «Пятикнижию» примыкает книга Иисуса Навина – о завоевании евреями земли Ханаанской.

Вторую группу библейских книг составляют «исторические» книги, где мы найдем книги Иова, Псалтырь, Экклезиаста, Песни Песней и др. Нельзя удержаться, чтобы не процитировать здесь Экклезиаста (Проповедника) и Соломона – автора «Песни песней»:

«Суета сует, суета сует, – всё суета! Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем?.. Всему своё время, и время всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать, и время врачевать; время разрушать и время строить; время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий; время искать, и время терять...» (с. 618–619).

Вековой мудростью веет от этих строк!

«О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! Глаза твои голубиные под кудрями твоими; волосы твои – как стадо коз, сходящих с горы Галаадской; зубы твои – как стадо выстриженных овец выходящих из купальни, из которых у каждой пара ягнят, и бесплодной нет между ними; как лента алая губы твои, и уста твои любезны; как половинки гранатового яблока – ланиты твои под кудрями твоими; шея твоя – как столп Давидов, сооружённый для оружий...; два сосца твои – как двойня молодой серны, пасущаяся между лилиями» (с. 627).

Это уже не предискусство, а настоящее искусство! В противовес иудейской морали образ женщины здесь опоэтизирован.

Третью часть библейских текстов составляют книги иудейских пророков – Иосии, Исаяи, Иеремии, Иезекииля, Даниила, Аввакума, Аггея, Захарии и др. Самый крупный из пророков – Исаяя (VIII в. до н.э.). Он призывал евреев: «Омойтесь, очисти-

тес; удалите деяния ваши от очей моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову» (с. 681).

Библейские пророки были не только богословами, они были и публицистами, и, в особенности, моралистами. Однако в центре их представлений о мире всегда был Бог. Тот же Исайя восклицал: «Господи! Ты Бог мой; превознесу тебя, восхваляю имя Твоё, ибо Ты совершил дивное; предопределения древние истинны, аминь. Ты превратил город в груды камней, твёрдую крепость в развалины; чертогов иноплеменников уже не стало в городе; вовек не будет он восстановлен. Посему будут прославлять Тебя народы сильные...» (с. 697).

СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ

Библейское мироздание имеет три этажа – небо, землю и преисподнюю.

Земля, естественно, занимает промежуточное положение между небом и преисподней. Она опирается на столпы преисподней, а небо в свою очередь опирается на её горы.

Небо – обитель Бога. Он восседает там на особом троне, окруженный ангелами и душами умерших праведников. По новозаветным представлениям, справа от него – Иисус Христос. Царство небесное – это не только то место, куда улетает душа праведника, но и кладовая снега, града и дождя. Как же было устроено небо?

Если в «Ветхом завете» имеется намек, по крайней мере, на два неба, а в «Новом завете» – на три, то талмудист Реш-Лакиш стал описывать семь небес. С тех пор и говорят о человеке, если он испытывает блаженное состояние: «Он – на седьмом небе».

Представление о семислойном небе закрепилось в апокрифах «Заветы двенадцати патриархов» и «Хождении богородицы по мукам». Так, в первом из них структура неба изображена следующим образом:

«Первое, низшее небо, печально, ибо оно ближе всего к грешной земле; второе содержит огонь, снег и град, которые

поражают нечестивых в день страшного суда; на третьем находятся силы небесные, чья задача – бороться со злыми духами и Велиаром; на четвёртом небе – святые; на пятом – ангелы Божии, молящиеся за праведных; на шестом – ангелы более высокого разряда; на седьмом же – сам Бог в окружении высших ангельских чинов – «престолов» и «властей» (Евсюков В. В. Мифы о Вселенной. Новосибирск. 1988. С. 116).

В «Ветхом завете» образ преисподней менее детализирован, чем в «Новом завете». По ветхозаветным представлениям, преисподняя – это царство сатаны, где мучаются души умерших грешников. Иов называет преисподнюю «страной тьмы и сени смертной». В десятой главе его книги читаем:

«Оставь, отступи от меня, чтобы я немного ободрился, прежде нежели отойду, – и уже не возвращусь, – в страну тьмы и сени смертной, в страну мрака, каков есть мрак тени смертной, где нет устройства, где темно, как сама тьма» (с. 517).

В «Евангелии» от Луки преисподняя делится на две части – нижнюю и верхнюю. В нижней части – в аду – терзаются души неправедных, а в верхней – в «лоне Авраамовом» – получают воздаяние души униженных и нищих.

Данте Алигьери (1265–1321), как известно, изображает преисподнюю в своей «Божественной комедии» в виде воронки, состоящей уже из девяти кругов – девяти кругов ада. Мифологическая картина мира переходит у Данте в художественную. Более того, мы находим у него нравоучительные и поучительные суждения. Недаром его поэтому называют энциклопедией Средневековья.

Многослойность – свойство не только неба и преисподней, но и чистилища – пространства между землей и небом. Чтобы пройти через него, душе умершего необходимо искупить земные грехи, т.е. пройти через ряд судилищ, мытарств.

Так, по «Повести блаженной Феодоры» (X в.), на первом мытарстве злые духи обвиняют душу в «многоглаголании, пустословии, праздности, сквернословии» и т.п. (там же), а на втором мытарстве приходится держать ответ за чревоугодие, леность, воровство, сребролюбие и т.п. пороки.

ИСЛАМ

Ислам зародился в VII в. Его основателем считают пророка Мухаммада (570–632). На основе его проповедей, которые он читал в Мекке и Медине (Ятрибе), уже после его смерти – приблизительно в 650 г. – был составлен «Коран» («Чтение»). Это священная книга мусульман, которая состоит из 114 разрозненных глав (сур): «Открывающая книгу», «Корова», «Женщины», «Трапеза», «Скот» и т.д.

Основной пафос «Корана» – прославление Аллаха (Бога мусульман). Аллах так всемогущ, что у любого верующего в него начинает доминировать одна черта – покорность. Неслучайно слово «ислам» в переводе с арабского значит «*покорность*».

Каждая сура в «Коране» начинается со слов «Во имя Аллаха милостивого, милосердного!» Вот как звучит первая сура: «Хвала – Аллаху, Господу миров милостивому, милосердному, царю в день суда! Тебе мы поклоняемся и просим помочь! Веди нас по дороге прямой, по дороге тех, которых ты облагодетельствовал, – не тех, которые находятся под гневом, и не заблудших» (Коран. М., 1990. С. 27).

Внутри сур щедро рассыпаны похвалы в адрес Аллаха. Приведу некоторые из них:

«Поистине, Аллах любит делающих добро!»; «Аллах не любит несправедливых!»; «Аллах любит терпеливых!»; «Он – лучший из помощников!»; «Аллах не желает обиды мирам!»; «Аллах знает про то, что в груди!»; «На Аллаха пусть полагаются верующие!»; «Аллах – над вами надсмотрщик!»; «Аллах – всякой вещи свидетель!»; «Аллах не любит тех, кто горделиво хвастлив» и т.д.

Мусульманская картина мира реконструировалась не только на основе «Корана», но и другой мусульманской литературы. Особенно почитаются у мусульман-суннитов так называемые Хадисы – предания о жизни и поучения Мухаммада, которые были написаны мусульманскими богословами Бухари, Муслимом и др. в IX в.

Опираясь на мусульманскую литературу, мы можем реконструировать исламскую картину мира. Собственно эволюционный аспект в ней разработан слабо, зато структурный выглядит в ней как некое завершенное и грандиозное сооружение.

Аллах сотворил мир всего за два дня. Сначала он превратил первоначальную материю в воду, которая затем, под его чудодейственным взглядом, закипела и обратилась в пар. Из сгустившегося пара он сотворил семь небес. Первое небо в мусульманской мифологии – источник грома и дождя, второе состоит из серебра, третье – из красного рубина, четвёртое – из жемчуга, пятое – из золота, шестое – из рубина, а седьмое небо заселено херувимами – ангелами, которые денно и нощно умоляют Бога помиловать заблудших грешников.

Мусульманский Бог сотворил не только семиэтажное небо, он создал также семиэтажную землю, под которой поместил семиэтажную преисподнюю, а над небом в свою очередь он расположил восьмиэтажный рай («джанну»). В конечном счёте мусульманское мироздание выглядит как огромный двадцатидевятиэтажный (двадцатидевятислойный) шар. Чтобы увидеть, что находится на каждом этаже этого шара или из чего он состоит, нужно мысленно рассечь его напополам. Что мы должны увидеть, в частности, на срезе земли?

На верхней земле живут люди. Вторая земля, которая расположена под первой, – источник ветра. На третьей земле обитают существа с собачьими мордами, ушами быка и руками человека. На четвёртой земле лежат серные камни, предназначенные для выработки адского огня. Пятая земля – обитель скорпионов, которые имеют чудовищный размер – величиной с верблюда. На шестом этаже мучаются души грешников. Наконец, самый нижний, седьмой, земной этаж – владение дьявола Иблиса.

Иблис, подобно Аллаху, восседает на троне и, в отличие от Аллаха, направляет на землю злых демонов, единственная цель которых – отвратить людей от истинной веры, т.е. веры в Аллаха.

Уже нижние этажи земли в мусульманской картина мира напоминают ад, но ад («джаханнам») как таковой находится под

землей. Первое отделение ада (или преисподней), если мы продвигаемся вглубь мироздания, предназначено для лицемеров; на втором мучается египетский фараон со своими приближенными (мотив, заимствованный у иудеев); на третьем терзаются безбожники, на четвёртом – колдуны, на пятом – христиане, на шестом – звездопоклонники и на седьмом, наконец, мучаются мусульмане, сбившиеся с праведного пути, изменившие своей вере. Муки грешников на шести верхних этажах земли связаны в основном с огнём, а муки мусульман, изменивших Аллаху, на самом нижнем её этаже – с холодом.

Как же устроен мусульманский рай? Джанна – по-арабски значит сад, но скорее он похож на чудесный город, где души праведников испытывают бесчисленные чувственные наслаждения. Они пьют изысканные напитки, едят вкусные кушанья, их ублажают небесные красавицы – гурии. На самом верху райского города восседает на своем троне Аллах. Он – вершина двадцатидевятиэтажной мусульманской вселенной.

ДЕМИФИЗАЦИЯ ОБРАЗА ПРОМЕТЕЯ В ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

Прометей, как известно, похитил небесный огонь с Олимпа, чтобы передать его людям. Но этот огонь символизировал не что-нибудь, а верховную власть самого Зевса. Выходит, Прометей покусился на самое святое – верховную власть Зевса. Более того, передав огонь людям, он не только уменьшил их зависимость от Олимпа, но и принёс им свет разума. У Эсхила Прометей говорит о людях:

Ум и сметливость
Я в них, дотоле глупых, пробудить посмел...
Они глаза имели, но не видели,
Не слышали, имея уши. Теням снов
Подобны были люди, весь свой долгий век
Ни в чём не смысла.

Прометей стал творцом человеческой цивилизации. Он сделал то, что и делает человека человеком: он дал ему культуру. Он стал богом культурогенеза.

Становится понятным в связи с этим, почему Зевс был так разгневан на Прометея и приказал Гефесту приковать его к скале: благодаря Прометею, люди становились всё больше и больше независимыми от богов.

Канонический образ Прометея сложился на основе двух главных источников – поэмы «Теогония» Гесиода (VIII в. до н.э.) и трагедии «Прикованный Прометей» Эсхила (VI–V вв. до н.э.). В этих источниках великий герой древнегреческой мифологии предстаёт перед нами как бог, сотворивший первых людей из глины (земли) и приобщивший их к культуре. Вот почему его можно назвать богом антропо- или культурогенеза.

За то, что Прометей украл огонь с неба, Зевс, верховный бог Олимпа, приказал Гефесту приковать его к кавказской скале, где его печень клевал орёл (ворон). Только через тридцать тысяч лет его освободил Геракл.

Из античного мифа о Прометее следует, что Прометей – создатель людей и их культуры, богоборец и великомученик. Но со временем эти атрибуты у образа Прометея стали всё больше и больше затухать. Этот процесс можно назвать демифизацией канонического образа Прометея. Суть этого процесса состоит в освобождении образа Прометея, как и мифа о нём в целом, от черт, присущих ему первоначально. Остановимся здесь на главных фигурах, участвовавших в демифизации образа Прометея.

Античность

Первоначальной демифизации Прометей подвергся у себя на родине уже в VI в. до н.э. В этом веке, как предполагают, жил известный баснописец Эзоп. Он позволил себе отойти от канонического образа Прометея. Одну из его басен А.Ф.Лосев переложил таким образом: «Прометей по велению Зевса вылепил из глины людей и животных. Но увидел Зевс, что неразумных животных получилось гораздо больше, и велел ему часть жи-

вотных уничтожить и перелепить в людей. Тот повиновался; но получилось так, что люди, переделанные из животных, получили облик человеческий, но душу под ним сохранили звериную» (Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976. С. 234–235).

Некоторую переоценку образа Прометея мы обнаруживаем у Платона (V–IV вв.) в его диалоге «Протагор», где речь идёт о том, что Прометей научил людей навыкам, связанным скорее с материальной культурой, чем с духовной. Ученик Аристотеля Теофраст (IV–III вв.) ушёл ещё дальше: он снизил божественный образ Прометея до человека, который принёс людям свет знания.

Революционный переворот в отношении к Прометею совершили в I в. до н.э. и I в. н.э. римские поэты – Гораций и Проперций. Они перевернули отношение к герою греческой мифологии с положительного на отрицательное. Так, Гораций увидел в огне Прометея (сыне Иапета) вовсе не символ добра, а символ зла:

Сын Иапета дерзостный,
Злой обман совершив, людям огонь принёс,
После кражи огня с небес,
Вслед чахотка и с ней новых болезней полк
Вдруг на землю напал, и вот
Смерти день роковой, прежде медлительный,
Стал с тех пор ускорять свой шаг.

В свою очередь Проперций обвинил Прометея в том, что он был озабочен созданием человеческих тел, а не их духа. Он писал:

О, как был Прометей, из глины лепя, неудачлив!
Неосмотрительно он выполнил дело своё:
Он, создавая тела, в искусстве духа не видел,
Дух же должен был стать первой заботой творца.
Ныне нас бури в морях швыряют, всё ищем врага мы,
К браням былым приплетать новые брани спешим.

Средние века

Ещё в III в. Плотин попытался вписать миф о Прометее в христианский контекст, который, правда, не помешал ему внести в него новый мотив: Пандору, по его мнению, создали по приказу Зевса не Гефест и Афина, а Прометей.

Средневековые писатели (Тертуллиан, Августин и др.) не могли не увидеть в Прометее конкурента как библейского бога (оба они создатели людей), так и Иисуса Христа (оба они великомученики). Вот почему, как писал А. Ф. Лосев, «Прометей никак не мог быть популярным в христианской средневековой литературе, потому что Прометей как создатель людей имел своего мощного конкурента в христианском Боге, а Прометей как страдалец за людей имел здесь своего мощного конкурента в Христе» (там же. С. 245).

В 1373 г. вышла в свет «Генеология богов» Джованни Боккаччо. Автор «Декамерона», как в своё время и Теофраст, изобразил Прометея как человека, одержимого жаждой знаний. На Кавказ он, по версии Д. Боккаччо, попал вовсе не потому, что туда его отправил Зевс, а по собственной воле. В кавказском уединении он искал истину. Эту истину он и принёс в дальнейшем диким людям. Отрыв от божественного образа Прометея у Д. Боккаччо доведён, по существу, до предела, поскольку его Прометей – обыкновенный человек. Тем самым Д. Боккаччо способствовал избавлению Прометея от его конкуренции с главными героями Священного Писания. Впрочем, и без Д. Боккаччо эта конкуренция была очень слабой, поскольку в XIV в. христианский тоталитаризм в Европе достиг своего апогея.

Новое время

Эпоха Возрождения не прибавила Прометею шансов для восстановления его бывшего божественного статуса. По страницам литературы Нового времени он продолжает шествовать не столько в божественном облике, сколько в человеческом. Особого внимания заслуживают П. Кальдерон (XVII в.) и Вольтер (XVIII в.).

Знаменитый испанский драматург Педро Кальдерон прославился множеством своих пьес («Жизнь есть сон», «Великий театр мира», «В тихом омуте...» и др. В 1679 г. он написал драму «Статуя Прометея». Её автор, в отличие от Горация и Проперция, изображает Прометея как положительного героя. Несмотря на то, что Прометей у Кальдерона сохраняет связь с мифическим прообразом, его Прометей существенно отличается от канонического. Он предстаёт перед нами в образе скульптора. Более того, испанский драматург позволил себе внести существенные изменения в сам сюжет мифа о Прометее.

Из пьесы Кальдерона мы узнаём, что Прометей – вовсе не борец с Зевсом, а слуга Минервы – богини Мудрости, которая из-за страстной любви к нему вознесла его на небо и по совету которой он похитил огонь с колесницы Аполлона. С помощью этого огня он одушевляет на земле созданные им человеческие статуи. Среди этих статуй оказалась и Пандора. Прометей переживает мучительные страдания от того, что создал прекрасное чудовище, из ящика которого на людей исходят несчастья. К самой же Пандоре Прометей, как ни странно, испытывает самые нежные чувства. Оказавшись в темнице, он просит Аполлона о милосердии к Пандоре и к созданным им людям. В конечном счёте драма П.Кальдерона «Статуя Прометея» заканчивается счастливо: Аполлон устанавливает на земле всеобщий мир, символом которого становится женитьба Прометея на Пандоре.

Ещё дальше, чем П.Кальдерон, по пути демифологизации образа Прометея ушёл знаменитый французский философ и писатель Вольтер. В своей опере «Пандора» (1748) он изображает Прометея в образе героя, страстно влюблённого в своё создание – Пандору. Сюжет в опере построен на соперничестве Прометея с Юпитером из-за любви к прекрасной Пандоре, а огонь, похищенный Прометеем с Олимпа, истолковывается в ней как символ всепожирающей любовной страсти. Борьба между Прометеем и Юпитером за Пандору первоначально оборачивается не в пользу Прометея, поскольку верховный бог переносит Пандору с земли на Олимп. Но в конечном счёте Прометей одерживает верх над Юпитером и соединяется на земле с Пандорой.

Разгневанный Юпитер отомстил Прометею ящиком, который он подарил Пандоре и который она от нечего делать время от времени открывает, чтобы выпустить из него очередную порцию несчастий.

Как видим, Вольтер не оставил по существу на образе мифического Прометея камня на камне. У А. Ф. Лосева читаем: «Таким образом, у Вольтера Прометей теряет всю свою всемирно-историческую значимость, всю свою борьбу с тиранией, все свои ужасные и несправедливые страдания и всё свое цивилизаторское значение. Осталась только одна любовная страсть к Пандоре, которая после разных перипетий получает своё окончательное право на существование. Больше, чем это сделал Вольтер, нельзя было снизить образ страдальца за разум и за всё человечества. Можно сказать, что Прометей здесь вообще теряет всю свою тысячелетнюю символику и превращается в преданного своей возлюбленной кавалера, достигающего после всяких успехов и неудач любовной цели» (указ. соч. А. Ф. Лосева. С. 258).

Конец XVIII в. характеризуется в интерпретации образа Прометея противостоянием двух братьев Шлегелей – Августа и Фридриха. Первый расценивал его под знаком плюс, а другой – под знаком минус.

В своей поэме «Прометей» (1797) А. Шлегель представил возвышенный образ Прометея. В этой поэме он изображает Прометея творцом не первых, но «новых» людей. Тех людей, которые были созданы не им, он застал в жалком состоянии. Они стали жертвой мировой бойни между титанами и Зевсом. Вот почему он решил создать людей заново. Он сотворил их из чистой глины, а небесный огонь ему понадобился для того, чтобы вложить в них искру божью – светлый разум и доброе сердце.

В пику своему брату Ф. Шлегель в своей «Люцинде» (1799) изображает Прометея в непривлекательном виде. С его точки зрения, подлинная человечность придёт к людям только тогда, когда они будут свободны от тягостной необходимости трудиться. Ежедневная забота о существовании делает людей суетными и мелкими. Но именно на такую жизнь их обрёл Про-

метей. У Ф. Шлегеля читаем: «Совсем не таков этот Прометей, изобретатель воспитания и просвещения. Ему вы обязаны тем, что никогда не можете быть спокойными и пребываете в постоянной суете; отсюда проистекает то, что вы даже тогда, когда вам, собственно, нечего делать, бессмысленным образом должны стремиться к выработке характера или пытаетесь наблюдать и обосновывать характер кого-нибудь другого. Такое начинание просто гнусно. Но в силу того, что Прометей свратил людей на трудовой путь, он теперь сам должен работать, хочет он того или нет. Ему ещё вдоволь хватит этой скуки, и никогда он не освободится от своих цепей» (Шлегель Ф. Люцинда. Т. I. М.-Л., 1935. С. 33).

Девятнадцатый век

Былое величие Прометею в начале этого века вернул Иоганн Гердер. Его трактовка образа Прометея отличается необычайной глубиной. С его точки зрения, Прометей был прикован к скале за то, что он принёс людям человечность.

Слово «человечность» мы привыкли употреблять в нравственном смысле, имея в виду милосердие, соучастие и т.п. качества добрых людей. У И. Гердера это слово употребляется в более широком смысле: оно объединяет все те качества, которые делают человека человеком. Человечность в этом смысле есть отличие человека от животного. И. Гердер здесь вплотную приблизился к эволюционно-культурному истолкованию образа Прометея. Это истолкование и до сих пор остаётся самым точным и самым адекватным античному образу Прометея (см.: Даниленко В. П., Даниленко Л. В. Эволюция в духовной культуре: свет Прометея. М.: КРАСАНД, 2012).

Особенно ярко эволюционно-культурный взгляд на Прометея представлен у И. Гердера в драме «Освобождённый Прометей» и стихотворении «Алтарь милосердия». В указанном стихотворении автор рисует эволюционный идеал человека. В своей человечности идеальный человек достигает высшего совершенства. Оно выражается в том, что его голова – храм мудрости, а сердце – кладёзь доброты.

И. В. Гёте был намного менее оптимистичен в отношении к людям, чем И. Гердер. В своей «Пандоре» (1808) он выразил скептический взгляд на эволюционные возможности людей. С его точки зрения, Прометей создал людей, которые в большинстве своём живут, как учил Христос, заботами лишь сегодняшнего дня, легкомудро гоняясь за новизной. Этим людям автор «Фауста» заявляет:

Новому не рад я, с преизбытком
Этот род к земному приспособлен,
Только дню текущему он служит,
О вчерашнем думает лишь редко.
Что терпел, что съёл, то всё утратил,
Даже миг хватает без разбора,
Встречное, схватив, себе берёт он
И бросает без ума, без думы.
То мне горько. Но урок и речи,
Даже и пример, пребудут втуне,
Так грядите ж с детским легкомудьем
В день, всего неопытно касаясь!
Если б были вы с былым дружнее,
С настоящим, образуя, слились,
Благо было б всем, и был бы рад я.

В стихотворении Д. Байрона «Прометей» и поэтической драме П. Б. Шелли «Освобождённый Прометей» мы находим по преимуществу положительную нравственно-политическую доминанту в образе Прометея. С одной стороны, Д. Байрон сокрушается, что Прометей добрыми намерения вымостил себе дорогу в ад:

Ты добр – в том твой небесный грех
Иль преступленье: ты хотел
Несчастьям положить предел,
Чтоб разум осчастливил всех!
Разрушил Рок твои мечты...

Но с другой стороны:

Но в том, что не смирился ты, –
Пример для всех людских сердец;
В том, чем была твоя свобода,
Сокрыт величья образец
Для человеческого рода!
Ты символ силы, полубог,
Ты озарил для смертных путь...

В предисловии к «Освобождённому Прометею» П. Б. Шелли так оправдывает свою демифизацию образа Прометея: «Греческие трагики, заимствуя свои замыслы из отечественной истории или мифологии, при разработке их соблюдали известный сознательный произвол. Они отнюдь не считали себя обязанными держаться общепринятого толкования или подражать, в повествовании и в заглавии, своим соперникам и предшественникам. Подобный приём привел бы их к отречению от тех самых целей, которые служили побудительным мотивом для творчества, от желания достичь превосходства над своими соперниками. История Агамемнона была воспроизведена на афинской сцене с таким количеством видоизменений, сколько было самых драм. Я позволил себе подобную же вольность. Освобожденный Прометей Эсхила предполагал примирение Юпитера с его жертвой, как оплату за разоблачение опасности, угрожавшей его власти от вступления в брак с Фетидой. Согласно с таким рассмотрением замысла, Фетида была дана в супруги Пелею, а Прометей, с соизволения Юпитера, был освобождён от пленничества Геркулесом. Если бы я построил мой рассказ по этому плану, я не сделал бы ничего иного, кроме попытки восстановить утраченную драму Эсхила («Освобождённый Прометей». – В. Д.), и если бы даже моё предпочтение к этой форме разработки сюжета побудило меня лелеять такой честолюбивый замысел, одна мысль о дерзком сравнении, которую вызвала бы подобная попытка, могла пресечь её. Но, говоря правду, я испытывал отвращение к такой слабой развязке,

как примирение Поборника человечества с его Утеснителем» (http://lib.ru/POEZIQ/SHELLY/shelley1_8.txt).

В драме П. Б. Шелли прикованный Прометей испытывает невыносимые страдания. Но он не смиряется перед своим тираном Юпитером. Он верит, что придёт «час урочный» и Юпитер будет повергнут:

Тебя он свергнет, яростный Тиран,
И вынудит – стереть лобзаньем жадным
Потоки крови с этих бледных ног,
Хотя они тебя топтать не будут,
Таким рабом потерянным гнушаясь.
Гнушаясь? Нет, о, нет! Мне жаль тебя.
Как будешь ты ничтожно-беззащитен,
Какая гибель будет властно гнать
Отверженца в бездонных сферах Неба!
Твоя душа, растерзанная страхом,
Откроется, зияя точно ад!
В моих словах нет гнева, много скорби,
Уж больше я не в силах ненавидеть:
Сквозь тьму скорбей я к мудрости пришёл.
Когда-то я дышал проклятьем страшным,
Теперь его хотел бы я услышать,
Чтоб взять его назад.

По религиозному пути в демифизации язычника Прометея пошёл французский писатель Эдгар Кюнэ. В своей драме «Прометей» (1838) он доверил освобождение Прометея не Гераклу, а архангелам Михаилу и Рафаилу. Они же сообщают Прометею, что Юпитер уже низвергнут Иеговой, к которому они уносят Прометея по воздуху. Греческий миф о Прометее, таким образом, Э.Кюнэ демифологизировал за счёт другого мифа – еврейского.

В литературе XIX в. в целом продолжало сохраняться противостояние отрицательных и положительных оценок образа Прометея. Так, итальянский писатель Д. Леопарди в диалоге «Пари Прометея» (1827) изобразил Прометея бесполезным и

завистливым мечтателем. Но всех превзошёл в демифизации Прометея в конце XIX в. Андре Жид. В «Плохо прикованном Прометее» (1899) он изобразил Зевса в роли банкира, а Прометея – в роли обывателя. Однако преобладающим в это время стал мотив возвращения Прометею героического величия. Французы Л. Менар и Д. Пеладан изобразили его в образе светоча науки и святого великомученика, полька М. Конопницкая – в образе гения, непонятого серой народной массой, а немец К. Шпиттлер – в образе ницшеанского сверхчеловека.

Двадцатый век

Этот век характеризуется преобладанием морально-политического способа демифизации образа Прометея. Так, В. Я. Брюсов в стихотворении «К олимпийцам» (1904) обращается к Прометею с такими словами:

Здесь же, долу, во вселенной –
Лишь обманность всех путей,
Здесь правдив лишь смех надменный
Твой, о брат мой, Прометей!
Олимпиец! Бурей снежной
Замети мой буйный прах, –
Но зажжён огонь мятежный
Навсегда в твоих рабах!

Леся Украинка в своей драме «В катакомбах» (1905) более оптимистична. Раб в ней говорит:

Я честь воздам титану Прометею.
Своих сынов не делал он рабами,
Он просветил не словом, а огнем,
Боролся не покорно, а мятежно,
Не трое суток мучился, а вечно
И всё же не назвал отцом тирана,
Но деспотом вселенским заклеил,
Предвозвещая всем богам гибель.

По морально-политическому пути в интерпретации образа Прометея пошёл в своей стихотворной трагедии «Прометей» (1919) известный поэт-символист Вячеслав Иванов. Его Прометей предстаёт в образе кузнеца («ковача»), который живёт в пещере, вход в которую охраняет дружина из семи человек. Он оценивает жизнь созданных им людей весьма противоречиво. С одной стороны, он гордится тем, что создал людей свободолюбивых:

Себя ковать могущих я сковал;
Себя творить свободных сотворил я.

Но с другой стороны:

Поистине, земное тяготее
Ко сну земли; но бодрствует огонь.
Я дал им жизнь; но первенцам моим
Не в радость жизнь. И в ней клянут неволю
Не потому, что ведают и любят
Свободное, иное бытие,
А потому, что *быть* их приневолил
В дрему запавший бдительный огонь.

Уж не раскаивается ли Прометей Вячеслава Иванова в том, что он сотворил людей, обречённых быть несчастными? Да, его Прометей неоднозначен, но в конечном счёте свою главную заслугу он видит в том, что стремился в создании людей свободных. Вот почему он призывает к борьбе с рабством, к борьбе за свободу, частицу которой он вложил в людей вместе с его божественным огнём. Без этой борьбы человек подобен животным:

Не мир мне надобен, но семя распри.
Довольны братья будут. Я творил
Вас, первенцы, и нет средь вас раба;
И будет рабство, но раба не будет.
Своим страстям и вожденьям низким
Вам рабствовать дано; но, как челом,
Подъятым к небу, ты не в силах долу

Поникнуть, человек, уподобляясь
Четвероногим, – так не в силах ты
Забыть в тебе зачатую свободу.

Переменчивая в своём поклонении толпа сначала готова
сделать своей богиней Пандору, но в конце трагедии, она вновь
отдаёт себя во власть Прометею:

Нам Прометея!
– Он – наш царь.
– Отдайте
Нам Прометея!
– Прометей – наш бог!

Если в первые годы после революции 1917 г. в советской
поэзии Прометей выступал главным образом в образе велико-
го революционера (например, у Якоба Коласа), то позднее си-
туация изменилась. Довольно необычно изображена ситуация
со священным огнём, который Прометей принёс людям в тро-
стинке, в трагедии Мустафа Карима «Не бросай огонь, Проме-
тей!» (1975): люди, как ни странно, стали от этого огня отказы-
ваться. Вот как выглядит эта ситуация:

Прометей
Я принёс огонь!
Адамшах (вождь людей)
Но кто из нас просил тебя об этом? Я?
Или эти жалкие калеки,
Что у тебя валяются в ногах?
Голоса из темноты
– Мы не просили!
– Нам огонь не нужен!
– Чур! Чур!

Прометей ошарашен. Даже красивой девушке огонь не ну-
жен. Почему?

Девушка

Тогда огонь волшебный убери.
Ведь если люди злобные увидят,
Что видел ты,
Не будет мне пощады,
Мне вечно станут мстить за красоту.
Не нужен свет!
Людская зависть, злоба
Сестру мою родную здесь настигла,
Как птицу без гнезда.

Огонь Прометея всё-таки попал к людям. Но ценою жертвы – его возлюбленной Агазии, сгоревшей в огне. Смерть Агазии меняет ситуацию с отношением к огню со стороны людей. Преображённые, они восклицают:

Прометей! Мы виноваты,
Так виноваты мы перед тобой!
Чем оправдаться? Подскажи, что делать?
Прометей отвечает:
Учитесь делать из себя людей,
И только в этом – ваше оправданье.

Прекрасные слова! Не в бровь, а в глаз! Поскольку канонический Прометей – бог очеловечения.

Сделаем выводы:

1) общий взгляд на историю образа Прометея в литературе показывает, что в демифизации этого образа её представители разделились на два направления – отрицательное и положительное. Представители первого из них стремились снизить роль Прометея в культурогенезе, а представители другого, напротив, – её повысить. В число первых ещё в античности вошли Гораций и Проперций, а в дальнейшем – Вольтер, Д. Леопарди, Ф. Шлегель, Э. Кюнэ. В число авторов второго направления в свою очередь вошли писатели двух типов – частнокультурного и общекультурного;

2) авторы частнокультурного типа пошли по пути усиления роли Прометея в генезисе, с одной стороны, науки (Теофраст, Д. Боккаччо, Л. Менар), а с другой стороны, нравственности и политики (Д. Байрон, П. Б. Шелли, Л. Украинка, В. И. Иванов);

3) авторы общекультурного типа (А. Шлегель, И. Гердер, М. Карим) в свою очередь пошли по пути углубления наших представлений об очеловечивающей, эволюционно-культурной природе образа Прометея. Эти представления наиболее адекватны каноническому Прометею. Они больше всего соответствуют античного мифу о Прометее, как он был изложен Гесиодом и Эсхилом. Особая заслуга в их развитии принадлежит Иоганну Гердеру;

4) попытки снижения образа Прометея в истории литературы не могли уничтожить память об античном образе Прометея, несущего огонь людям, чтобы осветить им их культурно-эволюционный путь – путь очеловечения.

ДЕМИФИЗАЦИЯ ОБРАЗА ХРИСТА В ИСТОРИИ РУССКОГО ЕРЕТИЧЕСТВА

Еретичество не следует путать с атеизмом. Атеист критикует религию с научной точки зрения, стремясь к полному отрицанию сверхъестественных и чудотворных божественных сил, господствующих над миром, а еретик это делает, не порывая с религиозным сознанием.

Оставаясь на почве религиозного сознания, еретик стремится к улучшению той или иной религии, а то и к полной замене одной религии на другую. Его цель – или обновлённое старое религиозное учение, или новое. Об этом говорит и этимология слова *ересь*, которое в переводе с греческого значит *учение*.

Возникает вопрос: чего в еретичестве больше – эволюции или инволюции, прогресса или регресса? Теоретически на этот вопрос как будто ответить нетрудно.

Если тот или иной автор ереси создаёт новое учение, которое на самом деле оказывается более прогрессивным, чем кри-

тикуемое, то его деятельность, очевидно, следует расценивать как движение вперёд, т.е. как прогресс. Хотя и в рамках религиозного сознания, но он становится в этом случае проводником духовной эволюции.

Напротив, если тот или иной еретик создаёт учение, которое вовсе не продвигает религиозную мысль по пути её собственной эволюции вперед, а наоборот – тянет её назад, то мы имеем дело с религиозной инволюцией.

На практике на вопрос о том, чего в еретичестве больше – эволюции или инволюции, далеко не всегда легко ответить, поскольку не так-то просто в той или иной ереси отделить прогрессивное от регрессивного и измерить их соотношение.

Вопрос, о котором идёт речь, ещё более осложняется, когда в его решении мы становимся на культурно-историческую точку зрения, т.е. стремимся при эволюционной оценке определённой ереси исходить из тех культурных условий, в которых она создавалась.

Религия играла в культурогенезе весьма позитивную роль. Она была донаучной формой освоения мира. Поскольку в любой религиозной картине мира имеются элементы научной, религиозная картина мира способствовала упорядочению у людей представлений о реальном мире и тем самым помогала им ориентироваться в этом мире.

Вот почему в историческом смысле мы должны расценивать развитие религии как часть культурной эволюции. В особенности это справедливо в отношении к развитым религиям – зороастризму, буддизму, христианству, исламу и т.п. Но со временем религия всё в большей и большей степени стала утрачивать свою прогрессивную роль в культурогенезе. В качестве точки отсчёта здесь можно принять борьбу религии с наукой.

Эта борьба приобрела в Сердине века в Европе чрезвычайно острую форму. В еретиках в это время оказывались люди, стремящиеся к построению научной картины мира (например, Роджер Бэкон (ок. 1214–1292)). Регрессивное начало в христианстве с этого времени стало всё больше и больше преобладать над прогрессивным.

В эпоху Возрождения и Новое время религия всё больше и больше отступает перед наукой, хотя её позиции остаются всё ещё очень сильными. Она всё ещё лихорадочно цепляется за свою былую роль в обществе. Отголоски этой роли сохраняются до сих пор. Как же в этих условиях расценивать ересь?

Даже самые прогрессивные еретики оставались носителями религиозного сознания. Вот почему в конечном счёте они способствовали сохранению религии. Они стремились её улучшить или заменить новой, но не отменить совсем. Они не были атеистами. Они были религиозными реформаторами. Отсюда следует парадоксальный вывод: чем умнее и талантливее еретик, тем в большей мере он способствует сохранению религии.

Еретичество, вместе с тем, играло и прогрессивную роль. Стремление к улучшению религии, в конечном счёте оно способствовало её разрушению. Отсюда следует другой парадоксальный вывод: чем умнее и талантливее еретик, тем в большей мере он способствует уничтожению религии.

Яркие примеры ересей даёт нам история нашей страны. Авторами русских ересей были такие самоотверженные и смелые люди, как Ф. Косой, Д. Е. Тверетин и Ф. Подшивалов. В своей критике христианства они заходили так далеко, что им оставался лишь один шаг до атеизма.

Феодосий Косой

Феодосий Косой жил в XVI веке. Он был монахом Кирилло-Белозерского монастыря, куда он попал после бегства от своего крепостника. С 1551 года он распространял своё «Новое учение», за что и прослыл страшным еретиком. В 1553 г. он бежал в Литву.

Чему же посвящено «Новое учение» Феодосия Косого? Вот как на этот вопрос ответил В.Б.Авдеев:

«Заметной фигурой среди еретиков был Феодосий Косой, ибо его “Новое учение” отличалось большим радикализмом и непримиримостью. Наибольшую злобу и ненависть отцов церкви вызывали его утверждения о “самобытности” всего сущего, об “извечности”, а не божественной сотворённости неба,

земли и всего живого. Крепостной мужик проповедовал постоянную смену форм жизни, самостоятельно толковал Моисеево пятикнижие, великолепно разбирался в широко представленной святоотеческой литературе. Совершенно замечательны его логические рассуждения о символе веры – кресте, ведь Бог должен ненавидеть крест, так как на нём был убит его сын, и, следовательно, поклонение куску дерева изначально противоречит вере, а не укрепляет её.

Народный вольнодумец видел вполне конкретную идеологическую функцию поста, обрядов, чудес и недоумевал, как можно поклоняться мощам и искать защиты у мёртвых. Много внимания уделено им лживости института монашества, и даже идеологические противники признавали мужество и разум самостоятельного мудреца...

Феодосий Косой боролся с теорией исключительности и богоизбранничества ещё в XVI веке, закладывая начатки синтетических рассуждений, которые мы видим сегодня во многих модернистских течениях. Идейное движение его последователей было столь велико и обширно, оставило такой след в умах людей, что один иностранец, посетивший Литву, заметил: “Когда уже однажды брошены были семена лжеучения, чёрт принёс московских чернецов, которые подлили того же яда”» (1; §1).

Дмитрий Евдокимович Тверетинов

Дмитрий Евдокимович Тверетинов был современником Петра I. Этот потомственный дворянин позволил себе такие высказывания в адрес христианства, которые послужили основанием для обвинения его в 1713 году в ереси. У того же Б. В. Авдеева читаем:

«Поистине изумителен самобытный образ Дмитрия Евдокимовича Тверитинова, ставший неотъемлемой частью его свободолюбивого учения. Этот стрелецкий сын, выучившийся лекарскому делу ещё в начале реформ Петра Великого, превратил свою жизнь в религиозный эксперимент. Как и у многих культурных самостоятельно мыслящих людей, неприятие

догматических основ христианства началось у него при детальном изучении Библии. Сочетая постоянную медицинскую практику с анализом богооткровенных текстов, чем и снискал всеобщее уважение высших слоев общества, он пришёл к парадоксальным, но исключительно правомерным выводам. Ему не составило большого труда понять политическую, а никак не сверхъестественную основу Великих соборов. Все предания отцов церкви он смело именовал “баснями человеческими”. Его мнения о кресте, иконах и иной культовой атрибутике – новый этап русского иконоборчества.

Новый потому, что создавался он не просто народным правдолюбом, а человеком прагматического ума, умеющим анализировать последствия своих действий, и, что важно, отвечать за них самолично, как и подобает настоящему врачу. Это уже не сумбурные откровения блаженного старца, это ересь, выросшая до уровня самостоятельной концепции. Не будем забывать, что ересь – это значит по-гречески учение.

“Бесполезно стучать лбом об пол перед крашеной доской, ведь легко заметить, что иконы горят и никакими чудесами от огня не спасаются, да и вообще вера в чудеса связана с помрачением народа. Смешно кланяться мощам святых и искать защиты у мертвецов. Да и много ли среди канонизированных в последние столетия подлинно святых, ведь никто из них с Богом-то в беседе не был”.

В его тетрадях целый отдел посвящён анализу проникновения сущности и духа языческих обрядов в структуру христианского миропонимания, и почитание святых ассоциировалось у Тверитинова с типичным проявлением многобожия.

“Нет ходатаев нам в Царствии Небесном, как и на земле, за всё нужно отвечать самому”. Теперь уже можно смело сказать: следуя устоявшейся еретической традиции, он отказывался видеть в Христе Божьего сына и направлял энергию своих логических выводов против церкви, ведь лик Господа в ней – обман. “Я сам – Церковь”, – вот подлинный апофеоз его учения» (там же).

Фёдор Подшивалов

Фёдор Подшивалов жил в XIX веке. Он был крепостным мужиком. Вот с какой любовью о нём писал В. Б. Авдеев:

«Теперь нужно остановиться, чтобы сменить тон и подготовиться к осмыслению жизни и учения Фёдора Подшивалова, ибо ничего подобного в нашей духовной словесности нет. Нет ничего даже подобного по силе ясного, самостоятельного и вместе с тем возвышенного страстного рассуждения о природе Божественного, ибо взгляды этого человека были настолько масштабны своей новизной, настолько не соответствовали обстановке его жизни, что могут быть осознаны в полной мере лишь людьми грядущего тысячелетия...

По рождению этот человек был в полном смысле слова вещью, которую хозяева передавали друг другу, повинаясь воле нелепого барского каприза. Его жизнь порождает метафизический трепет, а каждое свободолобное высказывание на её фоне шокирует несказанно. Философия и религия в самых возвышенных тонах его повествования вплетаются в канву адской подневольной жизни, образуя яркий рисунок идейной конструкции, титанической и неповторимой.

Крепостной, сын крепостных, ему неоткуда было впитать те благородные и вместе с тем смелые понятия, что он изложил в своём учении. У него на глазах пытали отца, мать, сестру, но картины невыносимого страдания близких людей рождали в его мозгу дерзкие мысли гордого эллина, а никак не человека “подлого происхождения”.

“Боги праведные, избавьте от этого мучительного Бога, который всем велел терпеть и мучиться! Владыка всемогущий, когда, когда ты пошлешь прекратить несчастное сие наследство, а ты, мучитель, доколе ещё будешь путать род человеческий в своих сетях и слепить, как лягушек болотных! Нет, время уже прекратить сие мучение!”» (там же).

В чём же состоит «философия и религия» Фёдора Подшивалова, которую он изложил в своей книге «Новый свет и законы его»? Послушаем самого автора этой книги:

«Чёрта или сатаны, который бы мучил в аду народ за грехи, никогда не было. Это было только для того верующим сказано, чтобы они надеялись на будущее. Ибо это для того было ещё сказано, чтоб удобнее всякого, во Христа верующего, свободнее привести к повиновению господам и чтоб они без всякого упорства мучились...

Для чего, как рассказывает Евангелие, чудесно родился Христос? Для того только, чтобы быть мучиму и распяту на кресте, и чтобы весь род человеческий пострадал, подобно ему. Только он мучился, может быть, 12 часов, а весь род человеческий должен мучим быть 1829 лет и семь месяцев. Хорошо же он над нами подшутил! Мы носи на себе крестное его знамение за то... что вывел нас из одного заблуждения и ввергнул во вторую напасть, не менее ужасную. И велел нам мучиться, то есть: на том свете заплатят! Заплати мне здесь – а на том пущай господину заплатят. Знайте, что теперь аду и раю нету, да никогда его и не бывало, и надеялись мы на них совсем напрасно... Все наши законы взяты от Иисуса Христа, ибо они основаны на мучении...

Итак, если бы не надеялись на будущее, а разрешали бы здесь, наверное, лучше бы было. А то все упование наше возлагаем на будущие два мнимые царства – ад и рай – выдуманные Иисусом и на всю его путаницу... Да познаем самих себя, для чего мы произведены на свет?!

Для того, чтобы царствовать и веселиться или чтоб всю жизнь страдать и мучиться? Я скажу – чтобы царствовать и веселиться! Человек рождается совсем не для того, чтобы он мучился или кто бы его мучил, а человек единственно для того родился, чтобы он украшал природу и землю, и прославлял бы создателя своего, и был бы в совершенном виде человека для украшения природы... Только прошу вас моим Богом, равно и вашим, не бунтоваться, тот, кто скорее уверует, тот и без бунта почувствует свободу внутреннюю и душевную. Ведь тут тягость, кажется, небольшая, сказать, что не верую больше Христу и его святым, и матерям божиим и исполнить, что сказал» (там же).

«Сказать об учении Федора Подшивалова “ересь” – значит унижить природный гений и незаслуженно польстить церкви, – комментирует эти слова В. Б. Авдеев. – Он перешагнул через Христа, вырвался из его сетей. Он – апостол своей собственной религии, её первоверховный жрец» (там же).

Ересь вовсе не является достоянием одного прошлого. Возьмём здесь для примера работы двух современных русских еретиков – В. Б. Авдеева, которого я только что так щедро цитировал, и В. А. Истархова. Основной труд первого из них – «Преодоление христианства» (1), основной труд другого – «Удар русских богов» (2).

Владимир Борисович Авдеев

В. Б. Авдеев определил свою книгу «Преодоление христианства» как «адогматическую проповедь», тем самым подчёркнув мысль, что он вовсе не атеист, а критикует христианство на его собственной – религиозной – почве. Вот почему можно смело сказать, что он – продолжатель антихристианской ереси.

Краеугольный камень книги В. Б. Авдеева – развенчание оригинальности иудаизма и христианства. Он расценивает их как религии, источниками которых были ассирийская, вавилонская, древнеегипетская, греческая и древнеиранская религии.

Доказывая неоригинальность основных постулатов «Библии», В. Б. Авдеев, в частности, писал:

«Так, ещё Зороастр за много лет до Моисея и всех ветхозаветных пророков считал, что истина, справедливость, верность и смелость – качества, присущие человеку изначально. Добродетель – естественный порядок вещей, а зло – его нарушение. Ему принадлежит и религиозная клятва на верность своему Богу в том виде, в каком мы привыкли её понимать и поныне.

Ещё до рождения Зороастра древние индоарии считали, что мир создан Богами в семь приёмов. Семь дней творения затем, спустя века, будут приписаны и Единому Богу. Деление загробного существования на два отделения: Рай и Ад – со всеми соответствующими атрибутами благоденствия и мук, включая

даже жарение на сковородах в кипящем масле, также изобретены не в Ветхом Завете, а ещё арийскими жрецами. Время религиозного возмужания Христа было аккуратно переписано с жизни самого Зороастра вместе со всеми деталями откровения, что беспрестанно дублировалось после во всех священных книгах всех времён и народов» (1; # 3).

Основной источник библейских мифов В. Б. Авдеев увидел в зороастризме. Он писал:

«Даже само понятие чудотворства измыслил древний индоарий Зороастр, равно как и всю эсхатологическую концепцию мира с окончанием времени, Страшным Судом, наказанием сил зла и установлением царства благоденствия. Им же заложены и основы мессианской идеи – мечты о сыне пророка, искупающего все грехи человечества. Отсюда и следует, что сама миссия Кришны, Будды и Христа была предначертана ещё Зороастром, не говоря уже об учении о трёх конечных замкнутых эрах мироздания. Первой – “Творении” – создании мира из небытия, Второй – “Смешении” – борьбы сил зла и добра, и Третьей – “Разделении” – судном дне и окончательной победе добра.

Основные черты к портрету Единого Бога и Единого дьявола списаны с зороастрийских Ахура-Мазды и Аримана. Но если в Ветхом и Новом Заветах спасение человека зависит от покаянного безволия и капризов Создателя, то согласно авестийской традиции каждый человек мог заслужить спасение в зависимости от совокупности мыслей, слов и дел, в которые не смеет вмешиваться и изменять по своему усмотрению ни одно Божество» (там же).

Имеется ли в библейских мифах что-нибудь, что создано самими евреями? «Единственное, в чем изобретатели Ветхого Завета могут претендовать на абсолютное авторство, так это в изобретении самого понятия “религиозной”, “священной” войны, методология которой весьма подробно дана во “Второзаконии”, а затем ещё более скрупулезно отработана Кумранской общиной в таких документах, как “Кодекс войны”, “Книга Тайн” и “Устав для всего общества Израиля в конечные дни”. Ни в одной другой религии мира ранее подобная методология столь

тщательно не отрабатывалась, и лишь позднее в данном деле преуспел ислам, да знаменитые Крестовые походы также имели недюжинную теоретическую базу» (там же).

В. Б. Авдеев восклицает: «Последнее же чудо-чудесное заключается в том, что знаменитые десять заповедей существуют в двух вариантах: первый – для всего “стада Божия”, второй же – только для пастухов. Двойное контрабандное дно морали для одних и для других с тех пор стало нормой во всех монорелигиях, в которых Единый Изобретенный Бог – соучастник всех преступлений» (там же).

Образ Христа автор этих слов подвергает безжалостной демифизации:

«Много места в евангелиях уделено чудесам, содеянным Христом. Однако при более детальном исследовании выясняется, что они носили сугубо избирательный характер и далеко не каждый мог получить желанное исцеление. Так, например, в повествовании Матфея женщина просила Иисуса освободить её дочь от беса, “но он не отвечал ей ни слова. И ученики его, приступив, просили его: отпусти её, потому что кричит за нами. Он же сказал в ответ: я послан только к погибшим овцам дома Израилева”. Комментарии, как говорится, излишни, и все заезженные тезисы о любви к “ближнему” растворяются сами собой» (там же).

Есть у автора этих слов и такое:

«Общеизвестно, что Иисус на протяжении всей своей пропагандистской деятельности не уставал метать громы и молнии в адрес язычников, заявляя, что нет греха больше, чем идолопоклонство и нужно отречься от матери и отца, если они многобожники. Поразительно, но факт остаётся фактом, что когда шовинистически настроенный пророк уставал вести идеологическую борьбу с непримиримыми иудаистами, в “отпуск” он отправлялся именно к язычникам, удаляясь в страны Тирские и Сидонские. Будучи проклинаям на родине ортодоксами закона Моисеева, он был встречаем с восторженным почтением бедными язычниками, дозволившими хулить свои обычаи и веру сколько угодно» (там же).

Что это за народ такой – язычники? Их хулят, а они принимают поношения в свой адрес с христианским смирением и даже восторгом. Если евреи новоявленного мессию распяли, то язычники чуть ли не всей Европы объявили его своим богом.

Между тем В. Б. Авдеев в конце концов приходит вот к какому печальному выводу об основателе христианства:

«Иисус Христос – это собирательный образ религиозного зомби, единственным назначением которого было умереть, чтобы потом легковверным глупцам можно было подсунуть удобоваримую басню о воскресении и втором пришествии в целях элементарного манипулирования человеческим материалом на протяжении целых веков» (1; # 6).

В подтверждение психического нездоровья христианского мессии В. Б. Авдеев приводит следующий факт:

«Французский врач-психиатр А. Бинэ-Сангле написал двухтомный труд под характерным названием “Безумие Иисуса”, а советский врач Я. Минц опубликовал статью “Иисус Христос как тип душевнобольного”. Диагноз в обоих случаях один – паранойя. Немецкий психиатр Крепелин пишет об этом: “Заболевание, которое характеризуется тем, что на почве своеобразного психопатического предрасположения, при сохранении осмысленности и правильности мышления, у человека развивается стойкая система бреда, который может сложиться в стройную, последовательную и яркую систему, носящую следы творчества”. По мнению исследователей, Христос был одержим параноидальным синдромом, содержанием которого была мания величия, связанная с самообожествлением и с представлением о том, что он, как мессия, призван спасти все человечество, притом ценой собственного страдания.

С эгоцентрическим бредом величия у Иисуса соединяется и бред преследования, обречённости; он постоянно возвращается к вопросу о неизбежном, предстоящем мученичестве. Приступы мажорного подъёма сменяются у него приступами меланхолии и депрессии, как, например, в Гефсиманском саду. Картины искушения Сатаны в пустыне трактуются как галлюцинации в результате истощения организма. Физическая неполноцен-

ность отчетливо видна на многочисленных изображениях, распятиях, иконах. Христос был даже не в состоянии донести крест до Голгофы, постоянно потея кровавым потом...» (1; 8).

Такая ересь по существу сливается с атеизмом, но всё-таки В. Б. Авдеев – не атеист, а еретик, поскольку до отказа от религиозной веры он не поднялся, хотя сам он себя еретиком не признаёт. Он писал:

«Сразу же после первых полётов в космос в нашей стране начался прилив атеистической эйфории, якобы полёты в околопланетное пространство окончательно опровергли тезис о существовании Бога. Возможно тезис о существовании Библейского Бога, сурово и надменно сидящего на небесах, они отвергли. Но тезис об извечной религиозной потребности, удовлетворяемой в любой доступной форме, они даже не затронули» (1; 23).

В. Б. Авдеев не стал автором нового вероучения, но он намекнул на возможность появления у нас новой религиозности, которую он назвал универсальной и которая ещё не сложилась, но её идея уже носится в воздухе. Новая религия преодолет все предшествующие, поскольку ни одна из них, с его точки зрения, не может претендовать на подлинную универсальность. В конце своей «адогматической проповеди» он провозгласил:

«Прежние “русские идеи” были напичканы христианством, но очень скоро появится книга всё с тем же классическим названием “Русская идея”, и в ней совершенно не будет Христа. Новая идея преодолет старую, но всё равно останется Русской. Дыхание новой религиозности носится в воздухе, потребности в универсальной религии сгущаются день ото дня, международный конкурс уже объявлен, и нужно понять, какое место будет нам отведено в этом глобальном процессе. Россия – это шумный проходной тамбур в поезде человеческой культуры, что ходит с Востока на Запад и обратно. Запад сейчас постепенно отдаёт, а Восток постепенно прибирает к рукам религиозное лидерство. Нам остается только впрыгнуть в этот тамбур перед тем, как на целую эпоху окончательно захлопнутся двери мировой истории, сотворить нечто совершенно неожиданное и забрать себе лидерство» (1; 32).

На вопрос «Можно ли обойтись без религий?» В. А. Истархов в 17-ой главе своей книги «Удар русских богов», как и Б. В. Авдеев в «Преодолении христианства», ответил отрицательно. Вот как В. А. Истархов объясняет свою позицию по этому вопросу:

«Если стремиться к полноценной жизни, на поставленный вопрос следует ответить отрицательно. Без религий не обойдешься. Атеизм – это тоже вера. Вера в то, что бога нет. Вопрос “можно ли обойтись без религий?” равнозначен вопросу “можно ли обойтись без связи с космическими силами, без связи с Богами?”. Вне этой связи жизнь человека неполноценна. Людям присуще религиозное чувство. Оно сопровождает людей на протяжении всей человеческой истории. Если это чувство не направить в конструктивное русло, то человечество не сможет нормально развиваться. Если не предложить людям разумных религий, то они станут достоянием таких сатанинских религий, как христианство, или ему подобных».

До такой ереси, надо полагать, ещё не доходил ни один самый храбрый еретик! Во всяком случае, об отнесении христианства к сатанинской религии я услышал от В. А. Истархова впервые. Только два вопроса мы поставим перед автором «Удара русских богов»:

1. Какие же претензии он предъявляет в своей книге христианству вообще и Иисусу Христу в частности?

2. Если без религии человеку обойтись нельзя, то какую же религию он предлагает русским людям взамен христианской?

Первый вопрос. Претензии, предъявляемые В. А. Истарховым к христианству вообще и его основателю в частности, систематизированы им по следующим рубрикам: гордость, веселье и счастье, интеллект, смелость, уверенность в себе, сексуальность, здоровый эгоизм, справедливость и др.

В христианстве, по В. А. Истархову, каждая из этих категорий превращена в свою противоположность: на место гордости поставлено раболепное смирение, на место веселья и счастья –

уныние и страдание и т.д. Пройдемся и мы по этим рубрикам (см. 5 гл. указ. соч.).

Гордость. «Христианин не может быть гордым. Гордыня – один из самых сильных христианских грехов. Христианин должен быть смиренным и терпеливым. Смиренно терпеть все надругательства над собой. Христос учит: “Ударили по одной щеке, подставь и другую” (от Матфея 5:39). Терпи убогий человечешко, ты же тлен, ничтожество, РАБ божий (и это об образе и подобию божьему). Раб! Из-за культивирования этих доблестей воспитывается жалкий народишко, который всё терпит и ещё гордится своей позорной терпеливостью. Над ним издеваются, как хотят, а он, вместо того чтобы восстать и свергнуть гнусную власть и добиться достойной жизни, всё терпит. А христианские попы подпевают, что “бог терпел и нам велел”, “всякая власть от бога”...То жалкое состояние нашего русского народа – это всё плоды христианского воспитания. Христианство воспитывает покорных и смиренных рабов».

Веселье и счастье. «Христианский герой не может быть весёлым и счастливым. Такая жизнь не христианская доблесть. Человек должен страдать и мучиться. И чем больше, тем лучше. Самые лучшие христианские герои – это мученики, нищие, убогие, уроды, сумасшедшие, не живущие нормальной жизнью на земле, а мучающиеся. Всем этим великомученикам и блаженным (сумасшедшим) понаставили массу церквей... Христос проповедует: “Горе вам, смеющиеся ныне! Ибо восплачете и возрыдаете... Блаженны плачущие ныне, ибо воссмеётесь” (от Луки 6:21-24). Христос что-то обещает в будущем, но не хочет, чтобы люди смеялись в настоящее время, ему приятнее, когда они плачут».

Интеллект. «Каков должен быть интеллектуальный и духовный потенциал христианского героя? “Блаженны НИЩИЕ ДУХОМ, ибо им принадлежит царствие небесное” (от Матфея 5:3) – лучше не скажешь. Чётко и ясно, что христианство рассчитано на слабоумных и слабовольных. “Так будут последние первыми и первые последними” (от Матфея 20:16)... В христи-

анстве человек никогда не ценится по силе интеллекта, а ценится по силе его веры. У кого вера крепче, тот и лучше».

Смелость, уверенность в себе. «Христианство – религия, базирующаяся на страхе. Христианство развивает и культивирует трусость. Без человеческого страха христианство не может существовать. Поэтому настоящий христианин – это страшный трус. Его трусость такова, что он не только боится сделать что-нибудь, не дозволенное свыше, нарушить какие-нибудь каноны, но и боится даже подумать как-нибудь не так, как ему положено, боится ознакомиться с какими-нибудь не такими еретичными мыслями других людей. Боится “дьявольского” искушения. Боится любого инакомыслия».

Сексуальность. «Хороший христианин не может быть сексуальным, секс – это якобы первородный грех. Лучший христианин – это импотент и кастрат или в худшем случае раз в год совокупляющийся со своею женой для продолжения рода (естественно, без всяких там оргазмов и прочих половых “извращений”»).

Здоровый эгоизм. «В христианстве – великомученики и жертвенники, которые сами не жили, а мучались, но зато думали не о себе, а обо всех и всех “спасали”».

Справедливость. «Если Моисей завещал “Око за око, зуб за зуб”, украв эту заповедь из язычества, то любой нормальный здоровый человек считает этот принцип за настоящую справедливость. Христос отвергает этот языческий принцип и проповедует противоположное: “А я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую, и кто захочет взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду” (Е. от Матфея 5:38-40). “Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклиняющих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас” (от Матфея 5:43-44)».

Из подобной интерпретации христианства естественным образом вытекает общий приговор В. Истархова этой религии: «Прекрасно сказал Великий русский князь Святослав (отец

Владимира, внедрившего христианство на Руси): “ВЕРА ХРИСТИАНСКА – УРОДСТВО ЕСТЬ”. Христианство – это религия духовного разложения, своего рода духовный СПИД, информационное оружие, разоружающее защитные силы народа перед нашествием чуждых и враждебных сил. Ломающее волю народа к сопротивлению и делающее людей рабами без всякой борьбы».

Второй вопрос. Подготавливая читателя своей книги к ответу на вопрос о том, какую религию принять русскому народу, В. А. Истархов писал:

«Без восстановления русской национальной религии – язычества – русский народ не может рассчитывать на нормальное и гармоническое развитие. И более того, в настоящее время, когда против русского народа ведется мощнейшая необъявленная информационная и управленческая война, без национальной религии Россия может упасть в хаос и сойти с мировой арены на задворки человечества. А русский народ может постичь участь аборигенов Америки (индейцев), которых новые хозяева Америки в основном уничтожили, а остатки загнали в резервации» (2;1).

Но понимание религии вообще и «русской национальной религии» в частности у В. А. Истархова весьма своеобразно. Все религии, основанные на вере, с его точки зрения, являются лжерелигиями. Отсюда неистовый пафос его критики религиозной веры:

«Вера – страшное оружие оболванивания народа. Истинно верующий человек страшен своим фанатизмом и неспособностью не только понять, но даже и выслушать другую точку зрения. Вера полностью парализует сознание» (2;2).

Подлинная религия, по В. Истархову, должна основываться не на вере, а на знании. Замечательно! Но что эта за религия такая, которая богов признает, а веру в них отрицает?

Религия без веры в бога есть не что иное, как атеистическая религия. Выходит, круглый квадрат или квадратный круг, т.е. оксюморон. Ересь здесь сливается с атеизмом.

Обратимся теперь к самой сути языческого учения новоявленного основателя «русской национальной религии», которая

опирается не на веру, а на знание. На какое знание? На знание славянских мифов. В. А. Истархов увидел истоки русской национальной религии именно в ней. Вот почему он противопоставляет старое славянское язычество христианству как здоровое религиозное знание, которое изначально присуще русским, а не навязано, как христианство, извне. Вот какие примеры бесспорного преимущества славянского язычества перед христианством В. А. Истархов приводит в 18-ой главе своей книги:

1. «Кто такие русские Боги и кто такие русские люди? Христианский бог “сделал” себе человека-раба: мужчину из земли (Бытие 2:7), женщину из мужского ребра (Бытие 2:22). В отличие от христианства древние русские не являются ни “изделиями” своих Богов, ни тем более рабами Богов, ни великими грешниками перед Богами. Славяне – это потомки своих Богов. Русские Боги – это наши предки. Поэтому характер взаимоотношения древних русских и их Богов был принципиально другим, нежели в христианстве. В отличие от христианства русские не унижались перед своими Богами. Никогда не стояли перед ними на коленях, никогда по-рабски не гнули спину, никогда не целовали руки жрецам. Они, понимая всё превосходство своих Богов, в то же время чувствовали естественное с ними родство.

2. Основное чувство по отношению к Богам у христиан – это страх, у древних римлян – уважение, у славян – любовь. Славяне не скулили и не вымаливали у Богов прощение за несуществующие грехи, подаяние или спасение. Если славяне чувствовали свою вину, то они искупали её не только молитвами, а конкретными делами. Славяне жили своей волей, но и стремились согласовывать свою волю с волей своих Богов.

3. Во время молитвы славяне сохраняли гордость и мужественность. Молитвы славян – это в основном хвала и славословие Богам, обычно носящее характер гимна. Славяне славили своих Богов, отсюда и идёт понятие *славяне*. Перед молитвой полагалось омовение чистой водой, желательно всего тела или как минимум лица и рук.

4. Русское (как и греческое, и римское, и любое другое) язычество в отличие от христианства воспитывало гордых, сме-

лых, жизнерадостных, сильных духом, независимых личностей, людей чести и достоинства, не терпящих издевательств над собой и умеющих за себя постоять. Каждый русский мужчина, вне зависимости от призвания, в первую очередь должен был по духу быть воином, способным в случае необходимости защитить самого себя, свою жену и детей, своих близких, свой народ, свою Родину.

5. По поводу жертвоприношений в языческой книге Велеса дословно записано: “Боги руссов не берут жертв людских и ни животными, единственно плоды, овощи, цветы, зерно, молоко сырное питье (сыворотку), на травах настоенное, и мёд и никогда живую птицу и не рыбу. А вот варяги и аланы богам дают жертву иную – страшную, человеческую, этого мы не должны делать, ибо мы Даждь-боговы внуки и не можем идти чужими стопами...”».

Ересь Ф. Косого, Д. Е. Тверетинова, Ф. Подшивалова, как и ересь В. Б. Авдеева и В. А. Истархова есть не что иное, как бунт изболевшейся русской души против бесконечного великомученичества нашего народа. Они увидели главный источник этого великомученичества в христианстве.

Два главных требования предъявляются к богу – могущество и чудотворность. Старые русские еретики крепко засомневались в том, что Ииус Христос соответствует этим требованиям, а новые отвергли их вовсе. Как те, так и другие пошли по пути демифизации христианского бога.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдеев В. Б.* Преодоление христианства (опыт адогматической проповеди). М., 1994: <http://www.philosophy.ru/library/misc/avdeev/00.html>.
Истархов В. А. Удар русских богов. М., 2001.

ДВЕ ФОРМЫ АНТИЭВОЛЮЦИОНИЗМА В РУССКОМ ПРАВОСЛАВИИ

*В одну телегу впрячь не можно
Коня и трепетную лань.*

А. С. Пушкин

Эволюционизм – мировоззрение, признающее приоритет эволюции над её противоположностью – инволюцией. Инволюционизм, напротив, отдаёт предпочтение инволюции перед эволюцией. Между этими противоположными типами мировоззрений происходит борьба. Особой агрессивностью характеризуется богословский антиэволюционизм.

Антиэволюционизм в религиозном сознании проявляется в двух крайних формах – антисциентистской и сциентистской. Первая из них направлена на резкое отдаление религии от науки, а другая, напротив, – на сближение их между собою. Если антисциентистский антиэволюционизм в богословии целиком отрицает научный эволюционизм, то сциентистский, наоборот, пытается подвести его под религиозную догматику.

Тенденцию к сближению научного эволюционизма с религиозным мы можем увидеть, например, в решении католической церкви принять концепцию Большого взрыва, в соответствии с которой наша Вселенная – результат сверхмощного взрыва гиперплотного сгустка праматерии.

Это решение было принято ещё в 1952 году. Но оно, разумеется, не должно было противоречить библейскому догмату о сотворении мира за шесть дней. Авторы этого решения вышли из положения очень просто: они приняли концепцию Большого взрыва лишь с одним условием, состоящем в том, что Большой взрыв сотворил Бог. Сциентистский антиэволюционизм, таким образом, онаучивает религию.

Остановимся сначала на антисциентистской форме антиэволюционизма в богословии. Конечно, мы могли бы при её рассмотрении последовать совету К. Буфеева, который писал: «...когда сегодня мы слышим о теориях эволюции, мы спокой-

но можем не замечать их, покуда эти языческие мудрования не имеют к Церкви никакого отношения» (1; 2).

Этому богослову, таким образом, до научного эволюционизма как будто нет никакого дела, но взялся он за развенчание эволюционизма исключительно потому, что он стал проникать и в богословие. Он писал после только что приведённых слов:

«Если бы в наше время не предлагалось бы масса разновидностей “православного эволюционизма”, Церкви было бы легко откреститься от этой ложной философской концепции. Но вся беда в том, что сегодня многие христиане готовы признать за справедливое учение об эволюции вселенной, а эволюционисты весьма склонны объявлять себя смиренными христианами» (там же).

Мы тоже могли бы спокойно не замечать антиэволюционизм в богословии, поскольку рассчитывать на диалог, когда имеешь дело с церковниками, не приходится. Наши слова для них равным счётом ничего не значат. Большинство из них сотни лет говорят об одном и том же, и переубедить их в чем-либо – затея бессмысленная. Но всё дело в том, что богословский антиэволюционизм – ярчайший пример инволюционного сознания, которое в вопросах, связанных с эволюцией, тянет людей в дремучую древность.

Более того, богословский антиэволюционизм время от времени выходит за пределы богословия и, потрянув стариной, задиристо спорит с научной теорией эволюции, как бы анахронично это ни выглядело. Его представители прекрасно понимают, что научный эволюционизм и богословие – две вещи несовместные. Тот же К. Буфеев говорил в своей статье «Ересь эволюционизма»:

«...тема нашего труда, вынесенная в заглавие – “ересь эволюционизма” – будет актуальна до тех пор, пока не прекратятся попытки примерить и соединить чуждые и не совместимые между собой мировоззрения: веру в Божественное Откровение и веру в эволюционизм» (1; 3).

Научный эволюционизм, таким образом, и до сих пор не даёт священнослужителям покоя, хотя в науке он укрепил свои

позиции ещё во второй половине XIX века. Не без оснований они видят в нём своего главного врага.

В 2000 году «Православное общество защиты и раскрытия святоотеческого учения о сотворении мира» выпустило сборник статей, который имеет название, шокирующее современного читателя своим воинственным мракобесием: «Шестоднев против эволюции» (2).

Шестоднев есть часть библейского «Бытия», где излагается миф о сотворении мира древнееврейским богом Яхве за шесть дней. Опираясь на сам Шестоднев и учения отцов церкви, живших в Средние века, авторы этого сборника, забыв о времени, в котором они живут, взялись за развенчание научного эволюционизма.

О средневековой воинственности их антисциентистского инволюционизма говорят уже названия статей, помещённых в данном сборнике: *Ересь эволюционизма* (Священник Константин Буфеев), *Почему православный не может быть эволюционистом* (Буфеев С. В.), *Эволюционный миф и современная наука* (Александр Хоменков), *Ложь «православного эволюционизма»* (Сергей Шубин).

Правда, в этом же сборнике помещены статьи, названия которых не выглядят столь воинственно, как приведённые выше: *Методологические проблемы идеи развития* (Священник Андрей Лоргус), *Эволюционизм в свете православного учения* (Священник Даниил Сысоев), *Богословские аспекты проблемы согласования православного и эволюционного учений о происхождении человека* (Максимов Ю. В.).

Тем не менее в целом этот сборник можно назвать манифестом современного православного антиэволюционизма. Наиболее яркая фигура среди его авторов – Константин Буфеев.

Разоблачая вслед за иеромонахом Серафимом (Роузом) антихристианскую сущность эволюционизма и объявив его мировоззрением языческим, К. Буфеев ставит перед единоверцами страшный вопрос:

«Может ли православный не быть креационистом?», т.е. может ли он не верить в то, что бог Яхве сотворил вселенную не за

несколько миллиардов лет, а всего за шесть дней? Ответ очевиден. Конечно, не может. Если он откажется от «Бытия», где изложен миф о божественном миротворении, то он, естественно, станет еретиком. Таким, например, с точки зрения К. Буфеева, является дьякон Андрей Кураев, который осмелился подправлять Шестоднев соображениями, взятыми из научного эволюционизма.

Вот как пишет об этом еретике К. Буфеев: «Известный православный публицист дьякон Андрей Кураев уже не единожды высказывался как убеждённый эволюционист. По его мнению, “христианская традиция: склонна понимать “шесть дней” творения как шесть основных эпох возникновения мироздания. Вопрос о длительности этих “дней” считается не имеющим вероучительного характера”. Между тем, в Православии, в отличие от протестантских кругов, под “христианской традицией” принято понимать традицию Святых Отцов. Мысль отца дьякона была бы убедительной, если бы подтверждалась мнением отцов Церкви. К сожалению, привести святоотеческих цитат о. Андрею не удаётся по той простой причине, что их просто нет. Как мы показали выше, церковное Предание всегда воспринимало Шестоднев достаточно буквально» (1; 27).

Ничего другого «церковному преданию» и не оставалось делать, добавлю я от себя, поскольку попытки научной модернизации учения о Шестодневе обречены на провал. С этой мыслью К. Буфеева нельзя не согласиться, который выразил её по-пушкински:

«Новейшее модернистское богословие полно неуклюжих попыток запрячь в одну повозку коня и трепетную лань – грубый языческий (как мы покажем ниже) по своей природе эволюционизм и изящное святоотеческое учение о шестидневном творении мира как деле рук Божиих» (1; 3).

Свою аргументацию против эволюционизма К.Буфеев начинает с утверждения о том, что эволюционизм вовсе не основывается на реальных фактах, а представляет собою не что иное, как одно из вероучений. Это надо понимать так, что в идею эво-

люции люди науки верят точно так же, как богословы верят в божественное творение мира.

Какой же аргумент против эволюционной теории выдвигает К. Буфеев? А вот какой: эволюцию, оказывается, никтоне видел. Не теряя твёрдости духа, он так излагает этот аргумент:

«Дело в том, что эволюции как таковой мы в мире не видим и никогда не видели. Ни один вид из другого на памяти человечества произведён не был. Равно как никто не наблюдал, чтобы живое произошло из неживого или разумное из неразумного» (там же).

Вот так К. Буфеев вместе с иеромонахом Серафимом уравнивали верующего с учёным, а стало быть, религию с наукой. И в первой – вера, и в другой – вера. Видит, например, учёный поразительное сходство, имеющееся между человеком и обезьяной, и начинает проникаться верой в их общего предка. Почему верой?

Да потому, что его, этого предка, воочию-то никто не видел. Выходит, ничего, кроме веры, и здесь не остаётся. Чего же, спрашивается, религия и наука так долго враждовали друг с другом и до сих пор продолжают это делать?

Очевидно, не нашлось на них в подходящий момент Константина Буфеева. Он бы их представителям объяснил, что «вера в эволюцию (я цитирую) ничуть не более научна и обоснована, чем вера с библейское повествование о шести днях творения» (там же).

Действительно, какая между ними разница? Один верит, в то, что наш мир – результат его многомиллионного развития, а другой – в то, что Яхве создал его за шесть дней? И здесь – вера, и там – вера. Стало быть, и разницы между этими двумя взглядами нет никакой.

Научный эволюционизм волнует К.Буфеева лишь постольку, поскольку он проникает в православие: «Эволюционисты, вольно или невольно отрекаясь от догматов православного учения, являются пятой колонной, открывают ворота, впуская дух века сего в церковную ограду. Упрёк ко всем эволюционистам заключается в измене Священному Писанию и догматиче-

скому апостольскому Преданию, содержимому Православной Церковью. Иными словами, эволюционизм есть ересь, и всякий исповедующий себя эволюционистом, должен знать, что тем самым отсекает себя от единой святой соборной и апостольской Церкви, как еретик» (1; 8).

Дарвинизм для церковников был и остаётся первым врагом. У Александра Хоменкова читаем:

«Дарвин глубоко ошибался, ставя знак равенства между изменчивостью живых существ и эволюционным усложнением. Изменчивость имеет чётко определённые границы, которые никогда и никем не переходятся. Сколько бы не изменялись вьюрки на Галапагосских островах – они всегда останутся вьюрками и никогда не превратятся в аистов или же летучих мышей, поскольку законы природы запрещают подобные превращения. Из плавников рыбы также никогда не возникнет конечность наземных животных, а из чешуи динозавров никогда не образуются перья птиц».

Вот до какого умопомрачения может дойти человек, ослеплённый ненавистью к эволюционизму! Видно, чует он, что рано или поздно, но всё-таки придут времена, когда эволюционная буря окончательно сметёт все источники существования всех его собратьев.

Пример антиэволюционизма у К. Буфеева и иже с ним поучителен своим примитивизмом. В отличие от католиков, например, которые, как я уже упоминал, чтобы идти в ногу с наукой, попытались соединить несоединимое – библейский Шестоднев с концепцией Большого взрыва. Они создают, по крайней мере, иллюзию своей внутренней – внутрибогословской – эволюции. А К. Буфеев летит через сотни лет назад – к Средневековью, к Иоанну Златоусту, Григорию Нисскому, Иоанну Дамаскину и прочим отцам христианской церкви.

Разве может какой-нибудь Чарлз Дарвин конкурировать, например, с Иоанном Златоустом, который жил ещё в IV веке и был епископом Константинополя? А К. Буфеев цитирует последнего как своего современника. Вот одна из таких цитат:

«Когда кончил Бог украшение неба, усеяв его звёздами и сотворив два светила великия, то положил конец дню и говорит: бысть вечер, бысть утро, день четвёртый. Смотри, как он говорит это о каждом дне, чтобы частым повторением учения укрепить в нашем уме божественные догматы» (1; 18).

Люди, подобные Константину Буфееву, представляют собою инволюцию в её чистейшем виде! Из XX века они перемещаются в IV с инволюционной лёгкостью необыкновенной! Более того, инволюционизм К. Буфеева заявляет о себе не только в том, что своих союзников в борьбе с эволюционизмом он находит в седой старине, но и в том, что он напрямик отрицает эволюцию, заменяя её инволюцией. Так, он писал:

«Вера в эволюцию предполагает ожидание в будущем всё большей гармонии и совершенства. Православная вера противоположна: мир идёт к своему концу и общему упадку. Учение эволюционизма говорит, что прежде были лишь хаос и примитивные формы организации материи. Христианство исповедует библейскую веру в то, что совершенным было творение в самом начале: “И виде Бог вся елика сотвори, и се добра зело” (Быт. 1.31)» (1; 21).

Вот и выходит, что вся наша современная цивилизация со всеми её культурными достижениями (наукой, техникой, искусством и т.д.) – вовсе не результат эволюции, а результат инволюции! Компьютер, например, результат инволюции каменного топора, а, скажем, картина Н. И. Крамского «Христос в пустыне» – результат инволюции первобытной наскальной живописи! А «Война и мир» Льва Толстого из чего инволюционировала?

Да, нельзя не согласиться с К. Буфеевым, который, подводя итог своей борьбе с эволюционизмом, совершенно справедливо сказал: «Подводя итог всему сказанному, можно сделать вывод, что по всем основным положениям взгляды христианства и эволюционизма противоположны. Соединить вполне языческую веру в эволюцию и христианскую веру в Божественное Откровение невозможно. Окажется синкретическое уродство...» (1; 22).

Такое уродство, например, он нашёл в работах «известного “православного” писателя протоирея» (1;26) Александра Меня. К. Буфеев писал:

«Лишив первозданного Адама права быть личностью, прот. Мень учит, что смерть властвовала на земле и до Адама (по его терминологии до “человечества”), и таким образом эволюция представляет собой изначальный и неизбежный закон бытия. Он утверждает: “Смерть в природе универсальна”, и тут же риторически вопрошает: “Можно ли после этого говорить о том, что смерть в природу внёс человек?”. Можно ли христианину говорить и думать иначе? Нельзя же в упоительном эволюционистском экстазе забывать ясные слова апостола языков: “Единем человеком грех в мир вниде и грехом смерть” (Рим. 5, 12). Церковь устами блаженного Феофилакта поясняет: “Грех и смерть вошли в мир через одного человека Адама, и опять же одним человеком, Христом, устранены”. Итак, мнение о. Александра Меня по этому вопросу не православно. Не православно оно и у многих учеников-последователей, заражённых тем же модернистско-эволюционистским духом» (1; 27).

В данном пункте прав К. Буфеев, а не А. Мень, поскольку нельзя соединить несоединимое – религию и науку, богословский инволюционизм и научный эволюционизм. Можно проводить параллели между библейским эволюционизмом и научным, но модернизировать «Библию» за счёт научного эволюционизма означает не что иное, как создавать, по выражению К. Буфеева, «синкретическое уродство».

Сциентизация «Библии», как и любого другого религиозного канона, может показаться на первый взгляд весьма благородным занятием, а между тем данная форма инволюционизма в духовной культуре является более тонкой и более коварной, чем антисциентистская, которую мы только что наблюдали у К. Буфеева.

Дело в том, что сциентизация религии даёт религиозному сознанию новый шанс на выживание, а стало быть, и новый шанс для борьбы с научным сознанием, с научной картиной мира. Сциентистская форма антиэволюционизма в богосло-

вии выглядит как эволюционизм лишь с внутрибогословской точки зрения. Но с общекультурной точки зрения и эту форму следует расценивать как антиэволюционизм, поскольку и она тянет культуру назад, а не вперёд, продлевая жизнь религиозной картине мира и тем самым затормаживая движение вперёд научной картине мира.

Если антисциентистский антиэволюционизм ярко представлен у К. Буфеева, то сциентистский – у А. Меня. Каким же образом он пытался онаучить «Библию»?

А. Мень стремился увидеть в «Библии» символическое изображение реальной эволюции. Для подобного взгляда на священное писание имеются весьма веские основания, поскольку в религиозной форме эволюционизм в ней виден, как говорится, невооружёнными глазами. Яхве по существу творил мир в эволюционной последовательности: физиогенез – биогенез – психогенез – культурогенез (см. подр. 4; 11-18).

Свою задачу А. Мень видел в подведении научной основы под библейский эволюционизм, исходя из предположения о том, что в «Библии» научный эволюционизм представлен в религиозно-символической форме. Так, Адам, с его точки зрения, представляет собою не конкретную личность, а зарождающееся человечество вообще.

Против общечеловеческой интерпретации Адама у А. Меня резко выступил К.Буфеев, видя в ней один из путей проникновения научного эволюционизма в православие. Он писал:

«Однако из сказанного никак не вытекает то, в чём хочет убедить читателя А. Мень – будто сотворённый первый человек был не “единая личность”, но какой-то “Всечеловек” (это слово взято явно не из святоотеческого источника, но, по-видимому, из Каббалы), тем более – не “целокупная душа всего человечества”. Такой “мысли” нет ни у св. Григория Нисского, ни у кого-либо из Святых Отцов. Из того, что в приведённых библейских стихах говорится о создании Богом человеческой природы (или человека), никак не следует того, что Адам не был личностью. Как раз был, и Библия не позволяет в этом усомниться» (1; 26).

Обратимся теперь к работам самого А. Меня, чтобы ознакомиться на их примере со сциентистской формой инволюционизма в православии.

Александр Владимирович Мень (1935–1990) был весьма начитанным человеком. Он обладал не только широкой богословской эрудицией, но и научной. Вот почему в его книгах и выступлениях фигурирует множество имён – от апостола Павла (Савла Тарсянина) до П. Тейяра де Шардена и В. И. Вернадского. Религиозная терминология у него удивительным образом уживается с научной. Вот вам типичный образец их слияния в главе «Ноосфера» из его книги «Истоки религии»:

«Библия открывает нам и нечто большее. Символ “Древа Жизни”, который появляется на первых её страницах, означает потенциальное бессмертие *в с е з о* человеческого существа, а вместе с ним и всей природы. Человек, согласно Писанию, есть духовно-телесное единство. Поэтому его роль в мироздании не может ограничиться сохранением и совершенствованием одного духа среди общего разложения материи. Незримая энергия, которой он наделён, ещё далеко не реализовала всех своих возможностей. Через своё тело человек слит с природным космосом, и его восхождение есть одновременно и восхождение всей твари. Эволюция биосферы – это побег от смерти, история же человека – это путь к *в о с к р е с е н и ю* и одухотворению материи. Следовательно, неразрушимость духа есть лишь этап, а не вершина прогресса» (5).

С одной стороны, древо жизни, тварь и воскресение, а с другой, природный космос, эволюция биосферы и вершина прогресса.

Научный контекст, которым А. Мень окружает христианские мифы, подвергает их демифизации, тем самым представляет события, описанные в них, чуть ли не как естественные. Так, он очень осторожно подводит своих слушателей к мысли об участии божественного разума (не бога, а именно – божественного разума) в создании столь сложного мира, по обыкновению облакая эту мысль в историко-научный контекст:

«Чарлз Дарвин говорил, что, хотя он воспринимает мир не механически, как процесс, – всё же, задумываясь над его сложностью, он не может понять: неужели слепая случайность смогла всё это породить, и не следует ли нам за всем этим видеть некий разум, в чём-то аналогичный нашему? (Можно к этому добавить: не просто аналогичный, но безмерно превосходящий наш разум)» (6).

Яркий пример демифизации образа Христа у А. Меня:

«А вот в эту ночь, о которой я говорю, которая произошла весной 30-го года первого столетия нашей эры, Иисус Назарянин в окружении двенадцати совершает обряд воспоминания о свободе, которую дарует Бог. И крови здесь нет, а есть чаша с вином и хлебом. И он разламывает этот хлеб и раздаёт всем и говорит: “Это моё тело”. Как жертвенный агнец за людей. И он обносит чашу среди учеников и говорит: “Это Моя кровь, которую Я проливая за вас, это Новый Завет в Моей крови”. Таким образом, в этой священной трапезе, о которой мы с вами говорили, когда касались литургии, Бог и человек соединяются уже не в реальной физической крови, но в символической крови земли, ибо виноградный сок, вино – это есть кровь земли, а хлеб – это есть плод земли, это природа, которая нас кормит, это Бог, который отдаёт себя людям в жертву» (там же).

Вот, оказывается, в чём дело! Кровь, о которой в этом странном эпизоде из «Нового завета» говорит Иисус как о своей крови, на самом деле есть не что иное, как виноградный сок!

Теперь мы начинаем понимать, почему К. Буфеев взял слово «православный» по отношению к А. Меню в кавычки. Всё дело в том, что демифизация «Библии» А. Менем лишает её чудодейственной стороны, тем самым уменьшая её религиозный статус, поскольку без чуда религии не бывает. Что это за бог, если он не способен творить чудеса?

Конечно, полностью освободить «Библию» от чудодейственной составляющей А. Меню не мог, но его стремление к этому мы уже видели. В своих работах он стремился либо прямо избегать упоминаний о библейских чудесах, либо истолковывать их так, чтобы они выглядели как можно естественнее.

«Ересь эволюционизма» К. Буфеев обнаружил не только у «православного» писателя А. Меня. Беспощадной критике он подвергает в своей статье работы и других православных мыслителей, подпавших под тлетворное влияние эволюционизма. Кроме А. Меня и А. Кураева, он относит к ним также Александра Борисова – автора книги «Побелевшие нивы» (7) и Георгия Кочеткова – автора книги «Идите, научите все народы» (8), где они, подобно А. Меню, пытаются сциентизировать «Библию».

Вот каким образом А. Борисов пришёл к мысли о необходимости демифизации и сциентизации священного писания. В начале своей книги он пишет:

«Конец XIX – начало XX в. для многих верующих людей было временем кризиса, вызванного явным несовпадением библейского рассказа о сотворении мира за 6 дней и человека из “праха земного” с данными геологии, палеонтологии и антропологии. Вместо 6 дней – 2 миллиарда лет физической, химической и биологической эволюции, а вместо “праха земного” – явное родство человека со всеми животными вообще и человекообразными обезьянами в особенности» (7;137).

К. Буфеев по поводу этих слов издаёт истошный вопль: «Господи, помилуй! Поистине происходит дьявольское помрачение. Православный священник специально пишет книгу, в которой отрицает 6 дней творения и создание Богом человека из праха земного! О прахе он пишет не иначе как в кавычках. Все святые, молитесь Бога о нас!».

По пути А. Меня и А. Борисова пошёл и Г. Кочетков. Вот, например, как он описывает первородный грех в своей книге: «В образе “крепкого сна”, взятия (т. е. поднятия) “одного из ребер” Адама и утаивающего конечного “закрытия его плотию” можно видеть любовное соитие Адама с женской особью, в чём-то себе подобной (“человекообразной”), призванной стать при этом человеком – “женой”. В любом случае нельзя не признать, что это – символ телесной близости тех, кто становится “одной плотью”» (9; 97-98).

А вот реакция на эти слова со стороны К. Буфеева: «Поистине ничего подобного не писал не только никто из Святых Отцов,

но и просто из благомыслящих людей. Кочетков хочет видеть в данном библейском стихе ни много ни мало, “любовное соитие Адама с женской особью” – человекообразной обезьяной!!».

К. Буфеев здесь прав: результатом сциентизации «Библии», как, впрочем, и любого другого религиозного канона, как правило, становится «синкретическое уродство» (а ещё лучше его назвать *эклeктическим уродством*).

Ещё один пример такого «уродства» можно найти в статье, адресованной для детей (9), в которой сначала даётся цитата из «Библии», а потом – её научная интерпретация:

«И сказал Бог: да будет свет.

И стал свет. И увидел Бог, что он хорош».

Уже несколько сот лет размышляют учёные, как возникла Вселенная. Не так давно они пришли к выводу, что это было похоже на взрыв, в результате которого появился свет. Новорожденный мир был горячим, его температура – огромная, и он быстро увеличивался. Мы бы не успели хлопнуть в ладоши, а свет уже пробежал расстояние, как от Земли до Луны. Вот какая у него скорость! Представьте себе очень яркую и очень горячую лампочку, которая раздувается как воздушный шарик. Это будет похоже на начало Вселенной.

“И отделил Бог свет от тьмы”.

Прошёл миллион лет. Вселенная остыла и стала огромной. Теперь она была наполнена газом, на котором Господь в течение многих миллиардов лет создавал гигантские звёздные скопления – галактики. Учёные много думают о том, как Он это сделал, но пока ещё не могут понять. Вот так Бог отделил свет от тьмы: звёзды, созвездия, галактики полетели в темной пустоте расширяющейся Вселенной. Летят и сейчас, словно звёзды с пустотой играют в догонялки. Прошли ещё миллиарды лет, и в звёздах образовались те вещества, из которых строились планеты. Одна из них наша Земля.

“Да прорастит земля былые травное”.

Первые растения на земле были мхи и папоротники. Прошли десятки миллионов лет, и появились хвощи и плауны... Потом ещё через сотни миллионов лет появились и другие растения, в том числе и цветущие, без которых земля была бы не так красива, как теперь».

В таком же эклектическом роде написаны книги «Теория распада Вселенной и вера отцов» епископа Василия (Родзянко), «Библия и наука о сотворении мира» протоерея Стефана Ляшевского и др. Вот как, например, комментирует пятый день божественного творения мира С. Ляшевский: «Пятому дню творения соответствует от начала до конца вся Мезозойская эра, состоящая из трёх периодов: Триасового, Юрского и Мелового» (10; 27).

Итак, на примере приведённых мною богословских сочинений мы увидели две главные тенденции, имеющиеся в современном русском православии – антисциентистскую (К. Буфеев, С. В. Буфеев, А. Хоменков, С. Шубин, Д. Таланцев и др.) и сциентистскую (А. Мень, А. Кураев, А. Борисов, Г. Кочетков, С. Ляшевский и др.).

Если представители первой стремятся сохранить библейские мифы в первозданном виде, полностью отменяя какие-либо привнесения в неё со стороны эволюционных теорий, то представители другой пытаются сочетать несочетаемое – религию и науку, религиозный эволюционизм и научный.

Обе эти тенденции, тем не менее, представляют собою разные формы антиэволюционизма, поскольку по-разному делают одно и то же – препятствуют по мере возможности распространению научного эволюционизма, тем самым находясь на одной и той же службе – на службе у инволюции духовной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Буфеев К. Ересь эволюционизма // Шестоднев против эволюции / Под ред. Даниила Сысоева. М., 2000: http://creatio.nm.ru/sbornik/rev_kbueev_eresy.html.

Шестоднев против эволюции / Под ред. Даниила Сысоева. М., 2000 (ШПЭ): <http://creatio.nm.ru/sbornik/index.html>.

Таланцев Д. Узаконенная лженаука: <http://www.aha.ru/~taldm/kladist.htm>.

Даниленко В. П., Даниленко Л. В. Эволюция в духовной культуре: свет Прометея. М.: КРАСАНД, 2012.

Мень А. Ноосфера: <http://www.philosophy.ru/library/men/02/04.html>.

Мень А. Христианство: <http://www.philosophy.ru/library/men/02/04.html>.

Свящ. Ал. Борисов. Побелевшие нивы. М., 1997.

Свящ. Георгий Кочетков. «Идите, научите все народы». Катехизис для катехизаторов. М., 1999.

Александрова О., Рукова С. Сотворение мира // С нами Бог, 1994, № 4.

Прот. Стефан Ляшевский. Библия и наука о сотворении мира. М., 1997.

КНИГИ АВТОРА

1. **Эволюция в духовной культуре: свет Прометея** (в соавторстве с Л. В. Даниленко). М.: КРАСАНД, 2012. 640 с.
2. **Инволюция в духовной культуре: ящик Пандоры**. М.: КРАСАНД, 2012. 576 с.
3. **Смысл жизни**. М.: Флинта: Наука, 2012. 296 с.
4. **Мысли из дневника**. СПб.: Алетейя, 2013. 370 с.
5. **Универсальный эволюционизм – путь к человечности**. СПб.: Алетейя, 2013. 496 с.
6. **От тьмы – к свету. Введение в эволюционное науковедение**. СПб.: Алетейя, 2015. 429 с.
7. **Культурно-эволюционный подход в филологии**. СПб.: Алетейя, 2013. 480 с.
8. **От животного – к Человеку. Введение в эволюционную этику**. СПб.: Алетейя, 2015. 391 с.
9. **От несправедливости – к справедливости. Введение в эволюционную политологию**. СПб.: Алетейя, 2016. 410 с.
10. **От лжи – к истине. Введение в эволюционную философию**. СПб.: Алетейя, 2016. 436 с.
11. **Картина мира в пословицах русского народа**. СПб.: Алетейя, 2017. 374 с.
12. **Картина мира в сказках русского народа**. СПб.: Алетейя, 2017. 317 с.
13. **Картина мира в былинах русского народа**. СПб.: Алетейя, 2018. 302 с.
14. **От предъязыка – к языку. Введение в эволюционную лингвистику**. СПб.: Алетейя, 2015. 387 с.
15. **Дисциплинарно-методологический подход в лингвистике**. СПб.: Алетейя, 2013. 440 с.
16. **Ономасиологическое направление в грамматике**. 3 изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 344 с.
17. **Функциональная грамматика Вилема Матезиуса. Методологические особенности концепции**. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 208 с.

18. **Вильгельм фон Гумбольдт и неогумбольдтианство.** М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 216 с.
19. **История русского языкознания.** Курс лекций (с грифом УМО Министерства образования РФ). 5 изд. М.: Флинта : Наука, 2017. 320 с.
20. **Введение в языкознание.** Курс лекций (с грифом УМО Министерства образования и науки РФ). 5 изд. М.: Флинта: Наука, 2017. 288 с.
21. **Общее языкознание и история языкознания.** Курс лекций (с грифом УМО Министерства образования РФ). 5 изд. М.: Флинта: Наука, 2017. 272 с.
22. **Методы лингвистического анализа.** Курс лекций. 5 изд. М.: Флинта: Наука, 2017. 280 с.

СОДЕРЖАНИЕ

	Введение	5
1.	ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ.....	7
1.1.	Краткая история изучения древнекитайских мифов	7
1.2.	Миф и сказка	15
1.3.	Пути, ведущие к мифической картине мира	25
1.3.1.	Фетишизм	25
1.3.2.	Тотемизм	26
1.3.3.	Анимизм	28
1.3.4.	Теизация	29
2.	ДРЕВНЕКИТАЙСКАЯ МИФИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА	32
2.1.	МИР	32
2.1.1.	Космогония	32
2.1.2.	Небо	35
2.1.3.	Земля	40
2.1.4.	Подземный мир	43
2.2.	ФИЗИЧЕСКАЯ ПРИРОДА	48
2.2.1.	Земля	48
2.2.2.	Вода	51
2.2.3.	Ветер	55
2.2.4.	Солнце	57
2.2.5.	Огонь	60
2.3.	ЖИВАЯ ПРИРОДА	61
2.3.1.	Растения	61
2.3.2.	Животные	65
2.3.3.	Полулюди-полуживотные	73
2.3.4.	Люди	76
2.4.	ПСИХИКА	82

2.4.1.	Чувства	82
2.4.2.	Ум	83
2.5.	КУЛЬТУРА	90
2.5.1.	МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА	90
2.5.1.1.	Пища	90
2.5.1.2.	Одежда	95
2.5.1.3.	Жилище	98
2.5.1.4.	Техника	100
2.5.2.	ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА	101
2.5.2.1.	Религия	101
2.5.2.2.	Наука	118
2.5.2.3.	Искусство	128
2.5.2.4.	Нравственность	135
2.5.2.5.	Политика	154
2.5.2.6.	Язык	174
	З а к л ю ч е н и е	177
	Приложение	189
	Язычество у греков	189
	Язычество у германцев	197
	Язычество у славян	200
	Ведизм, брахманизм, индуизм	210
	Буддизм	219
	Иудаизм и христианство	234
	Ислам	244
	Демифизация образа Прометея в истории литературы	246
	Демифизация образа Христа в истории русского еретичества	260
	Две формы антиэволюционизма в русском православии	278
	Книги автора	293

Даниленко Валерий Петрович
Картина мира в мифах древнего Китая

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *Л. Г. Иванова*
Корректор *Д. А. Потапова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, 86 А, оф. 536
Тел. +7-921-951-98-99, Савкина Татьяна Михайловна,
+7-911-820-22-47, Галина Михайловна, склад
Редакция издательства «Алетейя»:
СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304,
тел. (812) 577-48-72, aletheia92@mail.ru
Отдел продаж: fempro@yandex.ru, тел. +7-921-951-98-99
www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97
«Фаланстер», М. Гнездиковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16
Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6
Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru

в Киеве:

«Книжный бум». Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Экономпресс», ул. Толбухина, 11. Тел. +37 529 685-70-44, shop@literature.by

в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,
ul. Ptasia 4. Тел. +48 (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

в Риге:

«Intelektuāla grāmata»
Rīga, Kr. Barona iela 45/47. Тел. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88 1/16. Усл. печ. л. 18,21. Печать офсетная.

Заказ №